А.Д. Эпштейн

ИЗРАИЛЬ И (НЕ)КОНТРОЛИРУЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ: УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ

Институт Ближнего Востока Ассоциация «Гишрей Тарбут»

А.Д. Эпштейн

ИЗРАИЛЬ И (НЕ)КОНТРОЛИРУЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ: УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА

А.Д. Эпштейн

Израиль и (не)контролируемые территории:
УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ

Книга издана при участии фонда
Михаила Черного

Издатель — *М. Гринберг*
Зав. редакцией — *И. Аблина (Москва)*
О. Константинова (Иерусалим)

Художественное оформление — *Г. Блейх*
Компьютерная верстка — *И. Пичугин*
Корректор — *А. Коссовская*

В оформлении обложки использована фотография Аркадия Мазора

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (495)792-3856

e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)-2-624-2527
Fax: (972)-2-624-2505
e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

© Мосты культуры/Гешарим, 2008
© А. Эпштейн

ISBN 978-5-93273-283-0

Предисловие президента Института Ближнего Востока

Представлять вниманию читателей очередную книгу известного израильского ученого д-ра А. Эпштейна тем большее удовольствие, что написана она в свойственной ему яркой манере, читается легко и несомненно вызовет интерес широкой публики. Эта работа — итог тщательного исследования, проведенного человеком, обращающим особое внимание на малоизвестные или вовсе не известные детали, редкий во все времена образец добротного политологического, а не *политтехнологического* продукта. При этом труд д-ра Эпштейна содержит информацию, которая впервые вводится в русскоязычный академический оборот, и тем интересен не только для публики, но и для специалистов, в том числе практиков.

Представляется, что отнюдь не случайно именно на русском языке и в России издается сегодня все больше работ, посвященных Ближнему Востоку, и в частности современному Израилю, которые можно уверенно назвать лучшими в своем жанре. Их авторы — русскоязычные израильтяне — с одинаковой легкостью ориентируются в двух мирах,

в равной мере владея ивритом, русским и английским языками. При этом они не только являются профессионалами высокого класса, но и обладают уникальным опытом работы, в том числе преподавательской, в университетах и научных центрах Израиля, России и стран Запада. Это в полной мере относится к автору настоящей книги, ибо д-р Эпштейн хорошо знаком нескольким поколениям студентов не только Открытого университета Израиля, но и Института стран Азии и Африки МГУ, Нижегородского и Томского университетов, других отечественных вузов.

Россия, унаследовав от СССР статус «коспонсора мирного процесса», является его активным участником, что делает знакомство с внутренней кухней арабо-израильских отношений особенно актуальным для дипломатов и ответственных лиц, представляющих нашу страну на международной арене. Именно к ним, а также к студентам-международникам и к тем, кто профессионально занимается Ближним Востоком, обращена в первую очередь книга А. Эпштейна.

Разумеется, не все читатели согласятся со всеми ее положениями. В конце концов, автор, будучи израильтянином и патриотом своей страны, занимает, при всем его личном пацифизме, уважении к арабскому миру, симпатии к левоцентристской идеологии и практике израильских политиков, а также присущей ему самокритичности и объективности оценок, вполне конкретную позицию. Впрочем, опыт общения с людьми, не только исследующими ближневосточный конфликт, но и принимающими в нем активное участие, избавляет от иллюзий по поводу возможности той степени отстраненности от него, которую принято демонстрировать, следуя правилам политкорректности. Те или иные симпатии и антипатии неизбежно возникают и у сторон-

них наблюдателей, и у посредников, и у исследователей. Тем приятнее, что в книге д-ра Эпштейна нет скрытого подтекста — он пишет именно то, что думает, простыми словами, которые позволяют услышать и понять его гораздо лучше, чем если бы он пользовался свойственным многим современным авторам эзоповым языком, состоящим из намеков и полунамеков. Говоря проще, это — честная книга, и этим она чрезвычайно ценна.

Является ли ближневосточный мирный процесс чем-то, способным принести хоть какие-то плоды кому-то, помимо его непосредственных организаторов, нам пока не известно. Пока что он больше напоминает бег по кругу. В нем сплетены амбиции и личная неприязнь политиков, историческая вражда кланов и партий, противостояние практиков, работающих в сфере безопасности, и теоретиков-политологов, борьба за власть и интриги, достойные Макиавелли. Не исключено, что будущие поколения исследователей будут говорить о нем как о растянутой во времени капитуляции Израиля перед террористическими организациями, успешно освоившими дипломатическую риторику. Возможно, в этом обвинят политических лидеров, которые в погоне за иллюзиями и Нобелевскими премиями мира с начала 1990-х годов растратили плоды побед, доставшихся израильской армии в предшествующие эпохи. Пока не вызывает сомнений, что безопасность израильтян сегодня находится под угрозой, не сравнимой с худшими периодами их прошлого. Перспективы же создания палестинского государства — полноценного, живущего за собственный счет в мире с соседями, а не всемирного Гарлема, подпитываемого многомиллиардными дотациями «мирового сообщества», — более чем сомнительны.

Есть в новейшей истории региона вещи, с которыми не спорит никто. Условия жизни на территориях, контролиру-

емых ХАМАСом в Газе и ПНА на Западном берегу, несравнимо ухудшились со времен «оккупации» — и это результат именно «мирного процесса». Есть вещи спорные, включая оценки роли тех или иных персон или интерпретацию тех или иных исторических фактов. В самом деле: являлась ли гибель Ицхака Рабина результатом спонтанных действий «правого террориста-одиночки» или хорошо подготовленного заговора спецслужб? И являлся ли он на самом деле «жертвой мирного процесса» или погиб оттого, что принял решение свернуть этот вышедший из-под контроля процесс, инициированный его вечным соперником Шимоном Пересом — единственным политиком Израиля, который выиграл от смерти Рабина? Так ли необходимо было эвакуировать войска Израиля с юга Ливана и из Газы, в результате чего контроль над этими районами перешел к радикалам-исламистам? И если один из самых опытных генералов Израиля, Эхуд Барак, своими руками отдал Ливан «Хизбалле», а один из крупнейших полководцев XX века, Ариэль Шарон, подарил Газу ХАМАСу, то так ли уж виноват случайно ставший премьером Эхуд Ольмерт, безо всякого смысла развязавший и с треском проваливший вторую ливанскую войну? Почему раз за разом политическая элита Израиля на протяжении двух последних десятилетий упорно идет на сделки с террористами, рушащие безопасность страны и ее граждан, вопреки собственной успешной практике бескомпромиссной борьбы с ними предшествующих периодов?

И чем в конце концов все это закончится? Для израильтян, забывших о том, что ни одно государство не вечно — даже если это Государство Израиль. Или — особенно если это Государство Израиль. Для палестинцев, все большее число которых понимают — слишком поздно и слишком дорогой ценой, — что собственное государство — не пана-

цея от бед. И что оно может стать источником проблем, а не инструментом их разрешения. Для их непосредственных соседей и всего арабского мира, который всегда в отношении палестинцев это подозревал, но вынужден был — и вынужден будет — «сохранять лицо». Для «мирового сообщества», которое, похоже, так и не осознало, что для того чтобы основать государство, мало принять резолюцию ООН, создать комиссию и принять бюджет, поскольку государства основывают не международные бюрократы, а народы. Причем исключительно те из них, которые на это способны, при том что способны далеко не все. В описываемом же случае практический эксперимент по созданию палестинского государства, проводимый на протяжении почти двух десятилетий при беспрецедентной поддержке мирового сообщества, провалился окончательно, и лишь немыслимость и невозможность признания этого факта заставляют «коспонсоров мирного процесса» нести этот «чемодан без ручки». Что, впрочем, лишь прибавляет веса книге д-ра А. Эпштейна как источнику ценной информации и свидетельству эпохи.

Евгений Сатановский
президент Института Ближнего Востока

Предисловие автора

Я долго шел к этой книге, и она далась мне с большим трудом. Год за годом публикуя работы об истории и современном состоянии арабо-израильского конфликта, я с трудом находил, хотя бы и заведомо неполные, ответы на вопрос, как же оказалось, что блестящая военная победа Израиля в Шестидневной войне спустя сорок лет воспринимается едва ли не как победа пиррова, как некое недоразумение, своего рода непомерно дорогой подарок небогатой семье, которая так и не смогла адекватно им распорядиться. Сорок с небольшим лет назад Израиль закончил войну с ощущением, что ему удалось на долгие десятилетия гарантировать себе и мир и безопасность, ибо кто теперь решится напасть на страну, доказавшую свой статус региональной военной державы?! Пограничные линии, названные министром иностранных дел Израиля Абой Эвеном «границами Освенцима», казались навсегда стертыми, причем в самом прямом смысле этого слова: на выпускаемых с тех пор в Израиле географических картах «зеленая черта», отделяющая собственно суверенную территорию Израиля, все жи-

тели которой, независимо от их национальности, имеют общее гражданство, от так называемых контролируемых территорий, арабские жители которых израильского гражданства не имеют, не обозначена никак. В ходе Шестидневной войны Израилю удалось получить контроль над всей территорией бывшего британского мандата: и над той, на которой должен был быть создан Израиль, и над той, на которой, если вспомнить резолюцию ООН 1947 года, должно было быть создано Палестинское государство. Победа в Шестидневной войне казалась окончательной и бесповоротной победой политического сионизма, которому удалось создать еврейское национальное государство, сумевшее добиться контроля над всей территорией Эрец-Исраэль к западу от реки Иордан. Эта победа должна была подвести черту под этапом отстаивания Израилем своего государственного суверенитета: отныне, казалось, никто не мог ставить под сомнение легитимность его существования.

Произошло, однако, прямо противоположное. В результате Шестидневной войны и последовавшего вслед за ней разрыва дипломатических отношений между Израилем и СССР (а также странами, шедшими в фарватере советского внешнеполитического курса) международное положение Израиля значительно ухудшилось. Оно ухудшилось еще более в связи с резким обострением отношений с арабскими странами (что проявилось уже на Хартумском саммите ЛАГ в сентябре 1967 года), а также в связи с ростом международного признания палестинского движения сопротивления. Израиль же, со своей стороны, так и не сумел выработать какой-либо последовательной, внятной политики относительно будущего занятых им территорий: разные политические, государственные и военные деятели выдвинули множество всевозможных, зачастую противоречивших

друг другу планов, ни один из которых не был реализован в полном объеме. Территории — то ли «освобожденные», то ли «оккупированные», но чем дальше, тем менее контролируемые, превратились в обузу, которую и отдавать жалко, да и не очень понятно кому, и интегрировать не получается, в особенности принимая во внимание стремление Израиля остаться еврейским национальным государством с как можно меньшим процентом арабских граждан. С течением времени эти территории стали также основным очагом антиизраильской террористической деятельности и, как результат, ареной многочисленных контртеррористических операций. В этих актах насилия с обеих сторон погибли многие сотни израильтян и тысячи палестинских арабов. В итоге занятые территории не принесли Израилю ни мира, ни безопасности, став к тому же фактором острого внутреннего раскола внутри самого израильского общества. Едва ли кто-то в ходе Шестидневной войны мог предположить, что тогдашний начальник Генерального штаба израильской армии, став премьер-министром страны, будет двадцать восемь лет спустя убит израильским же гражданином, возмущенным курсом на отдачу занятых в ходе той войны территорий, но история распорядилось, что случилось именно так. Победа в Шестидневной войне мертвой хваткой держала (и держит) за горло победителей, до минимума сужая их возможности политического маневрирования.

Еврейское население Западного берега реки Иордан (в Израиле этот район принято делить на Иудею, Самарию и Иорданскую долину) и полосы Газы, оказавшихся в 1967 году под контролем Израиля, на протяжении многих лет росло значительно быстрее, чем в каком-либо другом районе страны. Составляя в 1972 году лишь 1520, а в 1983 году — 23700 человек, оно к концу 2004 года превысило чет-

верть миллиона — и продолжает расти. Вместе с тем дважды (в 1982 и 2005-м) тысячи поселенцев были по решению правительства эвакуированы, а их дома разрушены: в первый раз такая судьба постигла пять с лишним тысяч жителей Ямита и других поселений Синайского полуострова, а во второй — восемь с лишним тысяч жителей еврейских поселений в секторе Газы и Северной Самарии. Нет никаких гарантий того, что в будущем подобная участь не постигнет и некоторые другие еврейские поселения на Западном берегу Иордана; в частности, на палестино-израильских переговорах на высшем уровне в Кемп-Дэвиде в 2000 году и в Табе в январе 2001 года и в так называемом Женевском соглашении 2003 года на повестке дня стояла ликвидация большей части этих поселений, хотя в обществе существует достаточно широкий консенсус касательно того, что крупные поселенческие анклавы должны и в будущем оставаться под контролем Израиля. Каковы бы ни были решения политических лидеров в будущем, очевидно, что еврейские поселения на контролируемых территориях являются важнейшим фактором, влияющим на израильскую как внутреннюю, так и внешнюю политику. Будучи созданными во имя обеспечения безопасности Израиля и во имя демонстрации нерушимой связи еврейского народа с землей Эрец-Исраэль, многие поселения превратились в мощный фактор дестабилизации обстановки, причем не только в отношениях между Израилем и палестинскими арабами (или даже арабским миром в целом), но и в отношениях внутри еврейского социума. Раз за разом вспыхивают новые и новые конфликты между правительственными силами (армией и полицией) с одной стороны и радикально настроенными поселенцами — с другой. Душераздирающие сцены эвакуации израильскими силами еврейских поселенцев из Ямита (на Си-

нае), Кфар-Дарома (в секторе Газы), Амоны (на Западном берегу) и других мест навсегда запомнят все, кто видел их хотя бы на телеэкранах. Одновременно с этим множатся страдания палестинского населения этих территорий, в том числе и в связи со строительством Израилем так называемой защитной стены («забора безопасности»), превратившей целый ряд арабских населенных пунктов в полузакрытые анклавы, запертые почти со всех сторон.

Как это произошло? Как случилось, что вместо мира и процветания победа в Шестидневной войне привела к проблемам невиданной прежде сложности, решение которых сегодня, сорок с лишним лет спустя, отнюдь не кажется более близким? Каковы были планы по решению этих проблем и почему их по большей части не удалось реализовать? Эти темы рассматриваются в настоящей монографии в исторической перспективе, ибо только такой подход позволяет надеяться на нахождение адекватных ответов на вопросы, очень и очень непростые не только с исследовательской, но и с гражданской и общечеловеческой точек зрения. Будучи вот уже восьмой год жителем одного из городов на территориях, занятых Израилем в ходе Шестидневной войны, я пишу не только о том, что изучаю по книгам, статьям и документам на разных языках, но и о том, что вижу из окон своего дома. Как и в прошлых моих книгах, я стараюсь и в этой монографии соблюдать верность принципу поиска научной истины, принимая во внимание позиции различных сторон, у каждой из которых своя правда, однако никогда прежде мне еще не приходилось писать о том, что так сильно влияет и на мою собственную жизнь.

Эта монография едва ли появилась бы на свет, если бы не доброжелательная заинтересованность руководителей Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского и Е.Л. Жигуна, при поддержке которых выходит вот уже девятая моя книга о различных аспектах арабо-израильского конфликта и поисках путей его мирного урегулирования. Значительную помощь при работе над этой монографией оказал мне выпускник Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова С.А. Кожеуров, написавший под моим руководством отличную квалификационную работу на степень бакалавра, многие положения которой я использовал в этой монографии, естественно, значительно углубив и расширив их. Я, в любом случае, благодарен С.А. Кожеурову за все, что он сделал, и надеюсь на его дальнейший профессиональный рост как специалиста по Ближневосточному региону. Ряд положений этой книги я обсуждал с коллегами и студентами как в Израиле, так и в России, и я благодарен всем, чьи вопросы и комментарии помогли мне подумать о том, о чем я думать порой и не собирался. Работа над курсом Открытого университета Израиля «Национальная безопасность и демократия» позволила мне надолго погрузиться в изучение материалов, без знания которых написать эту книгу было бы, пожалуй, невозможно в принципе.

Ответственность за все изложенное в этой работе лежит, естественно, на мне одном, и я надеюсь, что эта первая на русском языке книга по одной из самых центральных тем ближневосточной политики будет благосклонно принята заинтересованными специалистами и неравнодушными читателями.

Маале-Адумим, 4 августа 2008 года

Глава I

ЧТО ДЕЛАТЬ С ПЛОДАМИ ПОБЕДЫ? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В ИЗРАИЛЬСКОМ РУКОВОДСТВЕ ПО ОКОНЧАНИИ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Седьмой день Шестидневной войны

Взорвавшая в июне 1967 года мировую политику третья арабо-израильская война, вошедшая в историю под именем Шестидневной, не только перекроила карту Ближневосточного региона, но и сформировала совершенно новые тенденции, влияние которых ощущается вплоть до сегодняшнего дня; об этом сказано и написано довольно много[1]. В изданной научной литературе и мемуарах подробно описываются как дипломатические усилия, предшествовавшие войне и имевшие целью либо предотвратить[2], либо, напротив, спровоцировать ее[3], так и сам ход боевых действий, рассмотренный буквально поминутно[4]. При этом практически нигде не была сделана попытка системно проанализировать позицию (или позиции?) израильского руководства по поводу будущей политической судьбы довольно значительных территорий, весьма неожиданно оказавшихся под контролем еврейского государства. Неожиданно для них самих перед израильскими руководителями в одночасье стал во-

прос о том, что делать с Западным берегом Иордана и сектором Газы, Голанскими высотами и Синайским полуостровом, а также с Восточным Иерусалимом и расположенными на его территории святынями иудаизма, христианства и ислама. Тот факт, что политический статус части этих территорий не урегулирован до сих пор, спустя более чем сорок лет после Шестидневной войны, красноречиво свидетельствует о том, что самая короткая из арабо-израильских войн оказалась в действительности едва ли не самой длинной, и ее геополитические итоги невозможно подвести до сих пор. Могло ли быть иначе? Какие планы по чьей инициативе обсуждались израильскими руководителями и почему фактически все они были отвергнуты? Вследствие чего динамика развития событий вышла, и, кажется, навсегда, из-под какого-либо контроля? Попытке ответить на эти вопросы и посвящена настоящая работа.

Прекращение огня застало Израиль хозяином таких территорий, как полоса Газы, Шарм аш-Шейх и весь Синайский полуостров до Суэцкого канала, Старый город Иерусалима, который уже в конце июня был юридически воссоединен с новым (Западным) Иерусалимом, Западный берег Иордана и, наконец, Голанские высоты, господствующие над Северным Израилем. Помимо Иерусалима и некоторых мест Святой земли, которые имеют большое религиозное и историческое значение для еврейского народа, занятые территории представляли для Израиля главным образом стратегический интерес. Города Калькилия и Туль-Карм, наряду с другими населенными пунктами на Западном берегу, использовались иорданцами как базы для обстрела Тель-Авива и находящегося к северу от него приморского города Нетания, а также международного аэропорта Лод и некоторых израильских авиабаз. Иорданский анклав Латрун, вкли-

нившийся на юго-западе в Израиль, и возвышенность, благодаря которой Иордания контролировала дорогу из Тель-Авива в Иерусалим, ставили под угрозу доступ в израильскую часть святого города. И, что важнее всего, в результате концентрации крупных сил противника на Западном берегу над Израилем нависла опасность быть перерезанным на две части в месте, где его территория не превышала пятнадцати километров в ширину.

Овладев Голанскими высотами, возвышающимися над Галилеей, израильтяне устранили опасность обстрела сирийскими снайперами и артиллерией, которая годами висела над фермерами, работавшими в долине. Кроме того, израильтяне оказались в состоянии предотвратить любые попытки сирийцев отвести истоки рек Иордан и Ярмук, питающих озеро Кинерет — главный резервуар пресной воды в Израиле.

Но, быть может, для безопасности Израиля Синайский полуостров важнее Голанских высот на севере или некоторых районов Западного берега? В наш век реактивной авиации и внезапных нападений минуты играют решающую роль. Египетской авиации, имевшей в Синае базу в Эль-Арише, требовалось семь минут, чтобы долететь до Тель-Авива. С египетских баз на западном берегу Суэцкого канала для этого требуется двадцать минут. Этот фактор имеет большое значение. Удерживая Шарм аш-Шейх, Израиль смог бы гарантировать свободу судоходства в районе Эйлата[5].

В последние дни Шестидневной войны, а также в первые недели после ее окончания многие военные и политики осознали острую необходимость выработки плана послевоенного урегулирования и определения израильской политики на территориях, перешедших в ходе войны под израильский контроль. При этом переход от состояния острой опасности

к беспримерной победе был столь ошеломляющим, что государственные деятели просто не успевали освоиться с ситуацией. Требовалось время, чтобы привыкнуть к новым реалиям, и планы, выдвигавшиеся теми или иными общественными деятелями и организациями в первые дни после окончания войны, не всегда были, что называется, продуманными до мелочей. Несмотря на то что большинство выдвинутых предложений не было реализовано, по крайней мере в то время, их обзор позволяет понять, какие возможные варианты решения проблемы рассматривались и по чьей инициативе это происходило. Подобный анализ совершенно необходим для понимания всей динамики последующих процессов в арабо-израильском конфликте.

Предложения Разведывательного управления Армии обороны Израиля

Хронологически первым представил свои предложения относительно будущего занятых территорий аналитический отдел Разведывательного управления Армии обороны Израиля, который в то время возглавлял Шломо Газит (во главе военной разведки стоял тогда Аарон Ярив, которого в 1972 году сменил Эли Заира и на место которого в 1974 году был назначен Ш. Газит). Свой план он представил премьер-министру и ряду ключевых министров правительства еще 9 июня 1967 года, то есть за сутки до прекращения боевых действий[6].

Предполагалось, что Израиль должен использовать эффект от своей военной победы, чтобы выстроить новые отношения с арабскими странами, но в то же время не должен унижать арабские страны, диктуя им свою волю как по-

бедитель побежденным. В документе, поданном премьер-министру, подчеркивалось, что необходимо незамедлительно сформулировать израильские предложения относительно послевоенного урегулирования, причем сделать это необходимо раньше, чем арабские страны выдвинут собственный план. При этом отмечалось, что израильские предложения должны были выглядеть приемлемыми как для арабских стран, так и для международного сообщества.

Главная идея этого плана состояла в практически полном отступлении Израиля к границам, существовавшим по состоянию на 4 июня 1967 года, то есть до начала войны. На этой основе предполагалось заключить мир с арабскими странами или же, в крайнем случае, наладить некое арабско-израильское сосуществование, а проблемы решать в ходе дальнейших двусторонних переговоров. Основные тезисы предложенного Разведывательным управлением плана были следующими: во-первых, Израиль объявляет соглашения о разъединении войск, подписанные в 1949 году на острове Родос[7], недействительными и требует заключения постоянных мирных договоров (на основе вышеупомянутого базового принципа); во-вторых, Израиль не заинтересован в оккупации арабских земель, однако при заключении мирных соглашений возможна корректировка границ; в-третьих, Израиль поддерживает создание независимого Палестинского государства на территории Западного берега и сектора Газы, причем границы создаваемого Палестинского государства должны учитывать реальную ситуацию, сложившуюся к тому времени (так как между Западным берегом Иордана и сектором Газы нет общей границы, в плане предлагалось, чтобы Израиль обеспечил возможность передвижения между двумя частями будущего Палестинского государства); в-четвертых, выдвигалось требование деми-

литаризации будущего Палестинского государства; и, наконец, в-пятых, Старый город Иерусалима должен был стать «открытым городом», его статус, по замыслу авторов плана, должен был быть в чем-то похожим на статус Ватикана.

Интересно, что именно военная разведка, и еще до окончания войны (проект, напомним, был представлен уже 9 июня), выдвинула предложения, включавшие практически полный отказ от плодов победы как таковой. С точки зрения руководителей военной разведки, Шестидневная война была для Израиля вынужденной, еврейское государство никак не стремилось к ней, не имея экспансионистских устремлений относительно территорий какой-либо из соседних арабских стран[8], а значит, все занятые в ходе боев земли являлись не более чем своего рода «залогом», возврат которого мог бы привести к заключению постоянных мирных договоров с соседними государствами. В 1949 году тогдашний министр иностранных дел Израиля Моше Шарет предполагал, что договоры о прекращении огня, подписанные Израилем со всеми приграничными арабскими странами, очень быстро будут заменены полноценными мирными соглашениями[9]. Этого, однако, не случилось, и восемнадцать лет спустя, в 1967 году, Израиль еще не подписал мирного соглашения ни с одной из арабских стран (первым был подписан мирный договор с Египтом, но это произошло только в 1979 году). Почти полное возвращение территорий, занятых в ходе Шестидневной войны, воспринималось в документе, поданном военной разведкой, как разумная цена, уплата которой должна была сделать мирные соглашения с Израилем целесообразными в глазах арабских правителей. Вопреки тому, что принято думать, принцип «территории в обмен на мир» был предложен израильской военной разведкой задолго до того, как его сформулировали зарубежные дипломаты.

Особое мнение Давида Бен-Гуриона

Не менее неожиданной была и позиция Давида Бен-Гуриона. Д. Бен-Гурион свидетельствовал в своих мемуарах, что 26 сентября 1948 года он предложил правительству принять решение о наступлении израильских сил от района Латруна (находится на полпути между Иерусалимом и Тель-Авивом, недалеко от занятых Израилем в июле 1948 года городов Рамле и Лод) до Рамаллы на севере и Хеврона и Вифлеема на юге[10]. Однако, опасаясь массированного международного давления на Израиль, большинство министров отвергли предложение Д. Бен-Гуриона. По словам главы правительства, руководители Генерального штаба израильской армии полагали, что на всю эту операцию уйдет около семи дней, однако в напряженной обстановке, сложившейся после убийства 17 сентября боевиками праворадикальной организации ЛЕХИ спецпредставителя ООН, шведского дипломата Фольке Бернадота (1895–1948), члены кабинета решили не рисковать[11]. Д. Бен-Гурион горько сожалел об этом решении; четырнадцать лет спустя, в 1962 году, в письме журналисту газеты «Хаарец» Ш. Гроссу он охарактеризовал это решение как «плач на многие поколения» [12], поскольку складывалась ситуация, при которой «Иордания контролирует горы Иудеи, все дороги в Иерусалим и сам Старый город». И действительно, по пятой статье Соглашения о перемирии между Израилем и Иорданией, подписанному 3 апреля 1949 года, район Хевронского нагорья (включая Гуш-Эцион), как и вся территория Западного берега, включая большую часть Иерусалима, отошел к Трансиордании[13].

Однако этот государственный деятель продемонстрировал после Шестидневной войны, когда, казалось бы, было сделано именно то, к чему он сам за девятнадцать лет до это-

го призывал, готовность к далеко идущим территориальным уступкам. Биограф Д. Бен-Гуриона справедливо отмечает, что его тогдашние воззрения совершенно не соответствовали его прошлой репутации решительного и смелого вождя. Решение о начале Шестидневной войны было принято не только без всякого участия Д. Бен-Гуриона, которого постфактум известил 4 июня поздно вечером начальник канцелярии министра обороны Хаим Исраэли, но и вопреки его яростным возражениям[14].

29 июня 1967 Давид Бен-Гурион дал интервью внуку Уинстона Черчилля, которое транслировалось 12 июля в радиопрограмме Би-би-си «Мир в первом часу». Д. Бен-Гурион заявил, что в соответствии с международным правом не только Тиранские проливы, но и Суэцкий канал должен быть открыт для израильских судов. Он сказал также, что Иерусалим должен остаться еврейским городом. Что касается остальных территорий, то, по его мнению, Израиль мог бы отказаться от них, если бы это способствовало установлению мира. Он, однако, выразил мнение, что Хеврон также должен отойти к Израилю, ибо он «более еврейский, чем даже Иерусалим: Иерусалим стал еврейским городом три тысячи лет назад, при царе Давиде, а Хеврон — четыре тысячи лет назад, при Аврааме». Кроме того, к Хеврону примыкал ряд еврейских поселений, которые были разрушены накануне провозглашения Государства Израиль. На остальной территории Западного берега арабы должны получить автономию и сохранить свой национальный образ жизни. Д. Бен-Гурион подчеркнул, что имеются два предварительных условия, на которых Израиль может вернуть любую захваченную территорию. Во-первых, арабы должны признать Государство Израиль, и, во-вторых, должен быть подписан полноценный мирный договор[15].

Фактически позиция Давида Бен-Гуриона была тождественна позиции руководства военной разведки: в обоих случаях речь шла о том, что занятые в ходе Шестидневной войны территории являются «залогом», который будет возвращен при условии заключения мирных договоров между Израилем и арабскими странами. При этом в обоих случаях было заявлено, что при заключении мирных соглашений возможна корректировка границ (Д. Бен-Гурион конкретно упоминал в этой связи Хеврон). В обоих предложениях декларировался отказ от возвращения под арабский контроль Старого города Иерусалима, хотя предложения о его будущем были разные: документ, подготовленный в отделе Ш. Газита, говорил о международном городе, подобном Ватикану; Д. Бен-Гурион же настаивал на том, что объединенный Иерусалим должен быть еврейским городом.

10 декабря 1949 года Давид Бен-Гурион (вопреки категорическому несогласию с этим шагом тогдашнего министра иностранных дел Моше Шарета) провел в правительстве решение об объявлении Западного Иерусалима столицей Израиля, игнорируя позицию ООН по данному вопросу. Представляется, что для Д. Бен-Гуриона создание столицы в Иерусалиме, вопреки мнению ООН, имело примерно то же значение, что и последующий суд над А. Эйхманом в Иерусалиме, а не в Нюрнберге и Гааге, — именно таким путем Д. Бен-Гурион ощущал и демонстрировал реальную способность возродившего собственную государственность еврейского народа быть творцом своей судьбы[16]. Восемнадцать лет спустя Д. Бен-Гурион стремился завершить начатый им тогда процесс утверждения израильского контроля над городом, на протяжении столетий служившим фокусом национально-религиозных устремлений еврейского народа. Показательно, что в своих мемуарах Д. Бен-Гурион отметил

тот факт, что после Шестидневной войны в правительстве были споры относительно последующей судьбы занятых территорий, не обозначив четко ни свою, ни чью-либо иную позицию ни по какому вопросу, кроме судьбы Иерусалима, который он требовал всячески укреплять в качестве единой и неделимой столицы Государства Израиль[17].

Вместе с тем согласие на отказ от израильского контроля над теми или иными занятыми территориями не означало их автоматического возвращения прежним владельцам: в частности, и план военной разведки, и идеи, выдвинутые Д. Бен-Гурионом, говорили не о возвращении Западного берега под контроль Иордании, а о создании там той или иной формы палестинского самоуправления. На то было несколько причин. Во-первых, Иордания в 1949 году аннексировала эти территории вопреки нормам международного права, ибо, согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН, они должны были стать частью Палестинского государства. Иорданскую аннексию Восточного Иерусалима и Западного берега Иордана признали лишь отдельные государства, в частности Великобритания и Пакистан, и израильские руководители не считали себя обязанными восстанавливать существовавшую ситуацию. Во-вторых, как верно отметила историк Анита Шапира, после Шестидневной войны израильское руководство относилось к королю Хусейну как к «предавшему союзнику»: израильтяне, под гарантии американцев, обещали ему, что никогда не будут оспаривать его правление в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу, требуя от него только одного — неприсоединения к каким-либо антиизраильским военным пактам, прежде всего создаваемым Г.-А. Насером[18]. Хусейн же присоединился к Насеру, и израильское руководство не считало себя более связанным джентльменским соглашением

с ним. При этом контролировать жизнь миллиона с лишним палестинских арабов многие в Израиле тоже не стремились, в результате чего и возникла эта концепция отказа от контроля над большей частью территорий Западного берега без их возвращения прежнему владельцу. «Западный берег нечего возвращать Хусейну, но присоединение его к Израилю означает включение в страну миллиона арабов. Это серьезная опасность», — говорил Д. Бен-Гурион, считая при этом, что «из Иерусалима уходить нельзя, нужно как можно быстрее увеличить еврейское население города. То же и с Хевроном»[19].

Д. Бен-Гурион также постепенно сформировал позицию против возвращения Голанских высот Сирии, но считал, что Синайский полуостров должен быть вновь возвращен Египту, как это было считанные месяцы спустя после войны 1956 года. «По-моему, надо потребовать прямых переговоров с Египтом, и, если Насер согласится на мир, а также на свободу судоходства в Эйлатском проливе и Суэцком канале, мы должны уйти с Синайского полуострова»[20]. На эти предложения согласился спустя десять лет сменивший Г.-А. Насера на посту президента Египта Анвар Садат, и именно на таких условиях Синайский полуостров площадью шестьдесят тысяч квадратных километров был поэтапно полностью возвращен Египту.

Предложения профессора Юваля Неэмана

11 июня 1967 года, через два дня после того, как первый план по послевоенному урегулированию был подан премьер-министру Леви Эшколю, профессор Юваль Неэман (1925–2006) представил собственное видение положения[21].

Юваль Неэман — без сомнения, один из самых ярких военных, ученых и политиков Израиля, наложивший неизгладимый отпечаток на развитие науки, армии и общественной жизни в стране. Он дважды в самые критические для военной разведки дни возглавлял ее в ранге временного исполняющего обязанности: в конце 1954 года, когда после скандального разоблачения израильской шпионско-диверсионной сети в Египте был отправлен в отставку Биньямин Джибли, и в конце 1973 года, когда после войны Судного дня был вынужден покинуть свой пост Эли Заира. В ходе суэцко-синайской войны 1956 года Ю. Неэман отвечал за координацию военного сотрудничества с Великобританией и Францией, а затем — за тайные связи Израиля с еврейскими общинами в исламских странах. При этом он входил в состав сверхсекретной Комиссии по атомной энергии, а после защиты в 1961 году докторской диссертации по физике в Лондонском университете (его научным руководителем был будущий нобелевский лауреат Абдус Салам[22]) возглавил Институт ядерных исследований в Нахаль-Сорек. Весной 1963 года, когда Джон Кеннеди весьма настойчиво требовал от Д. Бен-Гуриона подробной информации об израильской ядерной программе, именно Ю. Неэман готовил для Д. Бен-Гуриона материалы, с помощью которых предполагалось избежать американского давления[23].

У Юваля Неэмана уже был опыт «пускания пыли в глаза» американцам относительно израильских ядерных разработок: 26 сентября 1962 года именно он был гидом второй американской делегации, допущенной на объект в Димоне, где активно создавался и уже вовсю работал Центр ядерных исследований. Военные направления работы Центра израильтяне тогда всячески скрывали — и в ходе того визита смогли заставить американцев поверить в то, во что

им верить в общем-то не следовало[24]. В 1965 году Ю. Неэману предлагали возглавить Комиссию по атомной энергии, однако он отказался, предложив кандидатуру профессора физической химии Исраэля Достровского, который в итоге и занял этот пост[25]. Ю. Неэман же стал вице-президентом, а в 1971 году — президентом Тель-Авивского университета. В 1979 году он стал одним из создателей праворадикальной партии «Тхия» [«Возрождение»], от которой в 1981 году был избран в кнесет, оставаясь его членом до января 1990 года. Трижды входил в состав правительства: в качестве министра науки в кабинете во главе с Менахемом Бегиным в 1982–1983 годах, министра науки и технологии в первом правительстве Ицхака Шамира в 1983–1984 годах и министра науки и энергетики в четвертом правительстве И. Шамира в 1990–1992-м.

Несмотря на его редкие для израильской элиты праворадикальные взгляды, он и его родственники на протяжении многих десятилетий принадлежали к политическому и научному истеблишменту: его дядя и муж родной сестры, как и сам Ю. Неэман, были депутатами кнесета, а родная сестра и двоюродный брат, так же как и сам Ю. Неэман, играли важные роли в ведущих научных учреждениях Израиля и были удостоены за это высшей в стране Государственной премии*. Принимая во внимание биографические дан-

* Дядя Ювала Неэмана, Изхар Харари (1908–1978), был депутатом кнесета первых семи созывов. Родная младшая сестра Ю. Неэмана Рут, в замужестве Бен-Исраэль, была профессором трудового права в Тель-Авивском университете (который, напомним, ее старший брат в первой половине 1970-х годов возглавлял), короткое время была также деканом юридического факультета, в 2001 году ей была присуждена Государственная премия Израиля (которую Ю. Неэман получил

ные Ювaля Неэмана и особенности того круга, к которому он принадлежал, представляется очевидным, насколько нерядовым был его статус, позволявший ему представлять на рассмотрение высшего руководства страны планы и предложения по самым центральным военно-политическим вопросам.

Предложения профессора Ю. Неэмана принципиально отличались от идей, выдвинутых руководителями разведывательного управления Армии обороны Израиля: он предлагал не возвращаться к границам, существовавшим до начала войны, а, напротив, объявить постоянными границами Израиля линии разъединения войск, возникшие по ее окончании. Тем самым в состав Израиля включались бы и Западный берег, и сектор Газы, и Голанские высоты, и весь Синайский полуостров. При этом Юваль Неэман допускал, что включение всего Синая в состав Израиля мало реалистично (площадь Синайского полуострова втрое больше площади суверенной территории Израиля в границах 1949–1967 годах) и, возможно, рано или поздно большую его часть при-

---

еще в 1969 году). Двоюродный брат Ю. Неэмана Хаим Харари, как и он сам, профессор физики, также был удостоен Государственной премии (в 1989 году), на протяжении тринадцати лет (с 1988 по 2001 год) возглавлял ведущее учреждение Израиля в области естественных и точных наук — Институт им. Вейцмана, а в 1979–1985 годах стоял во главе Совета по высшему образованию Израиля. Муж сестры Ю. Неэмана, адвокат Гидеон Бен-Исраэль, как и сам Ю. Неэман и его дядя, был членом кнесета (в 1959–1965 годах от правившей в те годы Рабочей партии, затем последовал за Д. Бен-Гурионом в основанную им партию РАФИ). В 1973–1989 годах Г. Бен-Исраэль входил в ЦК Федерации профсоюзов Израиля, а в 1973–1983 годах и в ее исполком, в 1981–1990 годах возглавлял организационный отдел Федерации профсоюзов.

дется вернуть Египту. Его предложение мотивировалось необходимостью установления «естественных и легко обороняемых границ». Иными словами, теоретически Ю. Неэман допускал в будущем возможность возвращения Синайского полуострова Египту, хотя историческая справедливость требует отметить, что, когда во второй половине 1970-х годов в ходе израильско-египетских переговоров данный вопрос оказался на повестке дня, Ю. Неэман категорически противился передаче этой территории под египетский контроль. При этом он выступал за публичное декларирование Израилем своего намерения полностью контролировать всю территорию Палестины/Эрец-Исраэль в границах британского мандата, как они были определены Лигой Наций в июле 1922 года. В ходе войны 1948 года большая часть территории британского мандата (20,5 тыс. км^2) оказалась под контролем Израиля, но около 7 тыс. км^2 (территории Иудейской пустыни, Самарии, Иорданской долины и сектора Газы) были заняты Иорданией и Египтом. В ходе войны июня 1967 года под контролем Израиля оказалась вся территория бывшего британского мандата, и Юваль Неэман призывал открыто объявить о заинтересованности Израиля в сохранении своего контроля над всеми этими землями. Именно поэтому его план полностью противоречил той готовности к масштабным территориальным уступкам, которые были зафиксированы в предложениях военной разведки.

Вместе с тем Юваль Неэман в полной мере осознавал остроту демографической проблемы. На территории Западного берега, где тогда жили шестьсот тысяч арабов, он предлагал создать палестинский анклав, объединенный с Израилем в рамках федерации, причем исключительное право проведения внешней и оборонной политики оставалось за израильским руководством. Более того, создаваемый па-

лестинский анклав, по замыслу профессора Ю. Неэмана, не должен был иметь общих границ ни с одним арабским государством. Таким образом, израильская часть федерации, включая Синайский полуостров, должна была иметь площадь около 100 тысяч км^2, а палестинская — около 9 тысяч км^2. В целях решения проблемы палестинских беженцев, находившихся в лагерях в секторе Газы, Ю. Неэман предлагал включить в состав палестинской части федерации город Эль-Ариш на Синайском полуострове, на побережье Средиземного моря, и расселить беженцев там.

Несмотря на то что, согласно израильским данным, в августе 1967 года население Эль-Ариша не достигало и тридцати тысяч человек, этот район занимал значительное место в израильской общественно-политической полемике[26]. С 1517 года Эль-Ариш находился под властью Османской империи. 20 февраля 1799 года в Эль-Ариш вошел Наполеон со своими войсками и без труда завладел городом. В 1768 году наместник Каира Али-бей (1728–1773) провозгласил независимость Египта от Османской империи, а себя — независимым правителем страны граница прошла в традиционном месте — по вади Эль-Ариш. Но в 1895 году в результате англо-турецкого соглашения, граница была отодвинута восточнее, до Рафиаха. В начале XX века средиземноморское побережье Синая было весьма мало заселено. Это позволило Т. Герцлю (1860–1904) и Д. Тричу (1870–1935) выдвинуть в 1902 году проект заселения этого района евреями. В этом же году в результате встречи Т. Герцля с Дж. Чемберленом весь район Эль-Ариша, включая долину Пелузия, был предназначен для еврейского заселения. По просьбе генерального консула Великобритании в Египте лорда Кромера для изучения «проекта Эль-Ариша» была создана специальная комиссия, руководителем которой

Т. Герцль назначил лидера южноафриканских сионистов Л. Кесслера (1864–1944), инженера по специальности. В начале 1903 года комиссия вместе с генеральным инспектором департамента геологии и геодезии Египта Т.Н.С. Хамфразом, горячим сторонником проекта, выехала для обследования местности. Комиссия опубликовала отчет, согласно которому Эль-Ариш пригоден для заселения, если в район будет подведена вода из Нила. Однако лорд Кромер, решив, что осуществление проекта повлечет за собой административные проблемы в Египте, рекомендовал египетскому правительству отклонить проект, ссылаясь на невозможность использования воды Нила для ирригационных нужд поселений. Попытки Т. Герцля спасти проект путем уменьшения района поселения (до окрестностей Эль-Ариша) и даже отказом от использования вод Нила успехом не увенчались. На Шестом сионистском конгрессе в 1903 году Т. Герцль сообщил о провале «проекта Эль-Ариш». После смерти Т. Герцля его преемник Давид Вольфсон возобновил в 1906 году переговоры с британским правительством об Эль-Арише при посредничестве Л.Дж. Гринберга (1861–1931). В поддержку проекта высказался Д. Ллойд-Джордж, однако из-за напряженности на границе с Османской империей в Синае план не был осуществлен.

В ходе войны 1948 года район Эль-Ариша служил местом концентрации египетских вооруженных сил вторжения. В декабре 1948 года израильская армия заняла позиции к югу от Эль-Ариша, но ввиду британского ультиматума — угрозы прямого участия в войне английской армии на стороне арабских войск — была вынуждена отойти к так называемой международной границе по линии Рафиах — Таба (см. выше об англо-турецком соглашении 1895 года) и даже восточнее, уступив Египту сектор Газы.

В октябре 1956 года в ходе синайско-суэцкой войны израильские силы заняли сектор Газы, район Эль-Ариш и весь Синайский полуостров, но в феврале 1957 года полностью оставили эти районы, отойдя к так называемой зеленой черте. В июне 1967 года израильские силы заняли район Эль-Ариш в третий раз.

За шесть с половиной десятилетий до этого лидеры сионистского движения воспринимали район Эль-Ариш в качестве места, которое поможет решить проблему еврейских беженцев из Восточной Европы и других регионов мира, когда вожделенная Палестина/Эрец-Исраэль была для них недоступной. В 1948 году на части территории Палестины/Эрец-Исраэль было создано Государство Израиль, которое менее чем через год после Шестидневной войны готовилось отметить свое двадцатилетие. Воспринимая всю Палестину/Эрец-Исраэль как территорию еврейского государства, Юваль Неэман предлагал использовать Эль-Ариш с точностью до наоборот относительно планов Т. Герцля, а именно — как площадку для решения проблемы палестинских беженцев, покинувших насиженные места в 1947–1949 годах в связи с созданием Израиля и последовавшей за этим войной[27]. Однако этот план постигла та же судьба, что и план Т. Герцля за шестьдесят пять лет до этого: оба они остались нереализованными.

Меморандум группы сотрудников «Моссада» и военной разведки

Спустя считанные дни после подачи Ш. Газитом своих предложений (см. выше), в недрах военной разведки был подготовлен новый меморандум, который был размножен в не-

скольких экземплярах и подан 14 июня главе правительства Леви Эшколю, министру обороны Моше Даяну, министру труда генералу в отставке Игалю Алону, министру информации, бывшему начальнику штаба «Хаганы» Исраэлю Галили и министру финансов Пинхасу Сапиру. Меморандум подписали четверо офицеров военной разведки, трое из которых до этого служили в службе внешней разведки «Моссад»: Алуф Харэвен*, Ицхак Орон и Дан Кимхи; четвертым был Дан Бавли[28].

С перспективы дня сегодняшнего этот меморандум выглядит поистине поразительным, и просто невозможно поверить в то, что все его авторы — кадровые офицеры раз-

* Самый известный в этой четверке — Алуф Харэвен, родившийся в Хайфе в 1927 году в семье, в которой сионистские взгляды сочетались с приверженностью к строительству мирных отношений с палестинскими арабами: его редкое имя «Алуф» выбрал дедушка, Ицхак Эпштейн (1863–1943) — один из первых исследователей и учителей языка иврит в Палестине/Эрец-Исраэль, входивший при этом в организацию «Брит шалом» [«Союз мира»]. А. Харэвен сделал успешную карьеру в армии, где он до 1964 года служил в исследовательском отделе военной разведки, а затем в «Моссаде». В 1970–1974 годах возглавлял отдел информации Министерства иностранных дел, а затем был директором Института им. Реувена Шилоаха (первый глава «Моссада») в Тель-Авивском университете. После этого работал в иерусалимском Институте Ван Лир. Автор пяти книг. В 1991 году был одним из основателей НКО «Сикуй» [«Шанс»], созданной в целях поддержки борьбы за равноправие израильских арабов. Его супруга — писательница и переводчица Шломит Харэвен (1930–2003) — была одной из основательниц и наиболее ярких лидеров леворадикального движения «Шалом ахшав» [«Мир сейчас»]. Его дочь — писательница Гиль Харэвен — выпустила в 2007 году альбом совместно с Ализой Ольмерт, супругой премьер-министра Эхуда Ольмерта, также известной своими леворадикальными взглядами.

ведки и что он был подготовлен спустя считанные дни после Шестидневной войны, а не десятилетия спустя. В этом документе утверждалось, что, поскольку конфликт Израиля с палестинскими арабами является важнейшей и центральной составляющей всего арабо-израильского конфликта, его разрешение — жизненный интерес еврейского государства. Офицеры разведки предложили — ни больше ни меньше — немедленно приступить к созданию Палестинского государства, утверждая, вопреки доминировавшей тогда эйфории, что время не работает на израильские интересы и что всякое промедление снижает шансы на урегулирование в будущем. В израильской военно-политической элите существовал почти всеобщий консенсус относительно того, что с течением времени арабские страны всё более свыкнутся с фактом поражения в войне и утраты ими территорий и будут готовы вести переговоры о мире с целью вернуть хотя бы часть потерянных земель. «Время работает на нас», — считал Моше Даян и многие другие в военном и политическом руководстве страны. «Наоборот, — утверждали авторы меморандума, — израильский интерес состоит в том, чтобы действовать как можно быстрее, чтобы извлечь максимальную пользу из того шокового состояния, в котором находились арабские страны и жители Западного берега. Чем больше времени пройдет после войны, тем слабее будет состояние шока и, как следствие, тем большие требования будут выдвигаться в отношении Израиля». Авторы меморандума опасались, что с течением времени арабская контрпропаганда может создать у арабского населения Западного берега ощущение, что «то, что было взято силой, может быть возвращено только силой» (слова египетского президента Г.А. Насера)[29], и тогда вести переговоры о мире будет много сложнее. Кроме того, авторы меморандума обраща-

ли внимание на то, что после неизбежной в период окончания военных действий демобилизации резервистов численность израильских войск на контролируемых территориях резко сократится, вследствие чего опять-таки не факт, что местное арабское население будет воспринимать итоги войны как необратимые. Высказывались и опасения, касавшиеся возможного (и предсказуемого) недовольства Иордании, — и опять-таки утверждалось, что и по этой причине вопрос желательно «закрыть» как можно скорее.

Авторы меморандума предлагали создание Палестинского государства на территории как Западного берега, так и Газы, со столицей, максимально приближенной к муниципальным границам Иерусалима. Они также выступали за то, чтобы Израиль ходатайствовал о приеме этого государства в ООН. Они настаивали на том, что это государство не должно будет иметь своих вооруженных сил, а только полицию и что патрулирование территории должно проводиться совместными израильско-палестинскими бригадами (кстати сказать, этот принцип совместного израильско-палестинского патрулирования был зафиксирован уже в 1990-е годы в так называемых Соглашениях Осло). Предлагалось заключение между Израилем и создаваемым Палестинским государством серии договоров в сфере обороны, экономического сотрудничества, туризма, налогообложения и т.д. Планировалось, что процесс создания Палестинского государства займет не более нескольких недель, после чего оно в течение месяца подпишет мирный договор с Израилем; далее два государства должны были совместно обратиться к арабским странам с призывом о заключении всеобъемлющих двусторонних и региональных мирных соглашений.

Основными задачами создания Палестинского государства авторы меморандума считали обеспечение интересов

безопасности Израиля (в этой связи и выдвигались требования демилитаризации Палестинского государства) и сохранение в нем еврейского большинства. Для обеспечения второй цели они выступали даже за ограниченный обмен территориями (о чем в израильской политике заговорили лишь в начале XXI века инициаторы так называемого Женевского соглашения и Авигдор Либерман), предлагая передать Палестинскому государству часть населенных арабами деревень на суверенной территории Израиля в качестве компенсации за аннексию Израилем Восточного Иерусалима и Латрунского коридора. Лейтмотив их рассуждений был таков: обеспечение израильских интересов возможно только тогда, когда будет заключено мирное соглашение с палестинскими арабами на основе принципов взаимоуважения. Одной строкой упоминалась и проблема беженцев: «Будет проверена возможность расселения [палестинских] беженцев в районе Эль-Ариш в Синае» (статья 10, часть 2, п. 5 Меморандума). Идея о переселении палестинских беженцев 1948 года из густонаселенной Газы (речь фактически шла только о беженцах, живших там) в район Эль-Ариша подробнее рассматривалась и в предложениях профессора Ю. Неэмана (см. выше), однако там речь шла не о Палестинском государстве на территориях Западного берега и Газы, а, наоборот, об аннексии этих земель. Кроме того, в меморандуме говорилось о создании международного фонда, в который бы часть средств внес и Израиль, для выплат компенсаций беженцам за покинутое ими имущество (эта идея вновь возникла на переговорах только в 2000 году и была зафиксирована в так называемых параметрах Клинтона).

Не найдено данных о том, что члены правительства провели какое-либо коллективное обсуждение данного меморандума; по крайней мере, ни Давид Кимхи, ни Дан Бавли

ничего об этом не знают. По их воспоминаниям, резко против выступили Аба Эвен и Шимон Перес, а также генерал Хаим Герцог, бывший, как и его брат Яаков (см. ниже), сторонником поиска общего языка не с палестинцами, а с королем Иордании[30]. В результате ни одно из предложений, зафиксированных в меморандуме, реализовано в то время не было.

Предложения Моше Даяна

12 июня 1967 года министр обороны Моше Даян (1915–1981) после беседы с премьер-министром Леви Эшколем собрал своих помощников и дал им указание проанализировать ситуацию, возникшую после окончания военных действий, и сформулировать предложения, с которыми выступит Министерство обороны.

Положение самого М. Даяна было в те дни отнюдь не простым. Пост министра обороны он занял менее чем за две недели до этого, исключительно в преддверии войны, причем это назначение было навязано Л. Эшколю вопреки его воле. Было совсем не очевидно, что по окончании войны Леви Эшколь не попытается вернуть себе контроль над Министерством обороны, поблагодарив М. Даяна за успешную работу и отправив его в отставку.

Для большинства израильтян М. Даян, родившийся в сельскохозяйственном поселении Нахалаль в 1915 году, был национальным героем, легендарным бойцом и талантливым командиром, возглавлявшим Генеральный штаб израильской армии в ходе победной суэцко-синайской кампании 1956 года. В 1963 году Леви Эшколь, не имевший какого-либо военного опыта, сменил Давида Бен-Гуриона не толь-

ко на посту премьер-министра, но и в должности министра обороны, и в общем четыре года подобное положение дел не вызывало особых нареканий. Однако в условиях конца мая 1967 года, когда новая война казалась более чем вероятной, как в политической элите, так и среди широких слоев общества крепло убеждение в том, что Л. Эшколь не может больше оставаться во главе Министерства обороны; звучали и требования о его уходе с поста главы правительства.

Наибольшую активность проявлял Шимон Перес, ратовавший за повторное (подобно тому, как это случилось в 1955 году) возвращение Давида Бен-Гуриона. Как известно, пробыв год в отставке, Д. Бен-Гурион вернулся в правительство — вначале в качестве министра обороны, а затем и главы правительства. Двенадцать лет спустя Шимон Перес предлагал повторить тот же опыт, причем возвращение Д. Бен-Гуриона готовы были поддержать 50 из 120 депутатов кнесета, в том числе ревизионисты, либералы и представители национально-религиозной партии во главе с Моше-Хаимом Шапирой[31]. Эту идею поддержал и лидер правоцентристского блока Менахем Бегин, который, несмотря на многолетний бойкот руководимой им партии со стороны Д. Бен-Гуриона, очень ценил экс-премьера как одного из самых выдающихся государственных деятелей столетия. Как это ни трудно себе представить, именно М. Бегин, готовый в начале 1952 года поднять народ на гражданскую войну против правительства Д. Бен-Гуриона, пятнадцать лет спустя предложил Л. Эшколю уступить Д. Бен-Гуриону пост главы исполнительной власти в стране[32]. Сам Д. Бен-Гурион сравнивал предложение об отставке Л. Эшколя с тем, «как это было сделано в 1940 году в Англии по отношению к премьер-министру Чемберлену» [33]. Однако, в отличие от Моше Шарета, согласившегося в 1955 году вер-

нуть Д. Бен-Гуриону бразды правления, Леви Эшколь проявил неожиданную при его мягком характере твердость, отказавшись уходить добровольно. Д. Бен-Гурион же подверг Л. Эшколя уничижительной критике, назвав его «лжецом», а факт его нахождения во главе кабинета министров (куда сам Д. Бен-Гурион его и протолкнул в 1963 году) «позором» и «национальной катастрофой»[34], и эта уничижительная критика сделала невозможной возвращение экс-премьера хотя бы в Министерство обороны. Для масштабных политических пертурбаций времени не было совсем, и тогда возникла другая идея — назначение на пост министра обороны Моше Даяна — человека, близкого Д. Бен-Гуриону и ушедшего вместе с ним из Рабочей партии в РАФИ, но при этом готового работать с Л. Эшколем (следует отметить, что после назначения за все дни войны М. Даян ни разу не встретился с Д. Бен-Гурионом и не спросил его совета ни по одному вопросу, ограничившись передачей ему сообщений через доверенных лиц[35]). Высказывалось и предложение о назначении министром обороны Шимона Переса[36], уже работавшего генеральным директором этого министерства, а затем — до 25 мая 1965 года — заместителем министра (позднее Ш. Перес все-таки стал министром обороны, но это случилось только в июне 1974 года).

Переговоры с членами правительства о предоставлении М. Даяну одного из двух ключевых постов — премьера или министра обороны — продолжались без какого-либо результата в течение вторника, 30 мая и среды, 31 мая. Л. Эшколь настаивал на том, что сможет остаться и во главе правительства, и во главе Министерства обороны, предлагая создать консультативный совет в составе бывших начальников Генерального штаба Игаля Ядина, Моше Даяна, Хаима Ласкова и бывшего командующего ПАЛЬМАХом

Игаля Алона[37]. Голда Меир, тогда Генеральный секретарь Рабочей партии, активно поддержала Л. Эшколя, заявив, что назначение М. Даяна министром обороны равнозначно добровольному отказу партии от власти без боя в пользу «фашистов»[38]. Министр образования Залман Аран сказал, что идея о назначении в сложившихся обстоятельствах министра обороны на полную ставку — здоровая идея, однако вера в то, что этим человеком непременно должен быть М. Даян, — массовый психоз. Его поддержал еще один министр, Исраэль Иешаяху: «Государство не нуждается в спасителе!»[39] Сам М. Даян был пессимистически настроен и подавлен. Л. Эшколь был готов ввести его в кабинет, предлагая ему пост заместителя премьера и членство в межминистерской комиссии по оборонно-политическим вопросам, в которой состояли тринадцать человек. Оба поста были сопряжены с ответственностью без власти, и это было не то, что М. Даян и его сторонники согласны были принять. В ту же ночь М. Даян встретился с Л. Эшколем и заявил ему, что если тот не может предложить ему портфель министра обороны, то он готов служить в любом качестве в армии, подчиняясь начальнику Генерального штаба Ицхаку Рабину, предпочитая, однако, должность командующего Южным фронтом (т.е. отвечая за военные действия на самом ответственном участке фронта — на границе с Египтом). Ночью 31 мая Л. Эшколь дал свое согласие на назначение М. Даяна командующим Южным фронтом (при этом судьба командующего Южным округом генерала И. Гавиша становилась совершенно неясной; сам он отказался работать помощником М. Даяна в округе, которым лишь недавно сам командовал)[40]. До заседания кабинета, на котором обсуждался этот вопрос, М. Даян не обговорил факт своего назначения командующим Южным фронтом ни с И. Га-

вишем, ни с начальником Генерального штаба И. Рабином. Когда же им рассказали об этом, оба они, не сговариваясь, предложили, что уйдут в отставку и освободят свое место для М. Даяна. Последний, однако, поклялся, что не стремится вернуться на пост начальника Генерального штаба, который он занимал в 1950-е годы[41].

Одновременно с этим активизировались и сторонники другого генерала в отставке — тогдашнего министра труда и социального обеспечения Игаля Алона, вернувшегося из Советского Союза, где он находился с двухнедельным визитом[42]. Л. Эшколь недвусмысленно признал, что ему было бы проще работать с И. Алоном, а не с М. Даяном, и целый ряд влиятельных министров, среди которых были Залман Аран, Исраэль Галили и Моше Кармель, выступили в поддержку кандидатуры И. Алона. В условиях, когда на горизонте замаячило утверждение в качестве министра обороны И. Алона (сам И. Алон очень стремился занять этот пост, предлагая одновременно с этим в качестве компенсации назначить М. Даяна вице-премьером, но без определенного круга министерских обязанностей[43]), сторонники М. Даяна перешли к активным действиям. Лидеры ревизионистов, религиозных сионистов, фракции свободных либералов и РАФИ предъявили Л. Эшколю согласованный ультиматум, требуя назначения только и исключительно М. Даяна. В 2 часа дня 1 июня Л. Эшколь, пытаясь избежать назначения М. Даяна, предложил новую кандидатуру на пост министра обороны — Игаля Ядина (1917–1984), также бывшего начальника Генерального штаба, впоследствии ставшего профессором археологии Иерусалимского университета (тяга к археологии отличала, кстати, и М. Даяна)[44]. Однако поддержан Л. Эшколь не был, да и И. Ядин, видя расстановку сил, взял самоотвод. Вечером

1 июня решение о назначении М. Даяна было принято и утверждено правительством.

Нужно сказать, что, несмотря на свой героический ореол и несмотря на высочайший статус армии и высших офицеров в израильском обществе, политическая карьера М. Даяна развивалась отнюдь не феерически. После демобилизации из армии он в 1959 году был избран в кнесет и назначен министром сельского хозяйства в правительстве Д. Бен-Гуриона. После того как премьер-министром стал Л. Эшколь, М. Даян сохранил свой пост, но не более того. 4 ноября 1964 года он ушел в отставку и на протяжении двух с половиной последующих лет оставался членом кнесета, но не входил в состав правительства. По словам Р. и У. Черчиллей, «М. Даян был введен в кабинет, потому что правительство Л. Эшколя не смогло уклониться от двух неотвратимых выводов: у Израиля нет иной альтернативы, как сражаться, и израильскому правительству необходим М. Даян, потому что этого требует народ и потому что оно нуждается в его знаниях, отваге и оптимизме. Подобно тому как понадобился А. Гитлер, чтобы У. Черчилль стал в 1940 году премьер-министром, так, по словам М. Даяна, сказанным им незадолго до начала войны, "потребовалось 80 тысяч египетских солдат, чтобы ввести меня в израильский кабинет"»[45]. Однако после того как египетская армия была разгромлена, политическая судьба самого М. Даяна не выглядела очевидной. Р. и У. Черчилли отмечают: «Вновь углубилась пропасть, разделявшая Эшколя и Даяна, и распространились слухи, что Даян будет вынужден выйти из правительства. Эшколь намекнул, что в недалеком будущем он совместит пост премьер-министра с постом министра обороны. 8 июля он зашел так далеко, что даже поставил под сомнение роль, которую Даян сыграл в

войне: "Правительство могло остаться в прежнем составе, но некоторые министры, охваченные паникой, потребовали введения в кабинет Даяна, чтобы поднять дух народа перед началом войны"» [46]. Дело осложнялось и личными отношениями, которые сложились между М. Даяном и начальником Генерального штаба И. Рабином: биограф последнего характеризует отношение к нему министра обороны как «враждебное»[47].

В этих условиях выдвижение М. Даяном собственной программы было важным шагом, оправдывавшим продолжение его нахождения в числе высших руководителей страны.

Относительно будущего Западного берега и остальных занятых в ходе Шестидневной войны территорий М. Даян отметил, что главное, что должно определять израильскую политику на этом направлении, это демографические соображения: если перед Израилем встанет дилемма, дать гражданство более чем миллиону арабов, живших в то время на Западном берегу и в Газе, или же отдать эти территории, то вторая возможность казалась М. Даяну предпочтительнее[48]. В этом смысле он вполне разделял подход, изложенный в проанализированных выше предложениях Ш. Газита и Д. Бен-Гуриона.

Особенно важными М. Даян считал отношения с США как с единственной страной, способной нейтрализовать советское влияние в ООН и помочь Израилю в проведении его политики. М. Даян считал крайне важным, чтобы любой план, принятый израильским правительством, был согласован с США. Учитывая, что в то время стратегический альянс Израиля и США только складывался, а американская финансовая помощь Израилю начала поступать только семь лет спустя, в 1974 году, подобное видение ситуации М. Даяном отнюдь не было само собой разумеющимся.

Что касается Западного берега и других занятых Израилем территорий, то здесь М. Даян видел два варианта решения проблемы. Наиболее реалистичной и предпочтительной ему казалась перспектива создания на Западном берегу некой формы автономии (но не независимого государства), на территории которой будут расселены и беженцы из лагерей в секторе Газы. При этом прерогатива определения и ведения внешней и оборонной политики, как и в проанализированном выше предложении Ю. Неэмана, должна была сохраняться за Израилем.

Значительно менее реалистичной, но все же возможной казалась М. Даяну идея возвращения Западного берега под контроль Иордании. Однако М. Даян выдвигал два условия, каждое из которых было заведомо весьма проблематичным для короля Хусейна. Во-первых, он требовал полной демилитаризации Западного берега или даже сохранения на нем израильского военного присутствия, а во-вторых, настаивал на расселении там беженцев из сектора Газы, которым египетские власти за восемнадцать с лишним лет своего там правления так и не предоставили гражданства. Учитывая крайне напряженную систему отношений между Египтом и Иорданией как во времена правления короля Фарука и эмира Абдаллы, так и в период правления Г.-А. Насера и короля Хусейна (власть в двух странах менялась почти синхронно, и в обоих государствах был двухгодичный «переходный» период, когда Египтом руководил М. Нагиб, а Иорданией — король Талаль), не было причин думать, что хашимитское руководство примет идею интеграции сотен тысяч палестинских арабов, живших на протяжении почти двух десятилетий под властью режима, пропагандистская машина которого прививала им ненависть к Иордании и ее правителям. Еще более странной была гипотеза о том, что ко-

роль Хусейн может согласиться на сохранение на своей территории израильского военного присутствия. Иными словами, в отличие от предложения военной разведки, выступившей за возвращение под арабский контроль занятых в 1967 году территорий, Моше Даян реально выступил с совершенно другой идеей, сердцевиной которой было формирование палестинской автономии под израильским патронажем.

М. Даян изложил свои взгляды в интервью, которое было записано на пленку 9 июня, т.е. еще до окончания боев на Голанских высотах, но вышло в эфир 11 июня, т.е. уже после войны. М. Даян сформулировал следующие предложения:

1. Ни полоса Газы, ни Западный берег не будут возвращены соответственно Египту и Иордании.
2. Израиль сохранит за собой Иерусалим и обеспечит свободу вероисповедания для представителей всех конфессий.
3. Израильские войска останутся в Шарм аш-Шейхе, пока не будут получены надежные гарантии свободы судоходства в районе Эйлата.
4. Должен быть обеспечен и гарантирован беспрепятственный проход израильских судов через Суэцкий канал.
5. Все спорные вопросы, существующие между Израилем и арабами, должны быть решены в прямых переговорах между сторонами[49].

Подход М. Даяна был намного более жестким, чем предложения непосредственно подчиненной ему военной разведки, но в целом был похож на идеи, сформулированные Д. Бен-Гурионом — на тот момент главой партии РАФИ, в которой М. Даян состоял. Однако важно отметить: ни о будущем Синайского полуострова, ни о политической судь-

бе Голанских высот в предложениях М. Даяна не сказано ни слова. Это, разумеется, не было случайным, и за непримиримой жесткостью озвученной позиции сохранялись обширные возможности для политического маневрирования.

М. Даян поручил своим помощникам подготовить материалы, которые должны были позволить ответить на три вопроса: какими должны быть границы арабской автономии в составе Израиля? Какое количество израильских войск и местной арабской полиции понадобится для поддержания порядка в автономии? Какой может быть реакция местных палестинских лидеров на данные предложения? Он также дал задание собрать максимально полную статистику о населении, экономике, водных и земельных ресурсах этих территорий.

Как и можно было ожидать, премьер-министр Л. Эшколь отнесся к предложениям М. Даяна как минимум настороженно, заявив 15 июня, что разработка планов относительно будущего контролируемых территорий не находится в компетенции Армии обороны Израиля и Министерства обороны. Согласно решению Л. Эшколя, только правительство в целом могло разрабатывать подобные планы и только лично премьер-министр мог их утверждать или отклонять. Представляется, что по сути Л. Эшколь был вполне солидарен с предложениями М. Даяна как в том, что касалось необходимости углубления израильско-американского стратегического диалога, горячим сторонником которого он был, так и в вопросе об автономии (на протяжении двух последующих лет, оказавшихся последними годами его жизни, Л. Эшколь двигался именно в этом направлении, проведя не менее восьми личных встреч с лидерами и старейшинами палестинского населения Западного берега[50]). Однако после войны Л. Эшколь боялся, что его глава армии М. Даян

перехватит инициативу — парадоксальным образом ровно так же, как несколькими неделями ранее того же самого боялся и стремился избежать президент Египта Г.-А. Насер в отношениях со своим рвавшимся в бой министром обороны А.-Х. Амером. М. Даян не счел нужным провоцировать Л. Эшколя, подчинившись решению премьер-министра и запретив Министерству обороны, Армии обороны Израиля и Генеральному штабу по своей инициативе подавать в правительство планы, касавшиеся судьбы занятых территорий. Л. Эшколь напомнил, что в Израиле армия подчинена гражданской власти, и М. Даян принял это положение вещей, сделав соответствующие выводы. В результате он оставался на посту министра обороны еще семь лет, до июня 1974 года, до конца жизни Л. Эшколя и последующие пять лет после его смерти, когда правительство возглавляла уже Голда Меир. Постепенно его политическое влияние росло, но в середине июня 1967 года он явно не был готов бросить вызов премьер-министру.

Решение правительства Израиля от 19 июня 1967 года

18 и 19 июня 1967 года состоялись заседания кабинета министров, на которых обсуждались проблемы послевоенного урегулирования и границ. Совещания эти проходили в обстановке чрезвычайной секретности; несколько странным образом, на них даже не был приглашен начальник Генерального штаба И. Рабин, которого постфактум проинформировали о принятых решениях[51]. Протоколы этих заседаний были открыты для исследователей только в январе 2006 года, и то лишь частично[52]. Ключевые обсуждения

проходили в межминистерской комиссии по оборонно-политическим вопросам, а ее протоколы не рассекречены до сих пор.

Малоизвестным является тот факт, что основополагающие решения, на десятилетия определившие израильскую политику на контролируемых территориях, были приняты на неформальном совещании, прошедшем в доме премьер-министра Л. Эшколя спустя три дня после окончания войны, 13 июня 1967 года[53]. В обсуждении участвовали всего шесть человек: кроме самого Л. Эшколя, это были: министр иностранных дел Аба Эвен, министр обороны Моше Даян, министр труда и соцобеспечения Игаль Алон, министр информации, бывший глава штаба «Хаганы» (в 1946–1948 годах) Исраэль Галили и экс-начальник Генерального штаба (в 1949–1952 годах) Игаль Ядин, в то время вообще не бывший ни министром, ни депутатом кнесета.

Л. Эшколь был настроен крайне скептически относительно возможностей мирного урегулирования с арабами вообще и с палестинцами в частности. Исходя из этого, он полагал, что Израиль должен делать то, что считает нужным, не особенно задумываясь о том, насколько те или иные шаги могут служить препятствием на пути к мирному урегулированию. Так как, по его глубокому убеждению, арабы в подобном урегулировании не заинтересованы в принципе, что будет, а что не будет делать Израиль, реального значения в направлении движения к миру не имеет. Л. Эшколь, грубо говоря, руководствовался пословицей о том, что «сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит».

При этом Л. Эшколь не считал, что отсутствие стремления арабской стороны к миру и стремление тех или иных арабских лидеров стереть еврейское государство с лица земли делают легитимной любую, даже самую жесткую из-

раильскую политику. В феврале 1969 года его спросили, вернется ли Израиль к линиям до 1967 года. «Договоры о прекращении огня [1949 года, определившие «зеленую черту»] мертвы и забыты, — ответил он, однако продолжил: — Нам не нужно никаких заселенных земель Западного берега, таких как Шхем, Дженин и так далее. Мы говорим лишь, что река Иордан должна стать надежной границей Израиля со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наша армия будет располагаться только на узкой полоске вдоль этой границы»[54]. Кроме того, по его мнению, из того факта, что арабы не признают Израиль, никаких выводов в направлении репрессий против арабского населения делать не следовало. В декабре 1966 года именно правительство во главе с Л. Эшколем отменило режим военных администраций, которому с 1949 года были подчинены арабские жители Израиля. Леви Эшколь был прагматичным политиком, вполне готовым к далеко идущим территориальным компромиссам при условии, что арабские страны признают Израиль и заключат с ним полноценные мирные соглашения. Пока же этого не происходило, он считал оптимальной политику «свершившихся фактов», утверждая, что никакого вреда возможному мирному процессу эта политика не принесет, ибо любое принятое решение может в будущем быть отменено. Трудно сказать, отдавал ли Л. Эшколь себе отчет в том, что в реальной политике нет почти ничего более постоянного, чем временное. Сам он был сторонником именно политики временных решений, которые, однако, оставались в силе на протяжении десятилетий — зачастую вплоть до сегодняшнего дня.

По наиболее спорному вопросу — вопросу о границе с Иорданией — консенсуса среди членов «шестерки» достичь не удалось, и было принято решение отложить обсуждение

этой темы на неопределенный срок. Вместе с тем в отношении Египта и Сирии была выработана следующая позиция: Израиль готов заключить с Египтом и Сирией мирные соглашения в обмен на отступление с занятых в ходе Шестидневной войны территорий и установление межгосударственной границы по рубежам, существовавшим в период британского мандата; до подписания мирных соглашений Израиль будет продолжать удерживать все занятые территории.

Таким образом, согласно этому решению, Израиль был готов отказаться от Синайского полуострова (вернув его Египту) и от Голанских высот (вернув их Сирии), но фактически планировал присоединить сектор Газы (который входил в территорию подмандатной Палестины). Это решение, утвержденное правительством 19 июня (но не обнародованное в то время), основывалось как на стремлении изолировать Египет от любых контактов с палестинцами, так и на осознании того, что у сектора Газы, отделенного от заселенной египетской территории сотнями километров пустыни, нет самостоятельного будущего вне интеграции с Израилем. Существовала и наивная надежда на то, что все или почти все палестинские беженцы, проживавшие в секторе, рано или поздно его покинут[55]. При этом Израиль требовал от Египта и Сирии демилитаризации тех территорий, которые он был готов вернуть под их контроль[56].

Что же касается границ с Иорданией и будущего Западного берега, кабинет не смог прийти к какому-либо решению. По-видимому, главной причиной этого послужили острые разногласия между членами правительства Л. Эшколя. Как известно, коалиционными были все израильские правительства, но сформированный 1 июня 1967 года кабинет был первым в истории Израиля так называемым правительством национального единства: в него, в частности,

впервые в истории страны вошел «вечный» лидер «непримиримой» оппозиции Менахем Бегин. Принятие какого-либо четкого и недвусмысленного решения грозило распадом коалиции и возможной отставкой всего кабинета, чего в то время стремились избежать практически все.

При этом еще в ходе обсуждения на неформальном заседании 13 июня, вероятно, под влиянием позиции Игаля Алона, впервые возникло понятие «обороняемые границы» [57] и было высказано (и в целом поддержано) мнение о том, что река Иордан является западной «оборонной границей» Израиля. Это означало, что кому бы ни принадлежали территории Западного берега, никакая иностранная армия (и в частности иорданская) не должна была быть размещена на них. Так появилась доктрина, разделившая понятия «границы государства» и «оборонные границы государства». Эти идеи были выдвинуты не самим Л. Эшколем, но нашли у него поддержку. Решения, принятые узким кругом высших руководителей страны, один из которых, кстати, на тот момент официально был только профессором археологии Еврейского университета в Иерусалиме и не занимал ответственных государственных постов (речь, конечно, о И. Ядине), были подтверждены на заседаниях правительства 18 и 19 июня.

Имеет смысл отметить, однако, что правительство не выработало никакой связной доктрины относительно будущего статуса Западного берега, ограничившись созданием «временной» военной администрации на контролируемых территориях. В итоге Израиль, с одной стороны, не аннексировал никакие из занятых территорий, кроме Восточного Иерусалима, а с другой — не объявил о готовности отдать их кому бы то ни было. Даже применительно к Египту и Сирии предложение Л. Эшколя о возвращении заня-

тых территорий при условии подписания мирных договоров вызвало возражения ряда министров («за» проголосовали одиннадцать человек, «против» — десять[58]). В итоге официальный текст решения был изменен, и вместо готовности к возвращению к границам, существовавшим по состоянию на 4 июня 1967 года, в нем говорилось о готовности вернуться к «зеленой черте» с «напрашивающимися корректировками границы». При этом какие корректировки границ «напрашивались» и в каком объеме, в решении правительства не упоминалось, и никаких карт к нему приложено не было. Таким образом, было практически невозможно сказать, в чем же конкретно состояла позиция израильского правительства по вопросу будущего статуса занятых в ходе Шестидневной войны территорий. К подобной невнятности изначально никто не стремился, но, желая сохранить хрупкое внутриполитическое согласие, ее посчитали наименьшим злом.

Предложение Элияху Сассона и «четырехсторонняя комиссия»

Элияху Сассон, многоопытный дипломат, назначенный в январе 1967 года, после смерти Б.-Ш. Шитрита, министром полиции, обратился к Леви Эшколю с предложением создать особую министерскую комиссию, которая будет консультироваться с военными экспертами, с тем чтобы дать ответы на ряд важных вопросов: во-первых, что предпочтительнее для Израиля — создание независимого Палестинского государства или некой автономии, объединенной с Израилем в федерацию? Во-вторых, если предпочтительнее создание государства, то каковы должны быть его границы и долж-

ны ли они быть привязаны к британским мандатным границам? В-третьих, какова возможная роль Иордании в создании Палестинского государства? Наконец, в-четвертых, каково должно быть будущее сектора Газы (аннексия, присоединение к Палестинскому государству или некая форма автономии) и какими могут быть решения проблемы палестинских беженцев, живущих там?

Несмотря на то что предложение это не было принято Л. Эшколем в том виде, в котором его выдвигал Э. Сассон, оно также не было отвергнуто. 4 июля 1967 года премьер-министр постановил создать четырехстороннюю комиссию, которую возглавил Яаков Герцог, генеральный директор Министерства главы правительства, бывший одним из самых доверенных лиц премьера. В комиссию входили представитель Министерства обороны (им был Хаим Герцог, родной брат председателя комиссии и будущий президент Израиля), сотрудники Министерства иностранных дел Моше Сассон, сын министра Э. Сассона, и Шауль Бар-Хаим и представитель службы внешней разведки «Моссад» (им был Давид Кимхи, в 1980–1987 годах генеральный директор МИДа Израиля)[59].

Спустя две недели комиссия представила свои заключения. Ключом к решению проблемы Западного берега был назван король Иордании Хусейн, с которым предлагалось во что бы то ни стало достичь соглашения. Очевидно, что это мнение отражало позицию председателя комиссии — не кто иной, как Яаков Герцог еще с сентября 1963 года неоднократно встречался с королем Иордании[60]. Их пятая встреча — и первая после Шестидневной войны — состоялась в Лондоне 2 июня 1967 года[61], за два дня до создания комиссии. «Наш прямой контакт и наши дружеские отношения побуждают меня говорить искренне, — отметил король в беседе с

израильским дипломатом. — Экстремисты идут своим путем, я иду другим. Должен быть заключен мир достойный, на основе взаимного уважения. … Не только у вас есть права — и у нас есть права. Не загоняйте нас в угол. Признавайте наши чувства, относитесь к нам с пониманием и уважением. Весь регион находится на перепутье. Я надеюсь, мы выберем верный путь. От вас зависит очень многое»[62].

Король Хусейн рассчитывал, что на саммите лидеров арабских стран не будет выработано какой-либо единой позиции, в результате чего у него будут развязаны руки для последующих открытых переговоров с Израилем. В сентябре 1967 года в столице Судана Хартуме состоялась конференция глав арабских государств, участники которой единым фронтом потребовали отвода израильских войск к границам, существовавшим до Шестидневной войны, заявив, что и после этого «не будет мира с Израилем, не будет признания Израиля, не будет переговоров с Израилем». Это решение поставило короля Хусейна в сложное положение: он помнил, как в 1951 году поплатился жизнью за связи с сионистскими лидерами его дедушка эмир Абдалла, и открыто пойти против решений Хартумского саммита он не решался. При этом на протяжении двух лет после Хартумского саммита (т.е. с октября 1967 до конца сентября 1969 года) Хусейн провел не менее двенадцати тайных встреч с израильскими руководителями, в которых, кроме Яакова Герцога, в разное время участвовали Голда Меир, Игаль Алон, Аба Эвен и Хаим Бар-Лев[63]. Хусейн просил и встречи с Моше Даяном, но Леви Эшколь не поддержал эту идею[64], и первая встреча между ними состоялась только 29 июня 1972 года (на протяжении пяти последующих лет М. Даян еще четырежды принимал участие в прямых тайных переговорах с королем Иордании[65]).

Проблема была и в том, что израильские руководители, в том числе и сам Яаков Герцог, полагали, что время работает на них и спешить поэтому некуда. Я. Герцог, сын бывшего главного ашкеназского раввина Эрец-Исраэль Исаака Халеви Герцога, был крайне воодушевлен фактом установления израильского контроля над территориями Иудеи и Самарии, и в особенности над Старым городом Иерусалима. «Эта победа [в Шестидневной войне] была достигнута не армией, — говорил Я. Герцог итальянцу И. Монтанелли. — Ею одарил нас сам Господь, который спустя несколько десятилетий после Освенцима привел нас в Иерусалим». И. Монтанелли справедливо записал: «Это был не голос генерального директора [Министерства главы правительства; именно эту должность занимал Я. Герцог], а слова пророка»[66]. И Яаков Герцог, и тогдашний глава «Моссада» Меир Амит, и другие израильские руководители полагали, что спешить некуда и контакты с королем Хусейном важны для Израиля не столько сами по себе, сколько как фактор, раскалывающий арабское единство. Иными словами, факт ведения переговоров был важнее, чем их возможный итог. При этом в долговременной перспективе Я. Герцог, очевидно, предпочитал решать проблему с королем Иордании, а не с палестинскими арабами Западного берега или лидерами ООП (о них в качестве возможных партнеров для переговоров речь не шла вообще).

Выводы комиссии не обсуждались правительством и не были одобрены как руководство к действию премьер-министром. Более того, представители Иордании не были ознакомлены с выводами комиссии, хотя именно королю Хусейну отводилась в них ключевая роль, и его даже предлагалось объявить «хранителем святых мест ислама»[67]. К сожалению, Я. Герцог не осознавал, как мало време-

ни было отпущено на его миссию. В 1969 году скончался Л. Эшколь, после чего премьер-министром стала Голда Меир, с которой Я. Герцог выстроить доверительные отношения не сумел, в результате чего из одного из самых влиятельных людей в стране он превратился в государственного служащего, пусть и высокого ранга, но маловлиятельного. В 1972 году в возрасте 51 года скоропостижно от так и не диагностированной толком болезни скончался сам Я. Герцог. События «Черного сентября» 1970 года и убийство 28 ноября 1971 года премьер-министра Иордании Васфи аль-Телля[68] поставили короля Хусейна в куда более сложное положение относительно радикальных палестинских националистов, которые все более выходили на первый план. Иллюзии о том, что израильско-иорданский переговорный процесс можно вести годами и что от этого неспешного темпа Израиль только выиграет, развеялись, причем весьма быстро. События развивались совсем не так, как это виделось Я. Герцогу и Л. Эшколю в первые недели после Шестидневной войны.

Планы Игаля Алона

26 июля 1967 года Игаль Алон подал Леви Эшколю собственный план[69]. Несмотря на то что он формально никогда не был утвержден правительством, Л. Эшколь согласился с тезисами и идеями, изложенными в этом документе, и они на какое-то (трудно сказать, какое именно) время стали своего рода руководством к действию. При этом важно отметить, что, во-первых, сам И. Алон с течением времени менял свои взгляды по ряду вопросов, относившихся к его плану, а во-вторых, к бумагам, которые он подавал, не были

приложены какие-либо карты. Карты плана Алона, опубликованные в отдельных изданиях[70], отражают понимание его предложений теми, кто эти карты составлял; ни одна из них не была выверена и одобрена самим И. Алоном, который ограничился формулированием принципов политики по отношению к тем или иным территориям, не детализируя их с требуемой точностью. Более того: этот судьбоносный «план» нигде и никогда не был опубликован, из-за чего биограф И. Алона цитирует его по машинописному тексту на английском языке, хранящемуся в частном архиве[71]; автор книги, посвященной израильско-иорданским отношениям, приводит фотокопии трех разрозненных рукописных листков на иврите с зачеркиваниями и исправлениями из коллекции не самого центрального Архива Объединенного кибуцного движения[72]; а редакторы книги, поместившие «карту», соответствующую, по их мнению, этому плану, основывались на мемуарах И. Алона, опубликованных двадцать с лишним лет спустя, в 1989 году[73].

Как бы там ни было, первый и, возможно, самый важный тезис в этом плане касался проблемы границ. Как указывалось выше, И. Алон ввел понятие «оборонной границы». Под этим термином подразумевалась линия, которую ни в настоящем, ни в будущем не должны пересекать армии арабских стран. Такой «оборонной границей» И. Алон назвал долину реки Иордан (полоса шириной 10–15 км), которая ввиду своей особой стратегической значимости должна быть присоединена к Израилю и постоянно находиться под его контролем.

И. Алон предполагал, что арабские территории Западного берега будут рано или поздно Израилем отданы, а потому создавать постоянную администрацию на них не следует (и в этом его подход разительно отличался от подхода М. Да-

яна, создавшего на территориях разветвленную сеть военных администраций). Однако он считал очень важным создать «защитный пояс поселений», который бы окружал территории, населенные арабами. Особую важность И. Алон, как и Д. Бен-Гурион, придавал городу Хеврону (ввиду его религиозного значения), который должен контролироваться Израилем. И. Алон также выступал за израильскую аннексию района Гуш-Эцион.

Кроме того, И. Алон уделил внимание таким проблемам, как источники пресной воды и религиозные святыни, находящиеся на Западном берегу. Он указал, что в случае возвращения территорий необходимо будет искать альтернативные источники воды, а также позаботиться о сохранности священных мест.

И. Алон высказал четкое мнение и по проблеме Иерусалима. Если он допускал, что рано или поздно большую часть территории Западного берега придется оставить, то какие-либо уступки в Иерусалиме он, как и Д. Бен-Гурион и Л. Эшколь, считал невозможными. И. Алон был убежден, что Иерусалим должен быть объединенной столицей Государства Израиль.

Относительно сектора Газы позиция И. Алона претерпела значительные изменения. Изначально он считал, что палестинские арабы, жившие в лагерях беженцев в Газе, могут и должны быть расселены за пределами Палестины/Эрец-Исраэль. Так, кстати, полагал и Л. Эшколь, о чем он говорил на заседании правительства 19 июня 1967 года, характеризуя как «справедливейшее из возможных» свое предложение о переселении ста тысяч палестинцев из Газы в Ирак: «У них общий язык, они находятся примерно на одном уровне развития, там есть достаточно земель и воды», в конце концов, «мы [Израиль] приняли евреев из Ирака, приняли сто

тысяч человек. … Можно считать это обменом населения»[74]. И. Алон, как и, кстати, М. Бегин, поддерживал идеи Ю. Неэмана (хотя не факт, что был знаком с его меморандумом) о расселении палестинских беженцев из Газы в районе Эль-Ариша. И. Алон также предлагал переселить часть жителей Газы на Западный берег Иордана, а также на территорию Иордании. При этом он выступал за присоединение сектора Газы к Израилю.

Изначально И. Алон был против возвращения каких-либо частей Западного берега Иордании, выступая за предоставление живущим там палестинским арабам широкой автономии (но не в тех районах, которые он предлагал присоединить к Израилю: Восточный Иерусалим и ближайшие окрестности, Гуш-Эцион, Иорданская долина). В этой связи предложения И. Алона в целом были вполне в русле рассмотренных выше идей, обсуждавшихся Д. Бен-Гурионом, М. Даяном, Л. Эшколем и другими.

Затем, однако, позиция И. Алона изменилась кардинально; сложно сказать точно, когда именно это произошло. Авторы, ссылающиеся на «план Алона», эти изменения в его позиции в расчет не принимают, раз за разом повторяя его предложения, выдвинутые в июле 1967 года. Представляется, однако, что более поздние предложения И. Алона были куда более интересными, хотя и неожиданными[75]. Изначально он был ярым противником «иорданской опции», выступавшим против возвращения каких-либо территорий под контроль Иордании, утверждая даже, что если режим короля Хусейна падет и вместо него будет сформировано палестинское правительство, это будет совсем неплохо для Израиля[76]. Затем, однако, Игаль Алон стал горячим сторонником именно «иорданской опции»[77], де-факто развивая идеи, выдвинутые «че-

тырехсторонней комиссией» во главе с Я. Герцогом. Первоначальная версия плана была выдвинута И. Алоном до его первого личного контакта с королем Хусейном, который состоялся только 27 сентября 1968 года (кроме него, во встрече с израильской стороны участвовали министр иностранных дел А. Эвен и Я. Герцог). Постепенно враждебное отношение И. Алона к иорданскому монарху сменилось на значительно более доброжелательное. В итоге И. Алон был готов пойти дальше, чем кто бы то ни было, предлагая передать под контроль Иордании не только те земли, которые она потеряла в 1967 году, но и никогда не контролировавшийся ею сектор Газы — в качестве компенсации за те части территории Западного берега, которые Государство Израиль, по его мнению, должно было аннексировать. И. Алон верил, что королю Хусейну будет нелегко отвергнуть предложение, согласно которому Иордания получала форпост на Средиземном море, благодаря чему он надеялся, что этот план может быть реализован. 3 октября 1970 года состоялась пятая встреча И. Алона с королем (как и на четырех предыдущих, на ней также присутствовал Я. Герцог) , на которой обсуждалась идея создания палестинской автономии, которая будет контролироваться властями Иордании и в перспективе войдет в нее. И. Алон безуспешно пытался убедить членов израильского правительства поддержать эту идею; большинство, и прежде всего Моше Даян, были категорически против, из-за чего план, относительно которого сам король высказал принципиальное согласие, реализован не был[78].

Именно отдельные компоненты различных «планов Алона», не будучи формально утвержденными кабинетом министров, начали постепенно реализовываться. Более того: реализация именно этой доктрины ни шатко ни валко, но

продолжается до дня сегодняшнего. Можно выделить целый ряд принципов, проявившихся в планах Алона и сохраняющих свою значимость до сегодняшнего дня.

Во-первых, именно план Алона заложил основы подхода, согласно которому отношение Израиля к проблеме контролируемых территорий определяется сочетанием трех факторов: соображений безопасности; демографических интересов и нежелания контролировать жизнь другого народа. Согласно этой логике, Израиль заинтересован сохранять под своим контролем только те территории, на которых нет значительного арабского населения, чтобы Израиль не превращался в двунациональное государство, оставаясь еврейским. Контроль над густонаселенными арабами территориями должен быть передан самим арабам (не принципиально важно, кому именно).

Во-вторых, границы Государства Израиль не тождественны его оборонным границам, и некоторые линии, которые Израиль может и не контролировать (например, Иорданскую долину или так называемый Филадельфийский коридор между сектором Газы и Египтом), определяются при этом как оборонные границы страны, которые не может и не должна пересекать никакая иноземная армия.

В-третьих, создание еврейских поселений на контролируемых территориях возможно при одном из двух условий: либо когда речь идет о восстановлении исторической справедливости и воссоздании еврейского присутствия в местах, где еврейская община существовала в прошлом и откуда она была изгнана, либо когда удержание районов, в которых создаются новые населенные пункты, важно по соображениям безопасности. Израиль не заинтересован в создании еврейских кварталов и поселений в гуще арабских жилых массивов, за исключением тех случаев, когда речь идет

о самых святых для еврейского народа местах, таких как Восточный Иерусалим или Хеврон.

В-четвертых, план Алона стал оформлением идеи дифференцированного подхода. Согласно этому подходу, территория Западного берега, то есть Восточный Иерусалим, Иудея, Самария и долина Иордана, хотя и была занята в ходе одной войны, единым блоком не является, а следовательно, политическое будущее различных ее частей может быть различным. При этом, напротив, хотя Западный берег Иордана и сектор Газы до 1967 года контролировались разными странами (соответственно Иорданией и Египтом), их политическое будущее может быть одинаковым.

В-пятых, Израиль формирует свою политику на контролируемых территориях самостоятельно, пытаясь убедить выбранных им самим арабских партнеров в ее оправданности и целесообразности. При этом израильское руководство само решает, будет ли оно следовать той или иной доктрине, безотносительно к тому, что думают по этому поводу те или иные арабские политические лидеры. Согласие арабских представителей на ту или иную израильскую инициативу совершенно не гарантирует ее принятия, ибо израильские руководители сохраняют за собой право по собственному усмотрению принять любые решения, в том числе и противоположные изначально предполагавшимся.

* * *

Обсуждения новых реалий, сложившихся после Шестидневной войны, были бурными, в политической и военной элите страны не было согласия практически ни по одному вопросу, исключая, быть может, вопрос об объединении Иерусалима и его объявлении вечной и неделимой столи-

цей Государства Израиль. Все остальные «плоды победы» скорее раскалывали руководство страны, а не объединяли его. В таких условиях проще было не принимать никаких жестких обязывающих решений, действуя по принципу «пусть идет, как идет». Именно так и формировалась израильская политика на территориях, занятых в ходе победоносной Шестидневной войны.

Глава II

ПЕРВЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ ИЗРАИЛЯ НА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Аннексия Восточного Иерусалима

На протяжении более чем четырнадцати лет единственной частью занятых в 1967 году территорий, аннексированной Израилем, был Восточный Иерусалим, находившийся со времени окончания войны 1948 года под контролем Иордании. Решение о присоединении восточной части города к западной, бывшей под израильским контролем, было принято практически сразу после окончания боевых действий Шестидневной войны. Следующее подобное решение — об аннексии Голанских высот — было принято только в 1981 году (соответствующий закон был утвержден в кнесете 14 декабря), уже в период правления правоцентристского блока «Ликуд» во главе с М. Бегином, а более никакие территории, занятые израильской армией в 1967 году, аннексированы не были вообще. Как указывалось выше, многие государственные деятели (в частности, Д. Бен-Гурион, Л. Эшколь, Я. Герцог и другие) выступали за объединение Иерусалима под еврейским правлением, но, скажем, многие ра-

товали и за присоединение к Израилю района Гуш-Эцион и города Хеврон, а также Иорданской долины, но это сделано не было — ни тогда, ни на протяжении сорока с лишним последующих лет. Таким образом, аннексия Восточного Иерусалима видится во временной перспективе действием еще более особенным, чем это казалось современникам и участникам событий[79].

Вопрос об аннексии Восточного Иерусалима, обсуждавшийся в правительстве Израиля, практически не вызвал стратегических разногласий. Леви Эшколь еще 11 июня — то есть буквально на следующий день после окончания боевых действий — предложил членам правительства объявить об объединении Иерусалима. «Нужно отделить Иерусалим от остальных мест», — подчеркнул премьер-министр[80]. «Объединение Иерусалима — жизненная необходимость и сердце нации. Оно не подчинено никаким рациональным, политическим, военным или экономическим соображениям — напротив, именно оно и предопределяет все остальные соображения», — говорил Л. Эшколь[81]. Было решено поручить специальной комиссии во главе с министром юстиции Яковом Шимшоном Шапира (1902–1993) в максимально короткий срок выработать процедурные рекомендации, касавшиеся объединения Иерусалима в качестве единой столицы Государства Израиль.

Все министры поддерживали эту идею, за исключением министра образования Залмана Арана (1899–1970)[82]. Опасения, высказанные им, касались возможной жестко негативной реакции на такой шаг со стороны мирового сообщества. Вместе с тем сроки принятия этого решения дебатировались, причем весьма остро.

Больше всех просил не спешить Аба Эвен (1915–2002), тогдашний министр иностранных дел. Вопрос о территори-

ях, занятых Израилем в 1967 году, обсуждался в то время в ООН, и А. Эвен, находившийся в Нью-Йорке, опасался, что односторонние шаги израильского правительства вызовут намного более жесткую реакцию международного сообщества, чем та, что была бы выражена в их отсутствие. В результате было отложено заседание правительства, запланированное на 20 июня, на котором должны были обсуждаться и утверждаться предложения по вопросу о Иерусалиме, подготовленные межминистерской комиссией во главе с Я.Ш. Шапира. 27 июня вопрос вновь был поставлен на обсуждение, и Аба Эвен вновь попросил об отсрочке — как минимум на неделю, до окончания обсуждения этого вопроса на Генеральной Ассамблее ООН. Л. Эшколь в свою очередь полагал, что подобные отсрочки не служат израильским интересам, становясь сигналом о том, что еврейское государство готово к большим уступкам, чем оно было готово на самом деле, однако большинство министров (девять из шестнадцати) выступили в поддержку просьбы А. Эвена; только семеро поддерживали главу правительства [83]. Тогда Л. Эшколь пошел на отчаянный шаг: покинув заседание, он лично позвонил в Нью-Йорк министру иностранных дел, чтобы убедить его снять свои возражения. «Чем больше мы будем ждать, тем сильнее будет международное давление против полного осуществления объединения Иерусалима… Может создаться впечатление, что мы сдаемся международному давлению в вопросе о Иерусалиме», — увещевал Л. Эшколь министра иностранных дел[84]. А. Эвен сдался, о чем Л. Эшколь немедленно сообщил членам правительства, после чего решение было принято. В тот же день соответствующее решение было утверждено кнесетом во всех трех чтениях.

Таким образом, правительство приняло принципиальное решение об аннексии. Израильскому руководству не-

обходимо было решить три важных вопроса: во-первых, каким образом, с формально-юридической точки зрения, осуществить аннексию; во-вторых, каковы должны быть границы создаваемого иерусалимского муниципалитета, то есть фактически каковы должны быть границы аннексируемой территории; и, в-третьих, какую политику Израиль должен проводить по отношению к арабам, проживающим в восточной части города?

В отношении первого вопроса по настоянию министра юстиции был избран путь законодательного закрепления аннексии. Решением правительства создавалась министерская комиссия, которая должна была разработать соответствующие законопроекты. В результате ее работы на обсуждение правительства и на голосование в кнесете было поставлено три законопроекта. Первым на территорию Восточного Иерусалима распространялось действие израильского законодательства; второй закон предоставлял министру внутренних дел Израиля право определять границы создаваемого иерусалимского муниципалитета; наконец, третий закон гарантировал защиту святых мест. Интересно отметить, что (прежде всего с целью не привлекать излишнего внимания в ООН) было решено отказаться от принятия отдельного закона об объединении Иерусалима и провозглашении единого города столицей Государства Израиль; соответствующий закон был принят кнесетом только 5 августа 1980 года[85]. В июне 1967 года было принято другое решение: внести только самые необходимые изменения в несколько уже действовавших законов. Как указывалось выше, 27 июня 1967 года правительство одобрило все три соответствующих законопроекта и немедленно представило их для голосования в кнесет, где они также были приняты практически без обсуж-

дений. В полночь 28 июня 1967 года обе части города были формально объединены.

Следующей важной проблемой, вызвавшей споры и разногласия, был вопрос о границах аннексируемой территории. Вероятно, единственное, что не обсуждалось и не оспаривалось, — это присоединение Старого города. Комиссию по определению границ возглавлял генерал Рехавам Зеэви (1926–2001, в 1988–2001 годах депутат кнесета, лидер праворадикальной партии «Моледет»; единственный из израильских министров за все время существования государства, убитый палестинскими террористами). Свои предложения он строил, исходя из следующих соображений: максимально возможное расширение аннексируемой территории с тем, чтобы обеспечить городу площадь, необходимую для будущего развития; присоединение к аннексируемой территории аэропорта Атарот; включение в ее состав нескольких источников пресной воды. Кроме того, при проведении границы учитывался демографический фактор, то есть преследовалась цель присоединить максимальную территорию с минимальным количеством арабских деревень и, следовательно, арабского населения на ней.

Однако министр обороны Моше Даян, на утверждение которому был представлен проект, высказал ряд резких возражений. Его не устраивало прежде всего то, что на присоединяемой территории находилось целых десять арабских деревень. И все же, парадоксальным образом, даже не это вызвало наибольшие возражения. Главный контраргумент касался того, что объединенный Иерусалим в предлагавшихся границах разделял территорию Западного берега на две части, сообщение между которыми, минуя израильскую столицу, становилось практически невозможным. «Если в будущем мы захотим сделать Западный берег еди-

ной административной единицей... то нам необходим будет связующий коридор между Хевроном и Вифлеемом [к югу от Иерусалима] и Иерихоном [к западу от него]», — так аргументировал свою позицию Моше Даян[86]. Парадоксальным образом именно известный своей «ястребиной» политической ориентацией М. Даян беспокоился о том, чтобы израильская аннексия не была «чрезмерной», чтобы в случае передачи территорий под арабский контроль между Иудеей (южной частью Западного берега) и Самарией (северной частью) оставался бы связующий коридор! (Интересно, что годы спустя министр иностранных дел Египта Бутрос Гали напишет в своих мемуарах: «Среди израильских лидеров Даян занимал наиболее гибкую позицию в палестинском вопросе»[87].) Министерская комиссия приняла замечания министра обороны и скорректировала свой проект.

Наконец, третий вопрос, который предстояло решить израильскому руководству, — это вопрос о политике по отношению к арабам, населяющим восточную часть Иерусалима. Вопрос этот имел две составляющие — демографическую, так как на присоединенных территориях проживало около 60 тысяч арабов, и юридическую, так как большинство из них имели иорданское гражданство, и необходимо было решить, давать им израильское гражданство или нет.

Хотя звучали отдельные призывы чуть ли не депортировать все арабское население из присоединенных частей Иерусалима, эта позиция была маргинальной и поддержки не нашла. Зато было принято решение построить новые еврейские кварталы в восточных районах города, и в течение первых десяти лет после объединения Иерусалима туда переселились более двухсот тысяч человек. Кроме того, израильское правительство начало возрождать еврейский квартал Старого города, уничтоженный в ходе войны 1948 года

и фактически не существовавший в течение всего иорданского правления.

Проблема предоставления гражданства арабам Восточного Иерусалима была решена следующим образом. Всем им было предложено принять израильское гражданство, однако в директивном порядке оно никому не навязывалось: отказываться ли от гражданства иорданского и принимать ли новое, люди решали сами. Процесс перехода в израильское подданство был довольно длительным, и руководители страны вполне отчетливо осознавали, что не заинтересованы в появлении десятков тысяч новых арабских граждан. Большинство по тем или иным причинам, часто имея материальную заинтересованность в поездках на Восточный берег, сохранили за собой иорданское гражданство. Израиль же предоставил арабам Восточного Иерусалима статус постоянных жителей, который не давал им права участия в парламентских выборах, но наделял их возможностью принимать участие в выборах муниципальных. При этом Закон о выборах в местные органы власти был изменен — специально для того, чтобы облегчить участие в них арабов Восточного Иерусалима. Согласно закону, участие в муниципальных выборах неграждан, имеющих статус постоянных жителей, не происходит автоматически, а лишь после подачи ими соответствующей просьбы. Применительно к арабам Восточного Иерусалима — и только к ним — это требование было отменено, им было разрешено участвовать в муниципальных выборах в столице страны без подачи каких-либо просьб[88]. Впрочем, подавляющее большинство из них этим правом за сорок прошедших с тех пор лет ни разу не воспользовались, вследствие чего муниципальный совет Иерусалима был и остается исключительно еврейским.

Таким образом, при аннексии Восточного Иерусалима дифференцированный подход к контролируемым территориям был применен на практике. Важно подчеркнуть, что Восточный Иерусалим стал единственной территорией на Западном берегу, которая была аннексирована Израилем, и аннексия эта была закреплена законодательно.

Постоянство временных решений: формирование и закрепление статус-кво

Сделав выше обзор конкретных предложений, выдвинутых общественными, политическими и военными деятелями в первые недели после окончания Шестидневной войны, мы можем обобщить их и свести, с некоторыми ограничениями, к четырем основным направлениям решения проблемы политического будущего Западного берега и сектора Газы: аннексия Израилем; «палестинская опция» (создание Палестинского государства или предоставление палестинским арабам достаточно широкой автономии); «иорданская опция» (возвращение всех или большей части занятых территорий под иорданский контроль); откладывание принятия решений на более поздний срок при условии фактического сохранения статус-кво.

Необходимо попытаться ответить на вопрос, почему же в 1967 году была выбрана именно последняя опция, сохранение на неопределенный срок статус-кво (при фактической реализации как минимум до 1977 года плана Алона в его первоначальном варианте, не предусматривавшем какого-либо участия Иордании), а не какая-либо другая, какие факторы — внутриизраильские и международные — повлияли на это.

Аннексия. Идея аннексии всех территорий, перешедших под израильский контроль в ходе Шестидневной войны, имела в тот период минимальное число сторонников. Из всех перечисленных выше планов только план профессора Ю. Неэмана предусматривал аннексию большей части территорий, и то с оговорками, допуская возможность практически полного отступления с Синая*. Этот вариант могли поддерживать правые и религиозные партии, однако правительство едва ли решилось бы даже рассматривать всерьез подобную возможность. При обсуждении проблемы аннексии Восточного Иерусалима министр образования Залман Аран высказывал опасения относительно жестко негативной реакции мирового сообщества на этот шаг. Нет сомнений, что именно внешние факторы, то есть возможность жесткой реакции международного сообщества, повлияли на то, что возможность аннексии всерьез никем из политической и военной элиты не рассматривалась. Важнейшую роль играли и демографические соображения: аннексия занятых в ходе Шестидневной войны территорий при условии предоставления их жителям израильского гражданства превращала еврейское государство с относительно небольшим (15–20% в разные годы) арабским меньшинством в двунациональное государство, в котором доля арабов достигала бы 35–40% и более. Таким об-

* Интересно отметить, что когда Израиль, в рамках реализации мирного договора с Египтом, согласился на отступление с Синая, Ю. Неэман был активно и категорически против. Партия «Тхия» («Возрождение»), которую он возглавлял с момента ее создания до поражения на выборах 1992 года, возникла именно на гребне общественного протеста против вывода израильских сил из Синая и ликвидации созданных там еврейских поселений.

разом, аннексия занятых в 1967 году территорий фактически становилась бы концом Израиля в качестве еврейского государства. С другой стороны, аннексия территорий без предоставления их жителям гражданства и базовых политических прав (включая избирательное) превращало Израиль в государство апартеида, что также было совершенно неприемлемо для подавляющего большинства жителей страны.

«Палестинская опция». Возможность создания независимого Палестинского государства или палестинской автономии рассматривалась членами израильского правительства уже на заседании 19 июня 1967 года. В частности, Леви Эшколь говорил: «Я начал с автономии, но если станет понятно, что это невозможно воплотить в действительности, они [палестинские жители территорий] получат независимость». Игаль Алон формулировал идею конкретнее: «Я принимаю в расчет независимое арабское [Палестинское] государство, созданное согласованно по договоренности между нами и Иорданией, которое было бы со всех сторон окружено израильской территорией». Менахем Бегин, тогда, напомним, член правительства, отмечал: «Насколько я понимаю, понятие автономии логически железно приводит к Палестинскому государству. Если мы говорим об автономии, это приглашение к созданию независимого Палестинского государства»[89].

Учитывая, что Палестинское государство должно было быть создано еще по резолюции ООН от 29 ноября 1947 года и должно было находиться на территории, в частности, Западного берега и сектора Газы, была своя логика в том, чтобы попытаться двадцать лет спустя все же начать движение в этом направлении, принимая во внимание военные и политические интересы Израиля. Однако этот вариант ре-

шения проблемы также не был принят, и тому есть, на наш взгляд, пять объяснений.

Прежде всего, создание Палестинского государства было возможно только при условии достижения договоренности с местными палестинскими лидерами. Однако на тот момент израильтяне плохо представляли себе, кто из палестинских лидеров, во-первых, готов признать Израиль и пойти на переговоры о мире с ним, а во-вторых, в состоянии будет при этом контролировать те территории, откуда Израиль был готов вывести свои войска. В то время, например, в соседней Сирии переворот следовал за переворотом (23 февраля 1966 года Сирию потряс пятый за четыре года военный путч), и израильские руководители, разумеется, не были заинтересованы в том, чтобы своими руками создавать подобный очаг напряженности в непосредственной близости от Иерусалима и Тель-Авива. ООП во главе с Ахмедом Шукейри справедливо рассматривалась не как организация, отражающая собственно палестинские интересы, а как искусственно созданная структура, отражающая прежде всего интересы Египта (подобное восприятие было отнюдь не безосновательным). ФАТХ, лидер которого Я. Арафат тогда еще не возглавлял ООП (ему удалось сместить А. Шукейри год спустя), также не мог быть партнером по переговорам, поскольку провозглашал вооруженную борьбу как свою основную тактику, отказывая Израилю в каком-либо признании[90]. Логичным ответом на все эти трудности был призыв Рехаваама Зеэви «вырастить» альтернативных палестинских лидеров, привести их к власти и уже с ними вести переговоры[91]. Подобный вариант, кстати, израильское правительство в начале 1980-х годов пыталось реализовать в Ливане, и попытка эта закончилась полным провалом. Как бы там ни было, «вырастить» лидеров и привести

их к власти в одночасье невозможно, процесс этот, если его начать, кропотливый и очень сложный. Желающих реально взять на себя ответственность за такое развитие событий в то время не нашлось.

Среди жителей Западного берега не было единства мнений, что же лучше: снова стать подданным короля Хусейна, под властью которого они жили со дня его вступления на престол в 1953 году, либо же, наоборот, стремиться к палестинской независимости, как это предусматривалось резолюцией №181 Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 года. Часть жителей, имевших финансовые или иного рода материальные интересы на Восточном берегу, поддерживали возвращение Западного берега под иорданский контроль, в том числе и по причине нежелания оказаться под властью радикальных ООП и ФАТХа. Другие, напротив, поддерживали идею создания независимого Палестинского государства, в том числе и во главе с лидерами ООП. Каким бы из двух путей — «палестинским» или «иорданским» — ни пошли израильские руководители, в любом случае многие жители Западного берега были бы недовольны происходящим.

Во-вторых, нельзя недооценивать опасения израильских лидеров, что переговоры с палестинскими представителями будут очень тяжелыми, ибо эти представители потребуют от Израиля полного отступления к довоенным границам, включая передачу под их контроль Восточного Иерусалима и создания Палестинского государства на всей территории Западного берега и сектора Газы. К отказу от Восточного Иерусалима и всего Западного берега (Иудеи, Самарии и Иорданской долины) израильские руководители, да и израильское общество в целом не были готовы ни тогда, ни сейчас.

В-третьих, существовало оправданное опасение, что будет очень трудно, а скорее всего просто невозможно достичь договоренности с палестинцами без решения вопросов, оставшихся с войны 1948 года: проблемы беженцев и проблемы территорий, которые находились в пределах «зеленой черты», но по карте ООН должны были отойти к Палестинскому государству. Среди этих территорий — Верхняя Галилея, Северный Негев (в частности, Ашкелон и Беэр-Шева) и другие районы, которые были объявлены суверенной территорией Израиля и на которых жили сотни тысяч его граждан. Израильские руководители очень опасались открыть тот ящик Пандоры, который неминуемо открылся бы при апеллировании палестинцами к резолюции № 181 — той самой, которая определила и международно-правовой статус создания Израиля. Иордания же к этому документу апеллировать заведомо не стала, ибо и она нарушила его по всем статьям, заняв и аннексировав Восточный Иерусалим (который должен был быть международным городом) и Западный берег Иордана (который должен был быть частью независимого Палестинского государства).

Четвертым аргументом, повлиявшим на отказ от «палестинской опции» решения проблемы, была вера в возможность достижения соглашения, на тех или иных условиях, с королем Иордании, усилившаяся к 1969 году. Можно предположить, что одновременное ведение переговоров и с Иорданией, и с местными палестинскими лидерами создало бы «конкурентную атмосферу» и сделало бы короля Хусейна более уступчивым. Однако в реальности одновременное ведение переговоров с Амманом и заигрывание с местными палестинскими лидерами лишь раздражало короля Хусейна, видевшего в этом неискреннюю двойную игру израиль-

тян, угрожавшую его интересам, что никак не способствовало смягчению его позиции.

Наконец, пятой важной причиной отказа от «палестинской опции» было нежелание многих израильских политиков того периода, в том числе Голды Меир, сменившей Леви Эшколя после его безвременной кончины в 1969 году, признать существование палестинского народа как такового. Соответственно при таком подходе странно было бы рассчитывать на начало активных переговоров по созданию Палестинского государства.

Эти причины — отсутствие местных лидеров, способных достичь политического соглашения; опасение, что палестинские лидеры предъявят требования не только полного отступления к довоенным границам, но и возвращения всех территорий, на которых Палестинское государство должно было быть создано согласно резолюции ГА ООН от 1947 года; вера в возможность достижения соглашения с королем Иордании; и, главное, отказ признать существование палестинцев как отдельного народа — свели на нет возможность реализации «палестинской опции».

«*Иорданская опция*». Иорданский вариант решения проблемы будущего Западного берега рассматривался многими как предпочтительный, причем чем больше времени проходило после окончания боевых действий, тем большее число израильских государственных деятелей склонялись в пользу сепаратного двустороннего иордано-израильского урегулирования. Идеи о необходимости решения проблемы в рамках контактов с королем Хусейном и о возможной интеграции Западного берега в единую израильско-иорданскую конфедерацию фигурировали как в предложениях «четырехсторонней комиссии» во главе с Я. Герцогом, так и в более позднем варианте «плана Алона».

Израильские руководители не без оснований полагали, что принципиальной разницы между населением Восточного берега (т.е. жителями суверенной территории Иордании) и Западного берега (оказавшимися в июне 1967 года под израильским контролем) не было. Независимого политического статуса Западный берег никогда не имел, последовательно будучи частью Османской империи, территории британского мандата и Иордании. Кроме того, в отличие от бывшего обособленным и неаннексированным придатком Египта сектора Газы, Западный берег до 1967 года был интегрирован в политическую и хозяйственную системы Иордании, а значительное большинство местных жителей имели иорданское гражданство. Хотя на Западном берегу на всем протяжении иорданского правления сохранялись очаги сопротивления Хашимитской династии, в целом иорданские власти сумели утвердить свой контроль в этом регионе[92], несмотря на то что с точки зрения международного права эти земли предназначались под создание отдельного государства палестинских арабов.

Однако и «иорданская опция» не была реализована, несмотря на надежды, на нее возлагавшиеся. Представляется, что причиной провала иорданского варианта стал ряд серьезных ошибок, сделанных израильским руководством в оценке международной ситуации на Ближнем Востоке и собственно иорданских интересов.

Во-первых, после того как в ходе Хартумского саммита ЛАГ, прошедшего с 28 августа по 1 сентября 1967 года, была выработана согласованная позиция всех арабских государств, стала ясна иллюзорность надежд на возможность открытого диалога короля Хусейна с Израилем. Король Хусейн не мог позволить себе выглядеть предателем интересов всего арабского мира.

Еще одно заблуждение израильских руководителей состояло в том, что они пребывали в «послевоенной эйфории», считая, что арабские страны, испытавшие сильнейший шок от разгрома в войне, примут любые условия, какие бы Израиль ни предложил, а если нет — так тем хуже для них, ибо напасть на Израиль они более, как казалось, не решатся никогда. Нападение в октябре 1973 года разрушило эту доктрину до основания[93], но до этого было еще шесть лет. «Послевоенная эйфория» 1967 года оказалась обманчивой и не позволила трезво оценить положение. Израильские руководители сформулировали достаточно жесткие условия, согласно которым Шестидневная война и ее итоги якобы полностью изменили правила ближневосточной политической игры, и теперь речь могла идти только о полномасштабном арабо-израильском урегулировании. При этом израильские руководители ни разу не объявили о своем согласии вернуться к границам, существовавшим по состоянию на 4 июня 1967 года. То еесть от арабских руководителей требовалось согласие на признание Израиля и на подписание полноценных мирных договоров с ним на условиях, предусматривавших сохранение Израилем контроля над частью занятых территорий (в частности, Восточного Иерусалима, окрестностей столицы, района Гуш-Эцион, Иорданской долины и сектора Газы).

Следующим стратегическим просчетом израильского руководства, уже на иорданском направлении, была идея о том, что король Хусейн рано или поздно согласится на «урезанный» Западный берег. Игаль Алон, разрабатывая свой план, исходил именно из этой предпосылки. По сути, усовершенствованный «план Алона» представлял собой модель раздела Западного берега между Израилем и Иорданией, причем Иордании не доставалось, вероятно, самое важ-

ное — Восточный Иерусалим, включая Старый город и расположенные в нем святыни. Для короля же Хусейна возвращение контроля над Старым городом, где в 1951 году был убит его дед, имело принципиальное значение. Это в свою очередь было неприемлемо для Израиля.

Можно предположить, что в израильском руководстве были те, кто понимал нереальность достижения договоренности с Иорданией на предлагаемых Израилем условиях. Желая на самом деле сохранить все территории Западного берега (по идеологическим ли, по религиозным или по военным соображениям), они придерживались «иорданского» варианта, служившего удобным прикрытием. «Речь шла о прочном, длительном мире — о мире, гарантированном мирным договором, а не о серии временных перемирий [прозрачный намек на Родосские соглашения 1949 года], о мире, в основе которого лежали бы признанные и безопасные границы, о мире, который дал бы наконец Израилю время и возможность спокойно развиваться, стать маяком Ближнего Востока, отбросить меч, чтобы обеими руками взяться за плуг, — мечтал Игаль Алон. — Арабы отказались от прямых переговоров о мире, и мечта, которая блеснула было сразу после окончания войны, вновь погасла. ЦАХАЛ остался на новых линиях прекращения огня … и стал ждать постоянного соглашения». «Так он и ждет соглашения по сей день», — без особой скорби суммировал И. Алон в своей изданной в 1970 году книге, полагая, что новые границы «дали Израилю большую, чем когда-либо, безопасность»[94]. В таких обстоятельствах, казалось, повода спешить особо и не было.

Статус-кво. Таким образом, все варианты решения проблемы будущего Западного берега и сектора Газы последовательно оказывались невыполнимыми: и аннексия, и создание Палестинского государства, и возвращение Западно-

го берега Иордании (а Синая и Голанских высот — Египту и Сирии соответственно) — все эти варианты оказались в тот момент, в тех политических и международных реалиях нереализуемыми.

Нереализуемость эта складывалась как из причин, диктовавшихся международной обстановкой и тенденциями, складывавшимися в арабском мире, и не зависевших от израильского руководства, так и из причин внутриизраильских, как то хрупкость правительства национального единства Л. Эшколя или эйфория от удивительной победы, мешавшая трезво оценить ситуацию. Если, как чувствовал отнюдь не только Яаков Герцог, «победой в Шестидневной войне [Израиль] … одарил сам Господь», то и причин торопиться не было.

В результате сложилась ситуация, при которой единственным вариантом, доступным Израилю, было поддержание некоего статус-кво. То есть территории и не аннексировались, как Восточный Иерусалим, но и не отдавались ни одной из арабских стран или палестинцам; при этом на них сохранялось израильское военное присутствие. Такое решение не улучшало положение, но, как казалось на протяжении многих лет, и не ухудшало его.

Переговоры о создании муниципальной автономии

Идея начать какие-то переговоры с местной палестинской элитой родилась после того, как военная разведка представила доклады о настроениях и общественном мнении на Западном берегу. В этих докладах указывалось, что местная элита видит возможности для заключения соглашения

с Израилем. Леви Эшколь создал комиссию, которая должна была оценить перспективы ведения подобных переговоров. 27 ноября 1967 года премьер-министр поручил дипломату Моше Сассону координировать переговоры с палестинцами Западного берега; в рамках этой миссии М. Сассон провел более двухсот встреч[95]. Была сформирована и правительственная комиссия по данному вопросу, в которую вошли Л. Эшколь, М. Даян, А. Эвен и Э. Сассон (и в которую, отметим, не вошел И. Алон).

Сами переговоры о создании муниципальной автономии можно условно разделить на три основных этапа: неофициальный этап, этап переговоров с представителями палестинских старейшин города Шхема и этап переговоров с представителями палестинских лидеров из города Хеврона.

Неформальные переговоры вели «дипломаты в погонах», офицеры военной разведки и «Моссада» Дан Бавли, Давид Кимхи и другие. Как указывалось выше, они были одними из самых активных сторонников мирного урегулирования с палестинскими арабами. В секретном меморандуме, поданном ими генералу Хаиму Герцогу, в то время военному губернатору Западного берега, 18 июня, т.е. спустя чуть более недели после окончания боевых действий, лейтенант Д. Бавли и капитан Д. Кимхи — двое из соавторов проанализированного выше меморандума группы офицеров военной разведки от 14 июня 1967 года — перечислили имена двадцати девяти арабских общественных деятелей (десяти из Шхема, пятерых из Рамаллы, одного из Бейт-Лехема, двоих из Хеврона, семерых из Восточного Иерусалима, двоих из Туль-Карма, одного — из деревни Анбата и одного — из Иерихона), с которыми они уже встретились и завязали контакты![96] Наибольшим доверием в их глазах пользовался юрист из Рамаллы Азиз Шхаде (1912–1986), представляв-

ший палестинских беженцев на Лозаннской мирной конференции 1949 года[97], который еще 11 июня 1967 года подал Д. Бавли и Д. Кимхи предложения, касавшиеся создания Палестинского государства, живущего в мире и бок о бок с Израилем. Эти предложения Д. Бавли и Д. Кимхи передали на рассмотрение генерала армии в отставке Цви Цура, в то время помощника министра обороны М. Даяна, и помощника главы оперативного отдела Генерального штаба генерала Рехаваама Зеэви. Д. Бавли и Д. Кимхи продолжали регулярные встречи с А. Шхаде и десятками других палестинских старейшин и общественных деятелей, которых он рекомендовал. А. Шхаде, который очень плохо относился к представителям Хашимитской династии, надеялся максимально быстро договориться с израильскими руководителями о продвижении к Палестинскому государству. Однако те израильские представители, которые с ним встречались (прежде всего Д. Кимхи и Д. Бавли), не имели реальных полномочий, те же, кто такие полномочия имел, либо не видели причин куда-либо спешить (как, например, Моше Даян), либо были сторонниками постепенного движения в направлении урегулирования с Иорданией (к ним относились, в частности, братья Хаим и Яаков Герцоги). Долгое время контакты с палестинскими представителями вели явно не самые влиятельные израильские офицеры. 16 апреля двое представителей палестинцев — вышеупомянутый Азиз Шхаде и мэр города Шхема Хамди Кнаан — встретились с министром обороны М. Даяном.

На этой встрече представители палестинской стороны ставили своей целью выяснить в общих чертах намерения израильского руководства и его отношение к возможному мирному урегулированию. Хотя М. Даян и не был официально уполномочен единолично представлять позицию Из-

раиля в этих вопросах, о чем его палестинские собеседники были предупреждены, он изложил им ряд своих соображений, которые в той или иной степени отражали мнение израильского руководства в целом[98]. Следует сказать, что М. Даян довольно быстро утвердился в качестве наиболее влиятельного должностного лица, де-факто определяющего политику Израиля на контролируемых территориях.

В ходе этой беседы М. Даян прямо спросил своих собеседников, готовы ли палестинцы к сепаратным переговорам с Израилем даже при условии сопротивления арабских стран и готовы ли они на тех или иных условиях подписать договор о прекращении конфликта. При этом министр обороны указал, что Израиль со своей стороны должен будет заручиться согласием США. М. Даян подчеркнул важность Западного берега как территории, где находятся многие религиозные святыни иудаизма, к которым евреям должен быть обеспечен свободный и безопасный доступ. Им была подчеркнута и важность решения проблемы палестинских беженцев; при этом он отметил, что о возвращении беженцев и их потомков на территорию Израиля речь идти не может. Министр обороны обозначил и весьма жесткую позицию по вопросу о столице, прямо заявив, что ни на какие уступки в вопросе о Иерусалиме Израиль не пойдет ни при каких условиях. М. Даян также потребовал корректировки пограничных линий, указав, что Израиль не согласится вернуться к тем границам, которые позволяли вести артиллерийский обстрел Тель-Авива или Иерусалима.

В этом ответе палестинцев более всего не устроила жесткость Израиля в вопросе о Иерусалиме, а также возможность серьезных корректировок границ (которая вытекала из заявления М. Даяна о том, что Израиль не допустит самой возможности обстрелов своих крупнейших городов).

Через три дня, 19 апреля, Израиль получил ответ на позицию, высказанную М. Даяном. Тезисы палестинцев были следующими. Выражалась готовность начать сепаратные переговоры и в итоге подписать мирное соглашение даже при условии, что арабские страны будут против этого. Проблема палестинских беженцев признавалась в высшей степени важной, но никаких конкретных путей ее решения не предлагалось. Никаких возражений против американского участия и координации действий с США палестинцы также не высказали. Соглашаясь на корректировки границ, палестинцы отвергали идею единоличного израильского правления в столице, настаивая на том, что Иерусалим должен стать открытым городом с двойным суверенитетом[99].

Кроме того, перед израильским руководством ставился ряд вопросов, среди которых были вопросы о будущем сектора Газы и о выходе к морю. Азиз Шхаде также включил в этот список вопрос об отношении Израиля к возможности создания палестино-иорданской федерации. 21 апреля 1968 года документ с изложением палестинской позиции был передан Леви Эшколю.

С этого момента можно говорить о начале официальной фазы переговоров, так как в них, непосредственно или через Моше Сассона, включился сам премьер-министр. 24 апреля 1968 года состоялась первая встреча Л. Эшколя с представителем палестинцев — пользовавшимся большим уважением среди палестинских арабов иерусалимским судьей Таясиром Канааном[100]. На этой встрече Л. Эшколь заявил, что «мы, как победившая в войне сторона, будем занимать ту позицию, которая нам удобна», и на данный момент «мы готовы рассмотреть предоставление вам некой формы автономии на Западном берегу». Не уточняя, какая это будет автономия, премьер-министр все же попросил палестинцев определить-

ся, какой вариант они предпочитают: предложенную им автономию или же восстановление их связей с Иорданией. От предложений, которые содержались в меморандуме офицеров военной разведки, поданном 14 июня 1968 года, и о которых многие палестинские общественные деятели были косвенно осведомлены, не оставалось и следа.

Следующей встречей, которую провел Л. Эшколь, была встреча с бывшим иорданским губернатором Иерусалима Анваром аль-Хатибом (в 1948–1950 гг.). Аль-Хатиб полагал, что прямые израильско-палестинские переговоры могут начаться только в том случае, если не будет никакого шанса сдвинуть с мертвой точки переговоры с Иорданией и Египтом. Более того, он считал, что раз король Хусейн не может вести прямых переговоров с Израилем, он мог бы делать это опосредованно, через поддерживавших его палестинских лидеров, проживавших на Западном берегу. Предложив такой вариант ведения переговоров, А. аль-Хатиб взял тайм-аут (фактически для консультаций с королем Хусейном) и стал ждать ответа Л. Эшколя.

8 мая полковник Д. Фархи подал правительству доклад, в котором указывалось, что отсутствие какого-либо ответа со стороны израильского руководства как на предложения Аль-Хатиба, так и на предложения Таясира Канаана было воспринято ими как нежелание Израиля вести дальнейшие переговоры и его незаинтересованность в предложенных инициативах.

20 июня 1968 года М. Сассон подготовил аналитическую записку, появление которой можно назвать началом второго этапа переговоров[101]. В этом документе указывалось, что иорданский вариант по-прежнему нереализуем, так как король Хусейн не будет согласен ни на что иное, кроме полного возвращения Западного берега в состав Иордании. Ис-

ходя из этого, М. Сассон предлагал пересмотреть израильскую политику по отношению к местным палестинским лидерам, изменив приоритеты в контактах с ними. Предлагалось три потенциальных направления переговоров: с мэром города Хеврона, с палестинскими лидерами из Вифлеема или же переговоры по компромиссному варианту, согласованному уважаемыми общественными деятелями и старейшинами Хеврона и Вифлеема.

Мухаммад аль-Джабари, мэр города Хеврона, хотел стать губернатором всего Западного берега, причем полномочия ему должны были быть предоставлены особым декретом военной администрации. Он выражал согласие на то, что антитеррористическая деятельность оставалась бы прерогативой Армии обороны Израиля, но требовал передачи под свой контроль местной полиции.

Палестинские лидеры из города Вифлеема выдвигали альтернативное предложение. Поскольку города Рамалла, Вифлеем и Иерихон были скорее связаны с Иерусалимом, чем с Хевроном, и поскольку значительная часть христианского населения в них не хотела находиться под управлением мусульманина М. аль-Джабари, предлагалось создать не одну административную единицу, а несколько. Собственно, начать создание автономий они предлагали именно в этих трех городах.

Наконец, третье направление, о котором говорил М. Сассон, представляло собой компромиссное предложение, согласованное между М. аль-Джабари (который, по всей видимости, понимал неприемлемость своих амбиций для палестинских элит других городов) и старейшинами из города Вифлеема. Согласно этому предложению, предлагалось создать три отдельных автономных района в южной части Западного берега — в Хевроне, Вифлееме и Иерихоне. Факти-

чески этот вариант означал создание на Западном берегу муниципальных автономных районов, не объединенных с политической точки зрения в одно административное целое. Такой вид автономии не предусматривал ни наличия единого руководства, ни территориальной целостности; каждый округ должен был управляться самостоятельно на основе принципов, определенных военной администрацией непосредственно для него, обособленно от остальных округов.

В начале июля М. Даян собрал совещание в Генеральном штабе, на котором высказал свое мнение относительно реализации обсуждавшихся реформ[102]. Он указал на чрезвычайную важность того, чтобы муниципальная реформа выглядела как фактическое окончание военной оккупации. Кроме того, он считал нецелесообразным создание слишком большого количества муниципальных автономий. М. Даян особо отметил, что успех реализации реформы в большой степени зависит от Иордании, которая способна сорвать ее. Наконец, важный тезис, озвученный им на совещании, касался формирования общественного мнения. Реформа должна была начаться как ответный шаг со стороны Израиля на соответствующую просьбу со стороны местного населения, причем просьба эта должна была исходить от общественных деятелей нескольких палестинских городов. При таком раскладе создаваемые муниципальные автономии не выглядели бы навязанными извне.

Свое принципиальное согласие на реализацию компромиссного варианта Леви Эшколь дал 12 июля 1968 года, поручив М. Сассону, совместно с М. аль-Джабари и военной администрацией, разработать детальный проект реформы, готовый для обсуждения и утверждения правительством[103]. Менее чем через две недели, 23 июля, Л. Эшколь получил через М. Сассона письмо М. аль-Джабари, в котором тот офи-

циально изложил, как того требовал М. Даян, свою просьбу к правительству Израиля о введении на Западном берегу муниципальных автономий. «...Мы, жители Хеврона, просим вас о том, чтобы в рамках военной администрации была создана гражданская администрация во главе с местным губернатором. Полномочия в сфере местного самоуправления будут переданы от военной администрации губернатору, без изменения правового статуса этих территорий. ... Мы полагаем, что местные жители выиграют от этого шага», — писал М. аль-Джабари[104].

Изложенная просьба содержала два важнейших тезиса, ориентированных скорее не на Израиль, а на палестинцев и на арабский мир. Первый тезис состоял в том, что внедрение муниципальных автономий принесет пользу жителям Западного берега, и был призван сделать этот план привлекательным в глазах местного населения. В рамках второго тезиса подчеркивалось, что создание муниципальных округов с передачей многих административных функций от израильской военной администрации к местному губернатору не приведет к формально-юридическому изменению статуса военной оккупации этих территорий. Таким образом, М. аль-Джабари пытался заверить арабские страны, что муниципальная реформа — это не сепаратный мир с Израилем, заключаемый за спиной тех или иных арабских стран и за их счет.

В конце июля 1968 года М. Сассон проинформировал премьер-министра о том, что, по всей видимости, Иордания узнала о ведущихся переговорах и собирается предпринять шаги по их срыву. Леви Эшколь собирался обсудить эту информацию на заседании кабинета, которое должно было состояться 28 июля. Однако еще до заседания правительства пришло известие о кардинальном изменении по-

зиции М. аль-Джабари. Совершенно неожиданно он вновь выдвинул требование быть назначенным губернатором не Хевронского округа, а всего Западного берега. Израильтянам было известно, что такое предложение не будет принято палестинскими общественными деятелями из других городов и что фактически речь идет об отказе от всех достигнутых договоренностей. Таким образом, переговоры о муниципальной реформе, по крайней мере на тот момент, зашли в тупик.

Можно с уверенностью сказать, что есть прямая связь между предупреждениями М. Сассона о том, что Иордания узнала о ведущихся переговорах, и внезапным решением мэра Хеврона. Именно власти Иордании, угрожая местным палестинским лидерам, и М. аль-Джабари в частности, заставили его фактически отказаться от уже достигнутых договоренностей. В своем выступлении по радио тогдашний премьер-министр Иордании Баджат ат-Тальхуни (1913–1994) резко осудил «всех, кто пытается заключить с врагом сепаратные соглашения»[105].

Хотя реализация реформы была фактически заморожена, мэр города Шхема Хамди Кнаан решил вновь выступить с собственной инициативой. Его предложения строились уже не на идее муниципальных округов, а на принципе «отступление с территорий в обмен на мир, плюс полная демилитаризация Западного берега». Он обратился к палестинским лидерам за поддержкой его инициативы. Х. Канаан был готов лично отправиться на переговоры в Амман и Каир и убедить короля Хусейна и президента Г.А. Насера принять такой вариант решения проблемы. Однако местная элита не поддержала этот план как из страха перед королем Хусейном, так и из-за личной вражды с Хамди Кнааном.

Вот что вспоминал о тех событиях тридцать с лишним лет спустя Моше Сассон: «На определенном этапе контактов (в мае 1968 года) израильские и палестинские лидеры были очень близки к достижению частичного соглашения. Речь шла о создании палестинского гражданского самоуправления (другими словами, о гражданской автономии), которое будет учреждено (в качестве первого этапа) в Хевронском округе. В случае успеха гражданская автономия должна была распространиться и на другие округа.

На должность главы «арабского гражданского самоуправления» предполагалось назначить Мухаммеда Али аль-Джабари, в то время главу хевронского муниципалитета. В результате переговоров между ним и израильским правительством был сформулирован текст, утвержденный главой правительства, министром юстиции, министром обороны, министром иностранных дел и министром полиции. Л. Эшколь направил меня к лидеру блока «Херут» Менахему Бегину, чтобы представить ему этот план перед тем, как он будет передан на обсуждение правительственного кабинета по вопросам безопасности. М. Бегин не отверг это предложение, но попросил время на более детальное обдумывание. Через несколько дней после беседы с М. Бегином, 12 июля 1968 года, глава правительства собрал заседание узкого кабинета министров, посвященное этому вопросу. На этом заседании Моше Даян заявил, что до тех пор, пока мы не достигнем между собой окончательного согласия, мы не должны вести переговоры с Джабари о его полномочиях как «гражданского губернатора». «Я не хочу продавать ему кота в мешке», — сказал М. Даян. Глава правительства, а также министры А. Эвен и Э. Сассон присоединились к позиции М. Даяна. Я обратил внимание членов правительства на то, что любая отсрочка может привести к тому, что

сведения о готовящемся соглашении попадут в средства массовой информации, и сказал: «Ведь все мы знаем, что многие арабские руководители — и на Западном берегу, и в Иордании — будут всеми силами сопротивляться заключению подобного соглашения и сделают все, чтобы его провалить. Поэтому в данном случае главным является фактор времени. Только чудо предотвратило просачивание сведений о переговорах, ведущихся нами в течение последних трех месяцев». Л. Эшколь проявил понимание опасности «фактора времени» и поручил мне и полковнику Ш. Газиту составить проект списка полномочий, которые будут даны М. аль-Джабари и его администрации, — для его последующего обсуждения с самим М. аль-Джабари. Однако не прошло и двух недель, как по иорданскому радио было передано специальное сообщение главы правительства Баджата ат-Тальхуни, в котором говорилось, что Иордания уверена, что планы и шаги сионистского врага противоречат международному праву и что эти планы не найдут отклика в душе иорданских граждан, проживающих на Западном берегу реки Иордан. В сообщении также говорилось, что любой, кто согласится сотрудничать с сионистским империалистическим планом, будет в глазах Иордании предателем. Я направил в Амман известного деятеля с Западного берега, чтобы выяснить, кто стоял за данным сообщением и каковы его мотивы. Вернувшись, этот человек проинформировал меня, что сообщение передано по личному указанию короля Хусейна. «Король был уверен, что создание гражданской автономии будет первым шагом на пути к созданию Палестинского государства и, таким образом, настанет конец надежде когда-нибудь возвратить Западный берег, которую он столько времени лелеял», — сказал мой посланец. Этот факт заслуживает упоминания: именно ко-

роль Хусейн занес меч над планом палестинской гражданской автономии на Западном берегу и в Газе.

Спустя месяц после этого я по собственной инициативе встретился с Валидом аль-Шахой из Шхема (этот человек придерживался антииорданских взглядов). Во время нашей беседы Валид аль-Шаха отметил, что решение данной проблемы не может прийти из Иордании или Египта: на данный момент Иордания не смеет, а Египет не способен решить эту проблему. Он добавил: «Мы хотим создания Палестинского государства и мирного соглашения с Израилем. Я готов сформировать делегацию из жителей сектора Газы и Западного берега реки Иордан для ведения переговоров с Израилем». В. аль-Шаха просил меня приложить все усилия и убедить главу правительства Л. Эшколя дать положительный ответ. Л. Эшколь не только немедленно согласился, но и очень обрадовался поступившему предложению. Он захотел посмотреть список членов делегации и попросил меня объяснить В. аль-Шахе, что желательно включить в делегацию «представителей различных областей, а не только Шхема». В. аль-Шаха пообещал предоставить список в течение нескольких дней. Неделю спустя он вернулся без списка и сказал, что хотел бы «съездить за границу и посоветоваться с друзьями перед тем, как передать список Израилю». Л. Эшколь поинтересовался моим мнением относительно заграничной поездки В. аль-Шахи. Я ответил, что опасаюсь, что В. аль-Шаха вернется с абсолютным вето на его план, наложенным палестинцами, живущими за рубежом. Я считал, что, если Л. Эшколь желает удачно провести этот маневр, нельзя разрешать поездку В. аль-Шахи. Л. Эшколь ответил в своем обычном стиле: «Моше, я знаю, что ты разбираешься в арабах, но я считаю, что В. аль-Шаха разбирается в арабах лучше. Пусть он съездит. Если он хочет посове-

товаться с друзьями, со свекровью, с тещей — это его дело. Пускай советуется с кем хочет и возвращается».

Однако мои опасения сбылись. Это было время гегемонии Г.А. Насера, и палестинцы, жившие за границей, проводили политику «все или ничего». Местные лидеры, как выяснилось, были разрознены и не имели общей позиции по этому вопросу. У каждого из них были собственные расчеты и интересы. Большинство из них не были готовы вести за собой остальных по пути сепаратного соглашения с Израилем. К этому была готова только маленькая горстка лидеров во главе с Мухаммедом Али аль-Джабари (самым дальновидным и смелым лидером, который в то время жил на Западном берегу реки Иордан), а также Азиз Шхаде, Валид аль-Шаха и Хамди Кнаан. В результате вето, наложенного зарубежными палестинскими лидерами, план был надолго отложен, и шансы на его осуществление были потеряны»[106].

Если летом 1968 года переговоры о муниципальной форме были заморожены по причине давления иорданских властей на палестинцев, то в начале 1969 года резко изменилась ситуация уже в Израиле. 26 февраля 1969 года скончался премьер-министр Леви Эшколь, на смену которому пришла Голда Меир.

В апреле 1969 года М. аль-Джабари обратился к Израилю с новым предложением[107]. Ясно осознавая, что из-за угроз со стороны ООП, которую к тому времени уже возглавил Я. Арафат, и Иордании местное население и местная элита самостоятельно и добровольно не пойдут на сотрудничество с еврейским государством, он предложил, чтобы инициатива исходила именно от Израиля. М. аль-Джабари предлагал декретом военной администрации передать большую часть управленческих функций главам округов (причем административные границы округов, проведенные еще

в период иорданского правления, должны были сохраняться), соглашаясь на сохранение верховной власти в руках израильских органов власти. Дабы сделать это решение привлекательным в глазах палестинцев, необходимо было, по его мнению, аргументировать его стремлением улучшить жизнь местного населения.

Этот план действительно был проще в реализации, так как не требовал длительных переговоров и согласований с местной элитой, однако теперь уже израильские руководители во главе с новым премьер-министром не проявили заинтересованности в предложениях М. аль-Джабари, в связи с чем план муниципальной автономии был похоронен окончательно.

Глава III

ПОЛИТИКА КАБИНЕТОВ ГОЛДЫ МЕИР И ИЦХАКА РАБИНА: «ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩИЙ СТАТУС-КВО»

Политические, экономические и идеологические аспекты контроля над Западным берегом и сектором Газы

В 1969 году, после внезапной смерти Леви Эшколя, в Израиле сменилось правительство — на пост премьер-министра была довольно неожиданно выдвинута Голда Меир*. Не-

* Голда Меир, в 1949–1956 годах бывшая министром труда, а в 1956–1966 годах — министром иностранных дел, к моменту своего избрания на пост премьера вообще не входила в состав правительства и, хотя и занимала пост Генерального секретаря Партии труда, считала себя почти пенсионеркой. Голду попросили возглавить страну на девять месяцев. Многие были против, «я вполне понимала людей нашей страны, не уверенных, что семидесятилетняя бабушка — подходящий кандидат для того, чтобы возглавить двадцатилетнюю страну, — честно признавала она сама в мемуарах. — В мои планы никогда не входило сделаться премьер-министром… а тут я поняла, что теперь мне придется принимать решения, от которых будет зависеть жизнь миллионов людей». Она оставалась премьером пять лет, в том числе и в тяжелейшие дни войны октября 1973 года.

смотря на то что у власти по-прежнему находилась Партия труда, в израильской политике по отношению к контролируемым территориям произошли заметные изменения. Изменения эти были связаны с тем, что политические взгляды Голды Меир заметно отличались от взглядов ее предшественника Л. Эшколя, а также с тем, что ключевую роль в правительстве стал играть министр обороны Моше Даян. Генерал армии в отставке и бывший начальник Генерального штаба, М. Даян в качестве министра обороны был «получен в наследство» Голдой Меир от Леви Эшколя, однако оставался на этом посту все то время, что в кресле главы правительства оставалась Г. Меир. Они ушли вместе — спустя несколько месяцев после драматичной октябрьской войны 1973 года (Войны Судного дня), но если для Голды это и в самом деле стало концом общественной карьеры, то М. Даян еще вернулся к власти в 1977 году, приняв неожиданное предложение победившего на выборах лидера правой оппозиции М. Бегина занять пост министра иностранных дел в его правительстве. На протяжении многих лет именно М. Даян играл определяющую роль в выработке израильской политики на занятых в 1967 году территориях: тогдашнего начальника Генерального штаба И. Рабина М. Даян практически полностью отстранил от принятия решений в этой сфере[108], а сменившие И. Рабина Хаим Бар-Лев, Давид Элазар и Мота Гур, работавшие под началом М. Даяна до его отставки с поста министра обороны в начале июня 1974 года, уже приняли сложившееся разделение полномочий как должное. Непримиримый М. Даян, склонный к силовому решению возникавших проблем, имел мало точек соприкосновения с умеренным прагматиком Л. Эшколем, однако с Голдой их тандем был намного более удачным.

Политический аспект. Позиция нового израильского правительства относительно контролируемых территорий формировалась преимущественно под влиянием взглядов премьер-министра Голды Меир и министра обороны Моше Даяна. Политическая линия Голды Меир в отношении контролируемых территорий отличалась от позиции Леви Эшколя. Если сразу после Шестидневной войны правительство Л. Эшколя обратилось к арабским странам с предложением заключить мир в обмен на израильское отступление с большей части занятых территорий (о чем подробно говорилось выше), то Голда Меир считала, что Западный берег и сектор Газы ни Иордании, ни Египту не принадлежат. «Прежде всего, у Хусейна нет никаких прав на Западный берег», — заявляла израильский премьер[109]. Поскольку эти территории были оккупированы Иорданией и Египтом во время войны 1948 года вопреки резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины, то никаких законных прав на эти земли у этих стран нет, считала Г. Меир. Следовательно, Израиль может удерживать их достаточно долго, ибо израильское правление является не менее легитимным, чем иорданское или египетское до 1967 года.

Эти воззрения поддержали тогда и многие израильские юристы. Утверждалось, что агрессия Иордании против Израиля в 1967 году и последующее поражение иорданских войск создали «вакуум суверенитета», который и заполнил Израиль. Говорилось также, что Израиль не занял суверенную территорию другого государства, не было никакого суверена, к которому могла вернуться территория, так как само распространение иорданского суверенитета на Западный берег произошло вопреки нормам международного права и не было признано большинством государств мира[110].

Одновременно, не желая возвращать Западный берег Иордании, поскольку, по мнению Г. Меир, у этой страны не было прав на эти земли, премьер-министр Израиля отказывала в политических правах и местным палестинским арабам. Она считала, что у палестинцев уже есть собственный «национальный очаг», имея в виду все ту же Иорданию[111]. Несмотря на свою неоднозначность, такая позиция имела право на жизнь, так как большую часть населения Иордании составляли (и составляют) именно палестинские арабы. Более того, Г. Меир скептически относилась к возможности арабо-израильского сосуществования, считая палестинцев «враждебным элементом» и не допуская при этом никакой возможности создания независимого Палестинского государства. «Независимое Палестинское государство будет служить базой антиизраильских операций», — раз за разом заявляла она[112].

Политическая позиция Моше Даяна была вполне похожей: Израиль должен удерживать эти территории до выработки и подписания соглашений с арабскими странами, но не аннексировать их, так как в этом случае Израиль столкнется с серьезными демографическими трудностями. Вместе с тем М. Даян считал, что, удерживая территории и сохраняя на них военное присутствие, Израиль должен воздерживаться от чрезмерного вмешательства во внутренние дела их жителей. «У палестинских арабов есть своя культура, религия и история, а также стремление сохранять связи с арабским миром. Мы не должны повторять ошибок колониальных стран, пытавшихся навязать завоеванным народам новый образ жизни», — говорил М. Даян. По его мнению, это привело бы к значительному росту внутренней напряженности[113].

Экономический аспект. Экономический аспект был напрямую связан с политическим. Поскольку возвращать

контролируемые территории арабским странам правительство Г. Меир не собиралось, по крайней мере в краткосрочной перспективе, но в то же время оно не собиралось и интегрировать их политически, предоставляя палестинским арабам гражданские права, то необходимо было интегрировать их экономически, дабы предотвратить возможный социальный взрыв.

Самым активным сторонником этой позиции являлся все тот же М. Даян. Ее поддерживала и Г. Меир, признавая, что Израиль обязан поставлять местному населению все необходимые услуги и способствовать экономическому развитию территорий. Иерусалимский политолог Мордехай Нисан характеризовал политику Моше Даяна как «создание новых моделей взаимоотношений, основанных на формировании единых экономической и торговой зон с возможностью свободного перемещения рабочей силы»[114]. Эти меры, по мнению министра обороны, должны были подорвать социальную базу арабских националистических (и в том числе террористических) организаций на контролируемых территориях. Иными словами, палестинские арабы, не приобретая израильского гражданства, получали право на работу в Израиле, причем предполагалось, что именно израильский рынок труда постепенно станет основным источником их существования. При этом основной валютой на контролируемых территориях становился израильский шекель, а не иорданский динар.

Свою идею экономической интеграции Израиля и контролируемых территорий М. Даян впервые изложил еще при Л. Эшколе, сформулировав ее как план действий и представив на одобрение правительства еще в конце июня 1967 года. В этом документе он изложил свои доводы. Во-первых, переход Западного берега и сектора Газы под из-

раильский контроль уже сам по себе создал новую реальность, так как граница, разделявшая эти территории и Израиль, оказалась стертой, и воссоздать ее искусственно, поставив барьеры между двумя экономическими системами, практически невозможно. Вопрос, по мнению М. Даяна, состоял не в том, следует или не следует стремиться к экономической интеграции Израиля и контролируемых территорий, а в том можно ли будет этот процесс контролировать. Во-вторых, хозяйственные системы Западного берега и сектора Газы никогда не были самостоятельны и самодостаточны, всегда являясь частью либо иорданской, либо египетской экономики; у них не было опыта отдельного, изолированного существования. В-третьих, М. Даян предостерегал, что если препятствовать свободному движению рабочей силы и капитала между контролируемыми территориями и Израилем, то рано или поздно неминуемо произойдет социальный взрыв[115].

Однако тогда, в 1967 году, М. Даян не нашел поддержки среди членов правительства. Его главным оппонентом оказался министр финансов Пинхас Сапир. Он воспринимал план М. Даяна как первый шаг к аннексии Западного берега и сектора Газы, в случае которой в числе жителей Израиля оказались бы дополнительно около миллиона палестинских арабов (в самом Израиле арабов было в то время чуть более 400 тысяч человек)[116]. Премьер-министр Л. Эшколь также не поддержал эту инициативу, во многом — из-за сложных личных отношений с министром обороны, которому он не хотел уступать пальму политического первенства.

С приходом к власти правительства Г. Меир, в котором М. Даян играл одну из ведущих ролей, его план экономической интеграции Израиля и занятых в 1967 году территорий начал реализовываться. Эта интеграция осуществля-

лась в основном по двум направлениям: во-первых, как указывалось выше, арабские рабочие с территорий получили доступ на израильский рынок труда, а во-вторых, произошло существенное увеличение торговли. Способствовал этому не только стратегический интерес Израиля не допустить усиления социального напряжения, но и экономический рост в самом Израиле, требовавший все больше рабочей силы. Если в 1968 году в Израиле работали 5800 арабов Западного берега и сектора Газы, то в 1972 — уже 52400 человек (рост более чем в девять раз за четыре года), из которых большая часть были заняты в строительстве и сельском хозяйстве[117]. Более того, уровень вовлеченности арабской рабочей в израильскую экономику заставил многих говорить, что сложилась ситуация зависимости израильского хозяйства от палестинской рабочей силы.

Вторым компонентом экономической интеграции стала торговля. Еще в августе 1967 года кнесет разрешил торговлю с Западным берегом, а в 1968 году были сняты таможенные барьеры. Израильский экспорт товаров на Западный берег и другие контролируемые территории возрос с 1968 по 1972 год более чем в три раза, превысив весь израильский экспорт в Африку[118].

Идеологический аспект. Политики самых разных взглядов, как правые и религиозные, так и левые, использовали идеологические мотивы для подкрепления права Израиля контролировать Западный берег. Подчеркивалась историческая связь еврейского народа с Иудеей и Самарией, а также наличие на Западном берегу святых мест иудаизма. В частности, особую важность имел контроль над вторым по святости городом после Иерусалима — Хевроном.

Хотя Г. Меир также признавала значимость Хеврона и важность контроля над этим городом, основным выразите-

лем идеологии «неделимой Эрец-Исраэль» был лидер правой оппозиции Менахем Бегин. «Исторически и географически это единая земля. В 1967 году исчезла искусственно разделявшая ее линия, которая никогда не вернется», — декларировал М. Бегин[119], входивший, кстати, в 1967–1970 годах в состав правительства. Если при лейбористских правительствах Л. Эшколя, Г. Меир и И. Рабина фактор идеологии не играл решающей роли в определении политики по отношению к контролируемым территориям, то с приходом в 1977 году к власти партии «Ликуд» именно идеологические мотивы во многом определят поворот в политике израильского руководства.

Израильское общественное мнение о статусе контролируемых территорий в 1967–1976 годах

На протяжении всего рассматриваемого периода в своем стремлении поддерживать неопределенно долгое время статус-кво на контролируемых территориях политическая элита находила поддержку у населения Израиля. Хотя определенные изменения в общественном мнении происходили, как это будет показано ниже, в целом можно говорить об общественной поддержке правительственной политики по удержанию территорий. Проведенные в 1967–1972 годах опросы показали, что за исключением Синайского полуострова (да и то с территориальными корректировками), большинство израильтян выступали против ухода с занятых в ходе Шестидневной войны территорий.

Число респондентов (среди граждан Израиля), поддерживавших, согласно данным социологических опросов, израильский контроль над той или иной территорией, в процентах

Территория	Июнь 1967	Декабрь 1968	Март 1969	Апрель 1971	Ноябрь 1972
Западный берег	81	73	75	56	58
Сектор Газы	72	73	75	70	66
Синай	33	46	52	31	37
Голанские высоты	–	94	97	92	93
Район Шарм аш-Шейха (на юге Синайского полуострова)	82	82	87	91	96

Единственный известный социологический опрос относительно будущего Иерусалима был проведен в июне 1968 года; согласно полученным результатам, 98% респондентов высказались за объединение города под израильским суверенитетом[120].

Существенный спад общественной поддержки, зафиксированный в опросе, проведенном в апреле 1971 года, объясняется снижением напряженности на израильско-египетской границе (после прекращения Войны на истощение) и жесткими действиями иорданских властей по отношению к ООП. Однако несмотря на это план Роджерса (в котором, собственно, и предлагалась навязшая с тех пор в зубах формула «мир в обмен на территории») поддерживало лишь 10% населения Израиля; не поддержало его и правительство Голды Меир.

Кроме собственно контроля над территориями, общественный консенсус наблюдался и в вопросе поселенческой деятельности. Соответствующий опрос был проведен в августе 1974 года. 62% респондентов поддержали создание Израилем поселений в Самарии, 65% — в Иудее, 69% — на приближенном к Израилю севере Синайского полуострова, 75% — в Иорданской долине и 83% — на Голанских высотах[121]. Развитие еврейской поселенческой деятельности на занятых в ходе Шестидневной войны территориях даже если и велось в то время относительно скромными темпами, опиралось на широкую общественную поддержку среди населения страны.

После Войны Судного дня (октябрь 1973 года) социологические опросы зафиксировали значительное изменение общественного мнения[122]. Наиболее ярко это проявилось в позиции населения относительно Синайского полуострова: если в марте 1969 года сохранение контроля над ним поддерживало 52% населения, то в ноябре 1973 года — только 20%.

Опрос, данные которого приводятся ниже, зафиксировал важную тенденцию формирования дифференцированного отношения к разным территориям, занятым Израилем в ходе Шестидневной войны, и их будущему политическому статусу. Задолго до визита А. Садата в Иерусалим и подписания в Кемп-Дэвиде мирного договора между Израилем и Египтом, в рамках которого Синайский полуостров был в три этапа возвращен Египту, подавляющее большинство израильтян (80%) были готовы к подобному развитию событий. Вместе с тем израильтяне рассчитывали на будущую корректировку пограничной линии: 86% респондентов надеялись, что район Шарм аш-Шейха останется под израильским контролем, что отразилось и в знаменитой фразе Моше Даяна, сказанной им в 1969 году: «Предпочтительнее

Шарм аш-Шейх без мирного соглашения, чем мирное соглашение без Шарм аш-Шейха».

Число респондентов, поддерживающих сохранение израильского контроля над той или иной территорией в ноябре 1973 года, в процентах

Западный берег	43
Сектор Газы	52
Синай	20
Голанские высоты	80
Район Шарм аш-Шейха (на юге Синайского полуострова)	86

Спустя десять лет Моше Даян в качестве министра иностранных дел в правительстве М. Бегина сыграл важную роль в выработке соглашения, в рамках которого весь Синайский полуостров, включая район Шарм аш-Шейха, передавался под контроль Египта. В израильской делегации А. Садат предпочитал вести контакты с тогдашним министром обороны Э. Вейцманом, а не с М. Даяном[123], однако вклад министра иностранных дел в заключение первого арабо-израильского мирного договора невозможно игнорировать. Историки и политологи, описывающие процесс переговоров в Кемп-Дэвиде, раз за разом отмечают, какой огромный путь прошел Менахем Бегин, десять лет резко выступавший против уступок на Синае — и вернувший полуостров египтянам целиком. Путь, который прошел Моше Даян, был ненамного короче. Его биограф отмечает, что он даже в ходе переговоров надеялся сохранить за Израилем часть Синайского полуострова, включая контроль над Тиранским проливом, что гарантировало бы свободу израильского судоходства в Крас-

ном море[124]. (Не следует забывать, что закрытие египтянами Тиранского пролива для израильского судоходства стало важнейшим фактором, предопределившим начало Шестидневной войны.) Более того, уже после начала израильско-египетских переговоров М. Даян лоббировал создание новых поселений, причем не только на Западном берегу, но и на юге Синайского полуострова[125]. В итоге, однако, Израиль вывел свои силы со всей территории Синая, включая разрушение всех созданных там еврейских поселений.

Возвращаясь к данным опроса, проведенного вскоре после Войны Судного дня, отметим, что четыре пятых респондентов выступали за сохранение израильского контроля над Голанскими высотами, то есть против их возвращения Сирии. Создание на Голанских высотах еврейских поселений, в том числе ставшего впоследствии городом Кацрина (это решение было принято правительством Голды Меир в 1973 году, реализовано оно было во второй половине 1970-х годов), опиралось на широкую общественную поддержку.

Муниципальные выборы 1972 и 1976 годов

С момента перехода территорий под израильский контроль в июне 1967 года новые власти стремились провести выборы местных органов управления. Существовавшие на Западном берегу местные советы и их руководители (мэры) были избраны еще при иорданском правлении, в 1963 году, когда состоялись последние довоенные выборы. В течение четырех лет израильское руководство опасалось проводить на Западном берегу новые выборы, предполагая, что они приведут к росту нестабильности и напряженности. Кроме того, израильские власти испытывали серьезные сомнения

относительно лояльности мэров, которые могли быть избраны. Однако в начале 1970-х годов к идее проведения выборов вернулись снова.

Выборы 1972 года. Отправной точкой в организации на Западном берегу новых выборов стала электоральная кампания в кнесет седьмого созыва*. Арабскому населению восточных районов Иерусалима было дано право участвовать в них. По итогам парламентских выборов, в которых приняли участие около семи тысяч иерусалимских арабов, был снова поднят вопрос о возможности проведения муниципальных выборов на Западном берегу и в секторе Газы.

В начале 1970 года в Министерство обороны был представлен доклад, подготовленный военной администрацией, в котором рекомендовалось проведение выборов на Западном берегу и не рекомендовалось — в секторе Газы[126]. Небезосновательные опасения относительно возможных проблем в секторе Газы основывались на отсутствии традиции проведения выборов в этом районе. (За девятнадцать лет своего правления египетские власти ни разу не проводили в Газе каких-либо электоральных кампаний.) Выборы же на Западном берегу вполне могли быть проведены и в случае успеха служили бы показателем нормализации положения и успешной деятельности военной администрации. Новоизбранные местные советы и мэры получили бы необходи-

* Выборы в кнесет седьмого созыва состоялись 28 октября 1969 года. Перед этими выборами впервые был создан единый блок социал-демократических партий, включивший в себя МАПАЙ, «Ахдут ха'авода» и МАПАМ. Этот блок и добился беспрецедентной победы на выборах — 56 (из 120) мест в парламенте (этот рекордный показатель не был превышен когда-либо в Израиле ни до, ни после 1969 года).

мую легитимацию и могли бы более успешно сотрудничать с Израилем. Вместе с тем противодействие выборам со стороны иорданских властей могло сорвать их проведение, подобно тому как такое противодействие сорвало переговоры о предоставлении палестинских арабам муниципальной автономии (о чем подробно говорилось в предыдущей главе).

М. Даян поддержал идею выборов, которые, по его предложению, должны были быть проведены по иорданскому законодательству. «Наша цель — разъяснить людям, что нас не интересуют результаты выборов; наша главная задача — организация и проведение самих выборов, как того требует закон. В случае бойкота … правительство само назначит местные советы», — заявил М. Даян[127]. 11 июня 1970 года межминистерская комиссия по оборонным вопросам одобрила идею проведения выборов.

При явном оптимизме с израильской стороны позиция палестинцев была значительно более осторожной. Среди них существовали серьезные сомнения в целесообразности проведения выборов. Главным аргументом противников этого шага было противодействие со стороны Иордании, а следовательно — ухудшение отношений с ней. В ситуации, когда жители Западного берега не получили израильского гражданства, сохранив иорданское, мнение иорданских властей они игнорировать не могли никак. Кроме того, высказывались опасения, что выборы, усилив напряженность в обществе, не приведут к власти новых лидеров по причине консервативности местного населения. Вместе с тем у идеи выборов нашлось и немало сторонников, среди которых был влиятельный палестинский политик, бывший мэр Шхема Хамди Кнаан.

Дабы обеспечить безопасность проведения выборов и иметь возможность ознакомиться с их предварительными

результатами, израильские власти решили провести их в два этапа. Сначала выборы должны были состояться в Дженине, Калькилии, Тулькарме и Иерихоне (эти города были отобраны как относительно более спокойные). В зависимости от результатов голосования в них должно было быть принято решение о проведении или отмене выборов в других городах. Несмотря на призыв М. Даяна, было решено не менять действовавший иорданский закон о выборах, который не позволял голосовать женщинам и тем мужчинам, которые не имели собственности, а также устанавливал возрастной ценз в 21 год.

17 октября 1971 года правительство окончательно одобрило идею проведения выборов на Западном берегу. Мэры большинства палестинских городов не высказали протеста, и приказом военной администрации первый круг выборов был назначен на 28 марта 1972 года, выборы же в других городах должны были быть проведены не позднее 30 апреля. М. Даян настаивал на том, чтобы выборы были проведены в максимально короткие сроки[128].

Несмотря на то что в целом подготовка к выборам и предвыборный период были достаточно спокойными, в Шхеме все же произошел инцидент, имевший целью сорвать их проведение если и не на всем Западном берегу, то как минимум в этом городе. Клан Аль-Масри, за которым, по-видимому, стояла Иордания, попытался путем угроз и насилия заставить Хамди Кнаана снять свою кандидатуру с выборов. В инцидент вмешались израильские власти, и минимальная политическая стабильность в городе была восстановлена.

Выборы состоялись, как и было запланировано, 28 марта 1972 года в Самарии и 3 мая — Иудее и прошли спокойно. Явка избирателей была достаточно высокой — 84%, при том что явка на выборах, проводившихся иорданскими властями

в 1963 году, составила 76%[129]. Результаты выборов 1972 года можно в целом назвать успешными, принимая во внимание высокую явку избирателей, спокойное голосование и невмешательство израильских войск. Местные мэры получили мандат еще на четыре года. Для Израиля действительно было не столь важно, кто именно из палестинских политиков добьется электоральной победы; куда важнее было путем спокойно прошедших выборов обеспечить легитимность израильского правления на контролируемых территориях.

Новая политическая реальность и позиция израильского руководства. Новые выборы в местные советы должны были состояться, согласно иорданскому законодательству, в 1976 году. Однако к этому времени не только сменилось высшее руководство Израиля (с 1974 года пост премьер-министра занимал Ицхак Рабин, а пост министра обороны — Шимон Перес), но и произошли серьезные изменения в политической реальности на Ближнем Востоке.

Первым и, вероятно, самым серьезным изменением стало признание ООП единственным легитимным представителем палестинского народа. Произошло это в октябре 1974 года на международной конференции в Рабате, где этот статус признали арабские страны, а месяц спустя аналогичное решение приняла Генеральная Ассамблея ООН[130].

Следующим изменением стала усиливающаяся террористическая активность ООП, которая провозгласила своей основной конечной целью уничтожение Израиля. Так, 11 февраля 1974 года группа боевиков из организации «Народный фронт освобождения Палестины» прорвалась в город Кирьят-Шмона на израильско-ливанской границе, в результате чего погибли восемнадцать человек, в том числе восемь детей. 15 мая того же года трое террористов из Народно-

демократического фронта освобождения Палестины захватили школу в городе Маалоте на севере Израиля; в результате этого теракта погибли 21 школьник и трое взрослых; еще 68 человек получили ранения разной степени тяжести. 24 июня того же года палестинские террористы, ворвавшись в жилой дом в городе Нахарии, убили женщину и двух ее малолетних детей. 19 ноября группа террористов из уже упомянутого Народно-демократического фронта освобождения Палестины прорвалась в город Бейт-Шеан и, захватив жилой дом, убила четверых человек и ранила двадцать[131]. Параллельно с этим заметно усилилось количество приверженцев радикальных антиизраильских взглядов среди палестинского населения на контролируемых территориях.

Между тем израильское руководство, в котором доминировала точка зрения тогдашнего министра обороны Ш. Переса, продолжало придерживаться идеи сохранения статус-кво. Хотя ставший премьер-министром бывший начальник Генерального штаба И. Рабин высказывал предположения о возможности частичного отступления и из сектора Газы, и с Западного берега (в духе плана Алона), Ш. Перес, считавшийся в то время «ястребом», не разделял эту точку зрения. Наиболее оптимальным вариантом в рамках сохранения сложившегося статус-кво было продолжение функционирования местных муниципальных органов власти, возможно — некое самоуправление, но без политической составляющей, при сохранении военного присутствия Израиля и обеспечении им своих интересов в военной сфере. Как отмечает М. Нисан, в долгосрочной перспективе Ш. Перес видел будущее Западного берега как «поддержание статус-кво … при передаче управленческих функций местным лидерам… сохранении открытых границ и возможности еврейской поселенческой деятельности»[132]. Очевидно, имен-

но в контексте такой позиции министра обороны Израиля необходимо рассматривать решение о проведение муниципальных выборов в 1976 году, а также политику по расширению полномочий местных органов власти.

Выборы 1976 года. Хотя выборы 1972 года были успешными для Израиля, так как наделили властью достаточно лояльных представителей местной элиты, было очевидно, что выборы 1976 года приведут к несколько другим результатам. Если в 1972 году и ООП, и Иордания были против выборов и стремились их сорвать, то четыре года спустя была применена совершенно другая тактика: кандидаты, связанные с ООП, участвовали в выборах и стремились на них победить.

Кроме того, как среди палестинцев, так и среди части израильского руководства существовало определенное непонимание, какие политические цели будут достигнуты этими выборами. В ответ на это Ш. Перес отвечал: «Задача военной администрации — провести выборы в положенный срок. Политические воззрения населения нам не важны… мы не будем вмешиваться в выборный процесс»[133]. Однако перед выборами 1976 года израильские власти изменили иорданский закон о выборах применительно к Западному берегу. Предложения внести поправки уже были озвучены М. Даяном в 1972 году, однако тогда от этого шага отказались. Поправки, сделанные перед выборами 1976 года, фактически утраивали количество избирателей, предоставляя право голоса женщинам, а также всем мужчинам, платящим муниципальные налоги (вне зависимости от их собственности и материального положения). Высказывалось и предложение о снижении возрастного ценза с двадцати одного года до восемнадцати лет (как это установлено в Израиле), однако из-за опасений, касавшихся резкого роста

радикально настроенных избирателей, оно было отклонено. Однако даже внесенные поправки вызвали удивление и смятение среди мэров палестинских городов, для которых предвыборная кампания превращалась в «ящик Пандоры» с абсолютно непредсказуемыми результатами. Необходимо также отметить возросшую политическую активность кандидатов: на выборах 1976 года на 205 мест в муниципальных советах претендовали 577 человек[134].

Выборы на Западном берегу состоялись 12 апреля 1976 года. В процентном соотношении явка на них была ниже (72%), чем в 1972 году (из-за относительно низкой электоральной активности женщин), хотя число проголосовавших избирателей было значительно большим. По результатам выборов, как и ожидалось, к власти пришли значительно более радикальные лидеры. Восемь новоизбранных мэров городов занимали радикальную антиизраильскую позицию (по результатам выборов 1972 года таковых было только три). В крупнейших городах Западного берега — Шхеме, Хевроне и Иерихоне, также победили националисты. Из 205 новоизбранных членов местных советов 148 были так или иначе связаны с ООП. М. Нисан назвал эти выборы «тихой революцией», «победой эмоционально-идеологической идентификации с Арафатом над экономико-географической идентификацией с Иорданией»[135].

Наиболее влиятельные руководители муниципалитетов — мэр Шхема Басам Шака и мэр Хеврона Фахид Кавасме — не скрывали своей враждебности по отношению к Израилю и собирались координировать свою деятельность с другими мэрами в противостоянии с израильской военной администрацией. Сразу после выборов напряженность на Западном берегу резко возросла, так как Израиль ввел там налог на добавленную стоимость (существовавший и в са-

мом Израиле). Радикально настроенные мэры и муниципальные советы отказались его признавать, в то время как торговые палаты, в которых по-прежнему доминировала старая элита, согласились с этим налогом.

В это время Ш. Пересу было предложено три варианта возможной политики Израиля в сложившейся ситуации: либо продолжать курс, формально запрещающий любую политическую деятельность, но де-факто разрешающий ее, пока та не становится резко антиизраильской; либо и де-юре, и де-факто запретить любую политическую активность, жестко пресекая любые попытки этот запрет нарушить; либо разрешить политическую деятельно де-юре. Ш. Перес предпочел не менять курс формального запрета при фактическом разрешении общественной деятельности, не наносящей очевидной угрозы безопасности Израиля[136].

Результаты муниципальных выборов на Западном берегу в 1976 году вызвали жесткую критику в Израиле, которая была во многом обращена на министра обороны Ш. Переса, ответственного за проведение выборов. Однако представляется, что общее усиление напряженности на контролируемых территориях, ставшее результатом выборов, было неизбежным. Как справедливо заметил бывший координатор деятельности израильских органов власти на контролируемых территориях и тогдашний глава военной разведки Ш. Газит, «эти выборы стали логическим следствием изменения политической ситуации в регионе»[137]: Израиль так или иначе столкнулся бы с возрастающим влиянием ООП. Даже если бы в 1976 году выборы не проводились, израильскому руководству пришлось бы столкнуться с теми же радикально настроенными лидерами, которые занимались подрывной деятельностью, организацией демонстраций и террористическими акциями. По мнению М. Нисана, с того

момента, как ООП стала доминирующей силой среди палестинцев, «достичь компромисса между израильскими идеологическими и военными интересами и палестинскими политическими интересами стало невозможно». Ситуация на контролируемых территориях стала развиваться по конфронтационному пути, который в конечном итоге привел к первой интифаде в 1987 году.

Политика расширения полномочий местных органов власти. Как уже упоминалось выше, Ш. Перес, ставший министром обороны в 1974 году, видел эволюцию статус-кво на контролируемых территориях в постепенном расширении полномочий местных советов и мэров, замещении служащих военной администрации чиновниками из числа местного населения при сохранении, однако, военного контроля в руках Израиля[138].

Реализация этой политики была сопряжена со многими трудностями. Во-первых, в 1974 году арабские страны, а за ними и ООН признали ООП единственной законной представительницей интересов арабского народа Палестины, что резко усилило ее влияние как собственно на территориях Западного берега и Газы, так и в мире. Во-вторых, этой политике резко противилась Иордания. Выступая против расширения штата местных чиновников и сферы их ответственности, она опасалась, что новые служащие органов власти попадут тем или иным образом под контроль ООП, которая, особенно после событий «Черного сентября» 1970 года, стала главным стратегическим противником Иордании. Кроме того, не все политики и военные в самом Израиле поддерживали эту идею.

Так, полковник М. Аркин вполне обоснованно высказывал Ш. Пересу опасения, что реализация такой политики

потребует согласия со стороны самих палестинских арабов, которое в сложивших условиях получить нелегко. Он полагал, что расширять полномочия местных органов палестинского самоуправления необходимо постепенно, очень осторожно, представляя этот процесс как обычные действия, направленные на совершенствование работы бюрократического аппарата[139]. Несмотря на то что мэры и высшие чиновники в палестинских городах были согласны с расширением своих полномочий, процесс двигался очень медленно, встречая сопротивление как в израильской военной администрации на территориях, так и со стороны части военных, которые требовали сохранения полного израильского контроля над системой образования.

Таким образом, реальные результаты, достигнутые этой политикой, были небольшими. Это было связано как с противодействием, внешним (со стороны Иордании) и внутренним (со стороны израильских офицеров — сотрудников военной администрации), так и с тем, что ее реализация была весьма кратковременной. В 1977 году в Израиле состоялись парламентские выборы, на которых впервые в истории к власти пришла партия «Ликуд», и премьером стал Менахем Бегин, совершенно по-иному видевший израильскую политику на контролируемых территориях.

Еврейское заселение Западного берега реки Иордан до 1967 года

На территории Западного берега реки Иордан (Иудеи и Самарии) находятся не только многочисленные археологические объекты, неопровержимо свидетельствующие о существовании там еврейских городов в далеком прошлом, но

и населенные пункты, в которых еврейское присутствие не прекращалось практически никогда, вплоть до XX столетия. Важнейшим для евреем городом в Иудее является Хеврон — один из четырех (вместе с Иерусалимом, Тверией и Цфатом) святых городов в Палестине/Эрец-Исраэль (традиционное еврейское название этой территории, в дословном переводе — Земля Израиля).

Согласно библейской традиции, Хеврон был основан еще праотцем Авраамом (Быт. 23: 8–17), купившим здесь участок поля с пещерой Махпела, в которой, в соответствии с традициями трех монотеистических религий, похоронен он сам, его сын Исаак, внук Иаков и их жены Сарра, Ревекка и Лия. Пещера является местом активного паломничества христиан, евреев и мусульман; арабы называют ее Харам[140]. Во времена Первого и Второго храмов (с X века до новой эры и до I века н.э.) Хеврон был одним из центральных еврейских городов в стране. После разрушения Второго храма район Хевронской горы стал центром еврейского восстания против римлян. Воины Бар-Кохбы боролись здесь с захватчиками до тех пор, пока не были окончательно побеждены римлянами. В течение сотен лет под властью Византии, арабов, крестоносцев и турков-мамлюков евреи продолжали жить в Хевроне и молиться в пещере Махпела, на могиле Праотцев. Во времена турецко-мамлюкского владычества (XIII век) евреям был запрещен вход в само здание пещеры Махпела, им разрешалось лишь подниматься до седьмой ступени восточного входа в здание. Однако, даже несмотря на то что евреям был запрещен вход в Махпелу в течение многих лет, они на протяжении поколений продолжали прибывать в Хеврон и молились, стоя на седьмой ступени входа в пещеру Махпела.

После изгнания евреев из Испании в XVI веке группа вынужденных переселенцев достигла Хеврона[141]. Они при-

обрели большой участок земли в городе и основали на нем еврейский квартал. В этом квартале евреи селились на протяжении 450 лет — с XVI века и до начала XX века. Квартал жил насыщенной общественной жизнью, в нем были синагоги, иешивы, школы, общественные учреждения, богадельни и приюты, магазины и ремесленные фабрики и т.д. В XVII–XVIII веках происходило массовое заселение еврейского квартала Хеврона. Община увеличивалась, но евреи отказывались от выхода за пределы квартала по причинам безопасности. Поэтому строительство шло в основном вверх, дома достигали четырех-пяти этажей, а между ними проходили узкие улочки. Кроме общины выходцев из Испании, в начале XIX века в еврейском квартале Хеврона селились также хасиды ХАБАДа, переселившиеся в Хеврон из Белоруссии по указу своего ребе Дова Бера из Любавичей (1773–1827), сына и наследника основателя ХАБАДа Шнеура Залмана из Ляд. В Хеврон переселилась и дочь раввина Менуха Рахель со своим мужем рабби Яаковом Слонимом. В середине XIX века евреи постепенно начали выходить за пределы еврейского квартала и строить большие и просторные дома вне пределов древнего города. В 1879 году состоятельный выходец из Турции Авраам Романо построил роскошный и просторный дом («Бейт Романо»), в котором была основана синагога, называвшаяся «Стамбульской». В 1869 году Хеврон посетил один из крупнейших сефардских духовных лидеров того времени р. Йосеф Хаим (1833–1909) из Багдада. Когда в Палестину/Эрец-Исраэль прибыл рабби Хизкияху Мадини, он также поселился в Хевроне в «Бейт Романо» и основал в этом здании иешиву. Здесь он закончил писать свой знаменитый труд «Сде Хемед» — всеобъемлющую талмудическую энциклопедию. Хезкияху Мадини пользовался значительным духовным влиянием среди

своих учеников и всей общины. Он умер в 1903 году и был похоронен на старом еврейском кладбище Хеврона.

Пятый глава ХАБАДа рабби Шалом Дов Бер Шнеерсон (1860–1920) в 1912 году выкупил «Бейт Романо» и прилегающие к нему дворы. Он основал в этом здании иешиву «Торат Эмет», ставшую центральной и самой большой иешивой движения ХАБАД в Палестине/Эрец-Исраэль. В начале лета 1929 года Хеврон посетил глава любавичских хасидов раввин Йосеф Ицхак Шнеерсон (1880–1950), который удостоился особой чести — быть допущенным молиться в пещере Махпела.

Арабы не жаловали и «местных» евреев, а к появлению представителей движения ХАБАД отнеслись с небывалой враждебностью. Непрекращающиеся преследования и погромы сплотили обе хевронские общины евреев — сефардскую и ашкеназскую. В 1865 году главой сефардской общины стал рабби Элияху Мани (1818–1899), который организовал репатриацию десятков семей из Ирака, создал для них синагогу и другие общинные здания и учреждения. Хасидской общине также удалось построить две синагоги, несмотря на противодействие арабов и враждебность турецких властей. В 1904 году Залман-Давид Левонтин (1856–1940) открыл в Хевроне банк. Нападки на собственность еврейской общины продолжались вплоть до кровавого погрома 1929 года, когда при демонстративном невмешательстве английских солдат и полицейских арабские погромщики убили 67 и ранили сотни евреев. Британские власти под предлогом того, что они не в состоянии обеспечить безопасность общины, вывезли уцелевших евреев из города (накануне погрома 1929 года в Хевроне проживали, включая учащихся иешивы «Слободка», около тысячи евреев) и тем самым положили конец еврейской общине, непрерывно суще-

ствовавшей в городе около трех тысяч лет; после эвакуации арабы устроили в синагогах общественные туалеты и загоны для скота.

Район южнее Вифлеема (в ивритской транскрипции — Бейт-Лехема) начал заселяться в 1927 году с поселения Хар-Адар, затем в начале 1930-х годов на землях, купленных Шмуэлем Цви Гольцманом (1883–1961), было создано поселение Кфар-Эцион. Еврейские деревни, расположенные на пути из Вифлеема в Хеврон, сразу же стали подвергаться арабским погромам. Пик конфликта наступил в 1936 году, когда еврейские жители были вынуждены оставить свои дома. В 1943 году под эгидой Еврейского национального фонда началось новое заселение Гуш-Эциона. Были созданы поселения Кфар-Эцион, Масуот-Ицхак, Эйн-Цурим и Ревадим.

По плану раздела Палестины/Эрец-Исраэль, утвержденному Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1947 года, весь район Гуш-Эцион, в котором на тот момент проживали 450 евреев, оказался на территории арабского государства. Жителям было предложено немедленно эвакуироваться, но поселенцы отказались, лишь позже отправив в безопасные места часть женщин и детей. Поселения Гуш-Эциона были осаждены войсками Арабского легиона, и, несмотря на попытки бойцов сил еврейской самообороны прорваться к ним и помочь их жителям, сохранить их не удалось. 12 мая 1948 года, за три дня до официального истечения срока мандатного правления, шестой батальон Арабского легиона во главе с генерал-лейтенантом Абдуллой аль-Телемом (в сентябре 1948 года король Трансиордании Абдалла I назначит его военным губернатором Иерусалимского округа) захватил еврейские поселения Гуш-Эциона; всего в боях за Гуш-Эцион погибли 233 еврейских

поселенца[142]. Жесткое международное давление к концу войны, когда военное превосходство Израиля стало очевидным, не позволило руководству страны осуществить план включения Хеврона и Иерусалима в еврейское государство. Еврейское присутствие в районе Хевронского нагорья прервалось на два десятилетия.

Поселенческая деятельность в 1967–1976 годах

Однако в ходе Шестидневной войны 7 июня 1967 года Хеврон менее чем за сутки был занят израильскими силами[143], после чего началось возвращение евреев в этот древний город; среди них были и те, кто в детстве пережили страшный погром 1929 года. Был построен и новый еврейский район, непосредственно прилегающий к Хеврону, — Кирьят-Арба. (В Торе Хеврон иногда называется также Кирьят-Арбой.) Один из жителей Кирьят-Арбы, приехавший в 1972 году из Новосибирска профессор физики Бен-Цион Тавгер (1930–1983), расчистил помойную яму и свалку трупов домашнего скота, которую устроили арабы на месте разрушенной ими синагоги «Авраам-авину»; впоследствии синагога была восстановлена, а затем было расчищено и еврейское кладбище[144]. Синагога «Авраам-авину» в Хевроне была отреставрирована и открыта 22 мая 1981 года; ныне центральный район Хеврона, где она расположена, назван в честь Б.-Ц. Тавгера — «Кирьят Бен-Цион», о чем гласит памятная доска, установленная у главного входа в синагогу. Сегодня в самом Хевроне проживают более пятисот евреев, в Кирьят-Арбе — более восьми тысяч человек. В поселениях Гуш-Эциона проживают более двадцати пяти тысяч человек.

В августе 1967 года, через два месяца после окончания Шестидневной войны, первая группа израильских поселенцев (среди которых были и будущие депутаты кнесета Ханан Порат и Эльяким Хаэцни) прибыла в Кфар-Эцион. Восстановление Кфар-Эциона стало моделью дальнейшего заселения всей горной части Иудеи и Самарии[145]. Почти всегда инициатива заселения исходила снизу, со стороны самих поселенцев или от поселенческого движения, и только после этого правительство утверждало представляемые на его рассмотрение планы развития.

Примерно через два месяца после заселения Кфар-Эциона по инициативе тель-авивского поэта Йорама Бен-Меира был основан второй поселенческий объект в Иудее — Хар-Гило. В Песах 1968 года наступила очередь Кирьят-Арбы. Правительство поначалу вовсе не выразило энтузиазма в связи с этим проектом, однако благодаря тогдашнему заместителю премьер-министра Игалю Алону в конце концов проект еврейского заселения города праотцев был поддержан. 9 марта 1970 года И. Алон сообщил в кнесете о решении правительства создать в Хевроне еврейский район[146]. Первые поселенцы, поначалу снимавшие помещение в гостинице «Парк», переместились в здание военной комендатуры города, а через четыре года поселились в постоянных домах в Кирьят-Арбе. Еврейский квартал в Хевроне был восстановлен только в 1979 году, уже в период, когда у власти находилось правительство Менахема Бегина. Группа женщин, во главе которых стояла жена раввина Моше Левингера Мирьям, обосновалась в Бейт-Хадассе — еврейском здании, покинутом после погрома 1929 года. Через год и это место было официально признано правительством.

В отличие от Иудеи, где поселения стали возникать в первые годы после Шестидневной войны, и Иорданской до-

лины, постепенно заселяемой в то же время на основании правительственных решений, район Самарии оставался не заселенным евреями вплоть до окончания Войны Судного дня. Правительство Голды Меир инициировало основание военных и гражданских форпостов в районе Ямита, на юге Синайского полуострова и даже в Газе и в то же время предпочитало не заселять горный район между Иерусалимом и Дженином. К Войне Судного дня (1973 год) в долине Иордана насчитывалось двенадцать поселений, в полосе Газы — четыре и в Иудее — три сельских поселения в районе Гуш-Эцион. В Самарии еврейских поселений еще не было.

Более серьезная инициатива еврейского заселения Самарии родилась перед Войной Судного дня, однако была воплощена в жизнь только после нее. После прекращения боев к главе правительства Г. Меир прибыла группа молодых женщин из кругов, близких к религиозно-сионистской иешиве «Мерказ ха-рав», и попросила выдать им разрешение основать еврейское поселение возле Шхема; Г. Меир отказала им в этой просьбе[147]. Через полгода после этого те же женщины вместе с мужьями предприняли «партизанскую» попытку основать поселение около Шхема. Они стали известны под названием «Ядро Элон-Море» движения «Гуш эмуним» («Блок верных»). Армия эвакуировала их, но они прибыли еще раз и снова были насильственно эвакуированы. Только на восьмой раз, во время Хануки 1975 года, на старой железнодорожной станции Себастии был достигнут компромисс, позволивший им основать поселение Кдумим. Этот договор сформулировали поэт Хаим Гури и бывший тогда министром обороны Шимон Перес. Теперь поселение Кдумим состоит из десяти микрорайонов, расположенных на вершинах холмов, в нем проживают более 3200 человек.

Учредительный съезд движения «Гуш эмуним» состоялся в марте 1974 года в поселении Кфар-Эцион. Изначально «Гуш эмуним» объявило себя составной частью Национально-религиозной партии (МАФДАЛ), однако впоследствии выбор был сделан в пользу независимого внепарламентского общественно-политического движения[148]. Лидеры «Гуш эмуним» видели в заселении евреями всей территории Западного берега и полосы Газы важнейшую религиозно-патриотическую миссию. Хотя официальная доктрина, которой руководствовались органы государственной власти, гласила, что поселения на территориях Западного берега создаются с целью создания форпостов для обеспечения безопасности Израиля, движение «Гуш эмуним», фактически создававшее эти поселения, руководствовалось преимущественно идеологическими, религиозными и историко-мессианскими соображениями. Лидеры «Гуш эмуним» не спорили с официозной риторикой, но и не руководствовались ею, создавая поселения исходя не столько из того, насколько данная местность может быть полезна с военной точки зрения, сколько из того, насколько велика была ее значимость для еврейского народа в различные периоды его истории[149].

В 1975 году группой рабочих, прибывших возводить ограждение вокруг военной базы неподалеку и оставшихся переночевать в одном из брошенных иорданцами строений, в 25 километрах севернее Иерусалима было основано поселение Офра. В рамках операции по удвоению численности еврейских поселений, которая была объявлена организацией «Гуш эмуним» осенью 1978 года, когда на всей территории Иудеи и Самарии было только двадцать поселений, семьи, только недавно поселившиеся в Офре, были направлены для становления ядра нового поселения. Оно было соз-

дано в течение года и названо Кохав ха-Шахар; в нем была создана и база организации НАХАЛ*. Благодаря плодородным землям вокруг сельское хозяйство стало одной из важных отраслей в поселении, а база НАХАЛа в тот год получила приз как самая ухоженная и обустроенная база Армии обороны Израиля. В 1981 году прибыли караваны для заселения, и начали разрабатываться планы первых этапов постоянного строительства.

Примерно одновременно с созданием поселения Офра тогдашнее правительство во главе с Ицхаком Рабином приняло решение об основании Маале-Адумим — ныне самого крупного еврейского населенного пункта в Иудее. Правительство И. Рабина также приняло решение об основании поселения Элкана в Западной Самарии за две недели до выборов 1977 года; им же было принято решение об основании города Ариэль — ныне самого крупного еврейского населенного пункта в Самарии.

* НАХАЛ — особые регулярные подразделения Армии обороны Израиля. Служба в НАХАЛе сочетает интенсивную боевую подготовку с сельскохозяйственной и поселенческой деятельностью. Бойцы подразделений НАХАЛа, организованные в «ядра» (*гар'иним*), проходят специальный курс обучения, целью которого является создание из группы после демобилизации ядра нового коллективного поселения или включение группы в одно из существующих поселений. Определенное время члены НАХАЛа сочетают военную подготовку и службу с работой в кибуце или пограничном поселении, после чего юноши проходят обучение в парашютно-десантных или других родах войск, а девушки — в поселении, куда по завершении обучения возвращаются и юноши. По окончании группой срока действительной службы лагерь становится гражданским сельскохозяйственным поселением либо демобилизованная группа направляется в другое сельскохозяйственное поселение.

Все это, однако, случилось не в одночасье — вопрос о проведении поселенческой политики был причиной острых разногласий во всех трех лейбористских правительствах, правивших Израилем с 1967 по 1977 год. Внутри кабинета не было согласия: если Моше Даян являлся активным сторонником возведения поселений в отдельных районах, занятых в ходе Шестидневной войны, то министр финансов Пинхас Сапир придерживался противоположных воззрений. Кроме того, на принятие решений в вопросах строительства поселений большое влияние оказывали такие министры, как Игаль Алон и Исраэль Галили. В целом поселенческая политика лейбористских правительств в рассматриваемый период была результатом острой борьбы внутри правительства и компромиссов между ключевыми министрами[150].

Проблема поселений вызвала острую политическую борьбу, так как, будучи основанными, как правило, в местах, важных со стратегической или религиозно-исторической точки зрения, поселения были призваны повлиять на проведение границ в будущем, служа индикатором того, что из этих районов израильтяне уходить не собираются. М. Даян активно продвигал идею строительства поселений, так как она укладывалась в его политику экономической интеграции Израиля и контролируемых территорий. В то же время, приняв политику поддержания статус-кво, израильские левоцентристские правительства понимали, что создаваемые на занятых в 1967 году территориях еврейские поселения будут значительно осложнять переговоры с арабскими партнерами. Если эвакуация армии, в случае достижения политической договоренности, представлялась относительно простой задачей, то эвакуация поселений и их жителей была значительно сложнее технически и, несомненно,

вызвала бы сильный общественный резонанс в самом Израиле. (Последующий опыт, впрочем, показал, что и эта задача выполнима: так, в 1982 году были ликвидированы все поселения, созданные Израилем на Синайском полуострове, а в 2005 году — в секторе Газы и в Северной Самарии.) Вместе с тем существовало мощное лобби в лице Еврейского агентства, активно поддерживавшего поселенческую политику (для чего в структуре этой организации функционировал специальный отдел).

Игал Алон со своей стороны подчеркивал: «Не нужно быть военным специалистом для того, чтобы без труда выявить серьезные дефекты линии прекращения огня, существовавшей до 4 июня 1967 года… Самая серьезная проблема присутствует на восточной границе, где ширина береговой равнины варьирует от 10 до 15 миль, где расположены основные населенные пункты Израиля, включая Тель-Авив и его пригороды, и где особенно опасно положение Иерусалима. В пределах этих линий достаточно одного-единственного успешного удара арабской армии для того, чтобы рассечь Израиль в нескольких точках, перекрыть его основные жизненные артерии и подвергнуть его опасности, с которой не хотело бы столкнуться никакое государство. Таким образом, задача как раз и состоит в том, чтобы устранить это слабое место, обеспечить Израилю необходимую минимальную стратегическую глубину, а также пограничные линии, имеющие топографическое стратегическое значение»[151]. И. Алон указывал, что Израиль, как суверенное государство, имеет право на границы, обеспечивающие минимальную безопасность своих граждан, и что поэтому все договоренности в отношении окончательного статуса занятых в ходе Шестидневной войны территорий должны предусматривать аннексию некоторых земель с целью коррек-

тировки чрезвычайно нестабильных линий прекращения огня 1949 года, крайняя уязвимость которых способствовала арабской агрессии и затяжному характеру конфликта. И. Алон поддерживал создание поселений в тех районах, которые в будущем, согласно его предложениям, должны были быть аннексированы Израилем в рамках обоснованной им доктрины формирования «обороняемых границ».

И. Алон выражал особую озабоченность в связи с тем, что вооруженные силы противника могут захватить горный хребет Западного берега, выходящий на узкую прибрежную равнину Израиля, на долю которой приходится 70 процентов населения страны и 80 процентов ее экономического потенциала. И. Алон настаивал, что Израиль должен сохранить за собой и почти всю долину реки Иордан. В частности, он заявил, что новые охраняемые границы Израиля означают «сохранение абсолютного контроля над 700 квадратными милями долины реки Иордан к востоку от основных арабских поселений, зоной, которая простирается от реки Иордан на восток и от восточных склонов Самарских и Иудейских гор на запад, а также включает Большой Иерусалим и определенные относительно малонаселенные участки Иудейской пустыни»[152]. Рекомендация И. Алона по аннексии долины реки Иордан подкреплялась тем, что эта территория была — и остается — в значительной степени малозаселенной. И. Алон призывал к строительству новых еврейских поселений на территориях, аннексируемых Израилем в силу какого-либо мирного договора, а также постоянных военных баз — в соответствии с требованиями безопасности. В рукописных пояснениях к своему первоначальному плану, впервые представленному правительству 13 июля 1967 года, И. Алон отмечал: «То обстоятельство, что Израиль воздерживает-

ся от создания поселений… на территориях за пределами "зеленой черты", может быть истолковано во всем остальном мире только как свидетельство нашей готовности отдать эти территории... А это — наихудший возможный вариант для Израиля»[153].

Эти и другие противоречивые воззрения и интересы и определяли зигзагообразную поселенческую политику кабинетов Л. Эшколя, Г. Меир и И. Рабина.

Поселенческая деятельность правительства Леви Эшколя на начальном этапе была весьма ограниченной. Сразу после формального объединения Иерусалима в конце июня 1967 года было принято решение отстраивать еврейские кварталы в восточной части города, дабы установить там устойчивое израильское присутствие. Если вопрос о возвращении Восточного Иерусалима не стоял на повестке дня, то в отношении других территорий проводилась политика удержания в качестве «залога» на будущих переговорах, поэтому связывать себя поселенческой проблемой правительство Л. Эшколя резонно не хотело.

Когда же стало очевидно, что идею «залога» реализовать не удастся, правительство приняло решение ограниченно санкционировать строительство поселений, но только если они согласуются с картой, отражавшей основные положения «плана Алона». В качестве исключения было решено возродить поселение Кфар-Эцион, которое существовало до Войны за независимость, но было уничтожено иорданскими войсками в 1948 году. 16 июля 1967 года начались работы по созданию первого поселения на Голанских высотах, впоследствии ставшего кибуцем Мером ха-Голан. Показательно, что создателями первого поселения, возникшего за пределами «зеленой черты», были не религиозные идеологи, видевшие в «заселении святой земли Эрец-Исраэль» «на-

чало избавления», а левые сионисты, продолжавшие традицию создания поселений по модели «стена и башня»*, столь популярной в подмандатной Палестине в 1930–1940-е годы. Эти люди верили, что своими действиями они создадут реальность, с которой невозможно будет не считаться, и тем самым внесут свой вклад в формирование будущих границ государства[154].

* *Хома у-мигдаль* («Стена и башня» — пер. с иврита) — способ строительства укрепленных сельскохозяйственных поселений, взятый на вооружение в еврейской общине во время арабского восстания 1936–1939 годов, в особенности в пограничных районах, удаленных от центров еврейского расселения. В 1936 году из-за начала арабского восстания строительство сельскохозяйственных поселений на землях, выкупленных Еврейским национальным фондом, было приостановлено. В этих условиях было принято решение о сооружении укрепленных поселений из сборных блоков. Создание этих поселений происходило в течение суток, в основном под покровом ночи, так как их постройка должна была быть завершена до прибытия частей британской армии или арабских вооруженных формирований. Конструктивной основой такого поселения была территория, огражденная двойной деревянной стеной; пространство между наружной и внутренней стенами засыпалось гравием. С внешней стороны стена опутывалась колючей проволокой. В центре сооружалась сторожевая вышка, снабженная электрогенератором и мощным прожектором. Домики поселенцев располагались по углам ограждения. Сборные блоки, секции стен и вышки изготовлялись (или собирались) в ближайшем поселении. В назначенное время к определенному участку в сопровождении бойцов «Хаганы» приезжали на грузовиках и тракторах сотни строителей и устанавливали блоки на месте нового поселения, после чего в нем оставалась группа из 20–40 человек, которая сразу же приступала к сельскохозяйственному освоению примыкающего к поселению участка. В общей сложности за все время по этому методу в стране было сооружено 118 укрепленных поселений.

19 августа 1967 года глава поселенческого управления Еврейского агентства профессор Раанан Вайц выступил с планом строительства поселений в долине Иордана. Р. Вайц предлагал основать в долине Иордана от тридцати до пятидесяти поселений, создав, таким образом, буферную зону, которая препятствовала бы возможному возвращению территорий под иорданский контроль. Считая невозможным создание еврейского большинства на Западном берегу и полагая, что строительство еврейских поселений в районах с высокой плотностью арабского населения приведет к политической напряженности, Р. Вайц требовал приоритета для района Ямита (Западный Синай, находившийся тогда под контролем Израиля) и долины Иордана как стратегических форпостов. 28 января 1968 года правительство постановило создать силами солдат НАХАЛа два форпоста в долине Иордана[155]. Пожалуй, единственное действие поселенцев, которое не было изначально утверждено правительством, но в итоге было принято им как свершившийся факт, — это поселение группы евреев в Хевроне. Впоследствии, в 1970 году, в рамках компромиссного соглашения между религиозно-сионистским поселенческим движением и правительством было решено построить недалеко от Хеврона еврейское поселение Кирьят-Арба.

К началу 1972 года на контролируемых территориях было основано 42 еврейских поселения. Половина из них, преимущественно в долине Иордана и на Голанах, были основаны при правительстве Л. Эшколя, вторая половина, в том числе в секторе Газы и на Синае, — при правительстве Г. Меир. В этих сорока двух поселениях жили 4200 человек, из которых 3150 были гражданскими лицами, остальные были солдатами НАХАЛа[156].

Перед выборами 1973 года М. Даян представил правительству меморандум, озаглавленный «Политика на контро-

лируемых территориях на следующие четыре года»[157]. Это была предлагавшаяся для реализации программа действий правительства, содержавшая десять пунктов. Первые два из них касались увеличения финансирования лагерей беженцев, существовавших в секторе Газы и на Западном берегу, остальные же предусматривали значительное расширение строительства поселений: расширение Иерусалима, постройку глубоководного порта и дальнейшее развитие поселения Ямит, ускорение развития Кирьят-Арбы, основание нового поселения Наби-Шмуэль, строительство промышленного и городского центра на Голанах. В дополнение к этому М. Даян, продвигая свою программу экономической интеграции, настаивал на строительстве новых промышленных предприятий на Западном берегу. Пунктом, вызвавшим особые разногласия, был вопрос о выдаче разрешений на покупку земли на контролируемых территориях частным лицам и компаниям, если это делалось «для достойных целей и при учете политических и военных аспектов».

План Моше Даяна вызвал резкую критику со стороны Голды Меир, а также министра финансов Пинхаса Сапира и министра иностранных дел Аббы Эвена. Г. Меир и П. Сапир, критикуя М. Даяна, считали, что реализация этой программы свяжет правительству руки в возможных будущих переговорах с арабами, нарушит сам принцип статус-кво и, с большой долей вероятности, будет воспринята местным палестинским населением и мировым сообществом как первый шаг на пути к аннексии территорий. А. Эвен упоминал о резких протестах, уже полученных израильским МИДом от США и Генерального секретаря ООН.

В ответ на угрозы Моше Даяна уйти в отставку в случае отклонения его плана член кабинета министров Исраэль Галили представил компромиссное предложение. Его главным

отличием от плана М. Даяна было отсутствие конкретных цифр бюджетных ассигнований, а также отсутствие пункта о возможности покупки земли частными лицами. Документ, разработанный И. Галили и представленный для утверждения в Центральный комитет Партии труда (так как его планировалось включить в предвыборную программу партии на ближайших выборах в кнесет), так и не был официально принят по причине вспыхнувшей 6 октября 1973 года войны и последовавшего за ней обращения к другим проблемам.

В период, когда у власти в Израиле стояло правительство во главе с Ицхаком Рабином, поселенческая активность значительно снизилась[158].

Количество еврейских поселений, основанных на контролируемых территориях в 1967–1976 годах (правительства Л. Эшколя, Г. Меир и И. Рабина)

Территория	1967–1972	1973–1976	Итого к началу 1977 г.
Западный берег*	16	4	20*
Сектор Газы и Северный Синай	7	6	13
Голанские высоты	15	9	24
Южный Синай	3	0	3
Итого	41	19	60

* 15 из 20 поселений на Западном берегу было основано в Иорданской долине.

Гораздо большую активность в сфере поселенческой политики, чем официальные израильские власти, демонстрировало движение «Гуш эмуним». Хотя самая активная фаза

деятельности этого движения приходится на период правления Менахема Бегина (к моменту его прихода к власти в 1977 году общая численность поселенцев составляла лишь 3200 человек, а в конце его правления в 1983 году достигла 28400 человек[159]), при первом правительстве И. Рабина оно также сумело основать несколько поселений, причем, как правило, без санкции властей. Обозначая свое отношение к поселенческой политике и к деятельности «Гуш эмуним», И. Рабин заявлял: «Поселения на контролируемых территориях основывались и будут основываться исключительно с согласия правительства». Однако лидеры «Гуш эмуним», понимая невозможность добиться официальной санкции кабинета, применяли политику «свершившихся фактов», ставя правительство перед выбором: или признать основанное поселение, или демонтировать его силой, решившись на открытый конфликт с поселенцами и их сторонниками. Как правило, открытых конфликтов правительство старалось избегать.

Действия движения «Гуш эмуним» пользовались в то время значительной поддержкой населения. Как свидетельствует социологический опрос, проведенный в октябре 1974 года, 71% населения хотело бы видеть более активную поселенческую политику правительства, особенно в Самарии. Несколько основанных самостоятельно поселений правительство признало постфактум: так в 1975 году возникла Офра, а в 1976 году — Кдумим. Как отмечает М. Нисан, «основного успеха движение “Гуш эмуним” добилось не в сфере политики, а в области общественного мнения»[160].

Глава IV

ПРАВИТЕЛЬСТВО МЕНАХЕМА БЕГИНА: МЕЖДУ ПЕРЕГОВОРАМИ ОБ АВТОНОМИИ И МЕДЛЕННОЙ АННЕКСИЕЙ

Политика Бегина на контролируемых территориях: идеология «Ликуда» и договоренности в Кемп-Дэвиде

В 1977 году впервые в истории Государства Израиль к власти пришло правительство, сформированное партией «Ликуд» и ее лидером Менахемом Бегином. Позиция нового кабинета по отношению к контролируемым территориям, и особенно по отношению к Западному берегу и сектору Газы, принципиально отличалась от политики лейбористских правительств. М. Бегин был лидером движения, долгое время призывавшего к аннексии Западного берега и сектора Газы. При поддержке религиозно-сионистских кругов М. Бегин провозгласил идею «великого Израиля», «единой и неделимой Эрец-Исраэль». Именно в период, когда у власти находился кабинет М. Бегина, получило поддержку движение «Гуш эмуним», деятельность которого лейбористское правительство И. Рабина всячески ограничивало.

В июле 1977 года лидеры «Гуш эмуним» представили двадцатипятилетний поселенческий план, согласно которо-

му к концу XX столетия еврейское население Иудеи (включая Иерусалим) и Самарии должно было увеличиться до миллиона человек, для чего предлагалось основать два больших города — возле Хеврона (Кирьят-Арба) и возле Шхема (с населением 60 тысяч человек в каждом), несколько средних городов (15–20 тысяч человек в каждом) и густую сеть так называемых общинных поселений[161]. Как только М. Бегин сформировал кабинет, руководители движения «Гуш эмуним» — Ханан Порат, Ури Элицур, Бени Кацовер и равин Моше Левингер — подали ему программу основания двенадцати новых поселений за «зеленой чертой». После долгих колебаний М. Бегин утвердил эту программу. «Будет основано еще много Элон-Море», — обещал М. Бегин во время своего первого после победы на выборах визита в Кдумим. Вскоре возникли поселения Бейт-Эль, Шило, Неве-Цуф, Мицпе-Йерихо, Шавей-Шомрон, Дотан, Тkоа и другие. На первых порах поселенческие группы были размещены при некоторых военных гарнизонах на Западном берегу, позднее превратившихся в поселения.

Лидеры «Гуш эмуним» подталкивали М. Бегина принять решение об аннексии Израилем территорий Западного берега и Газы, однако практическая реализация этой идеи таила в себе множество трудностей. Во-первых, этот шаг не мог не вызвать раскол как внутри правительства, которое, как и во все остальные периоды истории Государства Израиль, было коалиционным и не все министры которого поддержали бы аннексию, так и в израильском обществе в целом. Во-вторых, существовало сильное опасение, что, пойди Израиль на такой шаг, среди палестинцев немедленно начались бы массовые волнения и беспорядки. В-третьих, очевидно, что реакция международного сообщества на аннексию была бы резко отрицательной. Наконец, в-четвертых,

было не совсем ясно, что делать с более чем миллионом палестинских арабов, которые жили на Западном берегу и в секторе Газы: дать полные гражданские права, превратив Израиль в двунациональное еврейско-арабское государство, или же вводить нечто подобное южноафриканскому режиму апартеида? Все эти соображения удерживали правительство М. Бегина от решительных действий.

Поселенческая политика стала одной из центральных тем, которой занимался Менахем Бегин, будучи главой правительства. Де-факто это была политика «медленной аннексии» контролируемых территорий, когда прямая аннексия была практически невозможной.

С другой стороны, именно правое правительство Менахема Бегина начало вести мирные переговоры с Египтом, которые завершились подписанием Кемп-Дэвидских соглашений. В рамках переговоров в Кемп-Дэвиде было заключено два соглашения: помимо подписания собственно мирного договора с Египтом, предусматривавшего оставление Израилем Синайского полуострова, был также заключен «Рамочный договор о принципах мирного урегулирования на Ближнем Востоке». Этот документ, подписанный президентом Египта А. Садатом и М. Бегином при посредничестве президента США Дж. Картера 17 сентября 1978 года, касался, в частности, политического будущего Западного берега и сектора Газы.

Договор предусматривал постепенную передачу властных полномочий местной администрации. Переговоры по созданию этой администрации должны были вестись с участием Израиля, Египта, Иордании и представителей местного арабского населения территорий. На первом этапе, сроки которого, впрочем, не были определены, предполагалось создать на Западном берегу и в секторе Газы автоно-

мию с избираемой администрацией. В соглашении говорилось и об уходе израильских вооруженных сил с большей части территорий Западного берега и Газы. После того как создание автономии было бы завершено, должен был начаться пятилетний переходный период, на протяжении которого стороны должны были бы договориться об окончательном статусе Западного берега и сектора Газы. Предполагалось, что в это же время будет достигнуто и мирное соглашение с Иорданией. При этом в реальности переговоры об автономии для палестинских арабов вели израильская, американская и египетская делегации, причем даже последние, как признавал Бутрос Гали, «оказались не в состоянии сохранить канал связи с палестинским руководством. Все наши контакты ограничивались невлиятельными палестинцами с Западного берега и из района Газы»[162]. Никакая собственно палестинская делегация в переговорах об автономии для палестинских арабов не участвовала.

Кемп-Дэвидские соглашения, указывая направления действий, не оговаривали ряд очень важных и болезненных для правоцентристского правительства вопросов. В частности, в них не затрагивался ни вопрос о судьбе уже созданных поселений, ни вопрос о статусе поселений, которые будут построены на контролируемых территориях в будущем; ничего не говорилось и об урегулировании проблемы Восточного Иерусалима. После подписания Кемп-Дэвидских соглашений, гарантом которых выступила администрация Дж. Картера, к вышеперечисленным трудностям и опасностям аннексии прибавилась еще одна — вероятность резкого ухудшения отношений с США.

Таким образом, политика правительства Менахема Бегина по отношению к контролируемым территориям основывалась, с одной стороны, на традиционной правой идео-

логии «Херута»—«Ликуда», а с другой — на взятых Израилем по Кемп-Дэвидским соглашениям международным обязательствам по предоставлению палестинцам самоуправления. Однако, начав переговоры о создании автономии, М. Бегин не собирался доводить их до логического конца. Его программа-минимум заключалась в том, чтобы не допустить, любыми средствами, создания независимого палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газы, а программа-максимум — в аннексии занятых в ходе Шестидневной войны территорий. Принятый кнесетом 14 декабря 1981 года и подписанный М. Бегином Закон о Голанских высотах[163] стал первым (и до сего времени — последним) шагом в этом направлении.

Поселенческая политика: новые цели и новые методы

Израильская поселенческая политика на Западном берегу и в секторе Газы при правительстве М. Бегина претерпела значительные изменения. Связаны они были не только с поддержкой движения «Гуш эмуним» — обозначилась принципиально новая цель этой политики, и в соответствии с нею были выработаны новые методы ее претворения в жизнь. Следует отметить, что сам М. Бегин был светским, либерально мыслящим человеком, повседневная жизнь которого была далека от практик религиозного сионизма. Вместе с тем к религиозно-сионистскому движению «Гуш эмуним» М. Бегин относился с большой симпатией.

В основе резкой активизации поселенческой деятельности лежали идеологические и религиозные соображения, предопределявшие принципиальное нежелание тогдашнего

израильского руководства уходить с контролируемых территорий. Однако, согласно подписанным в Кемп-Дэвиде договоренностям, необходимо было не только создавать органы палестинского самоуправления и передавать им административные полномочия, но и впоследствии вести переговоры об урегулировании «окончательного статуса» Западного берега и сектора Газы. Как сам М. Бегин, так и министр сельского хозяйства А. Шарон (позднее назначенный М. Бегином министром обороны), бывший на том этапе главным проводником поселенческой политики, исходили из того, что необходимо коренным образом изменить демографическую ситуацию на территориях. Подобное развитие событий должно было предоставить Израилю максимально выгодные позиции на будущих переговорах, возможно позволив даже поставить вопрос о частичной аннексии территорий в связи с «изменившимися обстоятельствами».

Именно поэтому параллельно шли два процесса, конечные цели которых были прямо противоположными: поселенческая деятельность, которую многие эксперты не без оснований расценивали как «медленную аннексию», и переговоры о создании палестинской автономии на контролируемых территориях.

Принципы и методы новой поселенческой политики были впервые изложены в плане, разработанном Матитьяху Дроблесом — членом кнесета от блока «Ликуд», возглавившим в 1978 году поселенческий департамент Еврейского агентства. «Цепь поселений от Хеврона до Шхема будет служить обороной нашей восточной границы … заселенная зона будет служить надежной гарантией того, что еще одна арабская страна в регионе не возникнет», — говорилось в данном документе[164]. Если раньше перед возведением каждого нового поселения тщательно рассматривались во-

просы экономической целесообразности, то теперь, согласно плану М. Дроблеса, поселения могли создаваться, даже не имея под собой экономической базы, а будучи «спальными пригородами, жители которых будут ездить на работу в израильские города». Чтобы стимулировать поселенческую активность, правительство многократно увеличило бюджет, выделяемый на развитие поселений на Западном берегу (если в 1976 году он составлял около четырех миллионов долларов, то в 1983 — уже около 35 миллионов). Деньги направлялись как на строительство дорог, чтобы обеспечить поселенцам возможность добираться до крупнейших израильских городов, так и на строительство домов и жилищные субсидии, с тем чтобы цены на объекты недвижимости в поселениях были значительно ниже, чем в среднем на израильском рынке жилья[165]. Другой план был выдвинут в середине 1978 года тогдашним министром обороны Эзером Вейцманом. Возражая против создания сети небольших поселений, Э. Вейцман предложил построить шесть крупных (по израильским меркам) городов в районах с наименьшей плотностью арабского населения.

Ариэль Шарон стал главным проводником поселенческой политики. В своих действиях он руководствовался не только стремлением изменить демографию Западного берега, но и военно-стратегическими соображениями. Он начал строительство дорог, пересекавших Западный берег с запада на восток и проходивших через стратегически важные точки, причем вдоль этих дорог было создано нескольких еврейских поселений.

В сентябре 1977 года правительство одобрило план А. Шарона, и в течение последующих четырех лет было основано 64 новых поселения. Многие из этих поселений на начальных стадиях состояли из нескольких палаток и временных

домов. Однако для А. Шарона было важно хотя бы зафиксировать израильское гражданское присутствие, а дальнейшее развитие поселений могло остаться делом будущего. А. Шарон считал, что поселения будут более существенным фактором в определении политической судьбы Западного берега, чем любое политическое соглашение, которое должно будет принимать в расчет факт их существования.

Однако поселенческая деятельность осуществлялась не только волей собственно членов правительства. Весьма сильное влияние оказывал и созданный в 1980 году Совет поселений Иудеи, Самарии и сектора Газы. Однако, несмотря на активные действия лидеров религиозного сионизма, они постоянно испытывали трудности в привлечении людей в неразвитые (с точки зрения хозяйства, транспортной и иной инфраструктуры и т.д.) поселения. Масштабные планы, согласно которым в течение двадцати лет на контролируемых территориях планировалось поселить миллион граждан Израиля, было просто некому реализовывать.

Серьезной проблемой, с которой столкнулось правительство М. Бегина, было юридическое обоснование строительства поселений. Если речь шла о воссоздании еврейских поселений на тех местах, где они существовали до Войны за независимость, то юридических проблем почти не возникало, так как земля под этими поселениями была давно куплена Земельным фондом и теперь принадлежала Израилю. Размещение военных баз Армии обороны Израиля и строительство форпостов НАХАЛа было более противоречивым с юридической точки зрения, но эти шаги все же можно было обосновать. Наиболее спорным было строительство гражданских поселений на землях, экспроприированных у арабских владельцев декретом военной администрации по соображениям безопасности.

Уже в 1968 году жителям Западного берега и сектора Газы, не имевшим израильского гражданства, было разрешено подавать жалобы на действия военной администрации в Верховный суд страны. В течение долгого времени местные жители этим правом почти не пользовались, как не веря в эффективность подобного шага, так и не желая своими обращениями в израильский суд легитимизировать оккупационный режим. Однако во второй половине 1970-х годов и впоследствии палестинцы, у которых были изъяты земли под строительство поселений, все-таки подали несколько жалоб в Верховный суд Израиля. Решения по этим искам стали важными юридическими прецедентами. В нескольких делах (в этой связи вспоминаются случай изъятия земель у бедуинов в секторе Газы и жалоба на создание поселения Неве-Цуф в Самарии) петиции палестинцев были отклонены по тем или иным причинам, однако «прецедент Элон-Море» стал поворотным пунктом в поселенческой политике правительства. Высший судебный орган страны обязал израильские власти эвакуировать поселенцев с уже занятых земель. В решении, вынесенном по данному делу зимой 1980 года, Верховный суд постановил, что указ о занятии принадлежащей частному лицу территории, который был издан военным комендантом Иудеи и Самарии, следует считать недействительным, поскольку он преследовал не оборонные, а политические цели. Верховный суд Израиля постановил, что нормы международного права допускают аннексию оккупированных земель армией для нужд обеспечения безопасности, но не с целью создания на них гражданских поселений[166]. Этот прецедент побудил правительство изменить политику и создавать поселения только на государственных или общественных землях, не прибегая к экспроприации земель у местных жителей. Не сбылись надеж-

ды отдельных активистов движения «Гуш эмуним» на то, что правительство постановит, что подобные вопросы не находятся в компетенции суда, и начнет строить поселения без оглядки на формально-юридическую принадлежность тех или иных земель на контролируемых территориях.

Параллельно этому шло развитие поселений сектора Газы и Синайского полуострова, как правило, по инициативе и с разрешения правительства. Впервые Газа и Синайский полуостров были заняты Израилем в ходе Синайской кампании 1956 года, но возвращены Египту спустя менее чем полгода после этого[167]; в то время еврейские поселения на этих территориях не создавались. Однако после Шестидневной войны ситуация была иной, а решения Хартумской конференции ЛАГ сентября 1967 года, гласившие: «нет — миру с Израилем, нет — признанию Израиля, нет — переговорам с Израилем», стали катализатором радикализации политических настроений и в еврейском государстве. В этих условиях создание еврейских поселений в секторе Газы и на Синайском полуострове было шагом естественным.

Уже в 1968 году межминистерская комиссия по делам поселений во главе с И. Алоном рекомендовала основать два форпоста НАХАЛа в этом районе: Нецарим и Мораг. И. Алон способствовал также закладке Кфар-Дарома на месте одноименного поселения, основанного в 1946 году и захваченного арабами во время Войны за независимость. По словам И. Алона, «строительство поселений в секторе Газы будет иметь важнейшие последствия для политического будущего данного района. Нам необходимо рассечь эту полосу к югу от города Газы израильским поселенческим клином»[168]. Потом было основано поселение Нецер-Хазани. К концу 1970-х годов в секторе Газы было создано десять еврейских поселений.

При закладке поселений в этих районах был применен так называемый принцип пяти пальцев, сформулированный тогдашним командующим Южным военным округом Ариэлем Шароном[169]. Чтобы не допустить сращивания арабских населенных пунктов, А. Шарон предложил протянуть из Северного Негева на юг пять групп еврейских поселков. Предназначение первого «пальца» — «отрезать» Бейт-Ханун от Ашкелона; с этой целью в северной части сектора Газы были созданы поселения Алей-Синай, Нисанит и Дугит. Второй «палец» должен был «прошить» территорию между городом Газой, Дир эль-Балахом и лагерем беженцев Эль-Бурейдж; там, правда, было заложено одноединственное поселение — Нецарим. Третий «палец» должен был вторгнуться в участок между Дир эль-Балахом и Хан-Юнесом; так появились поселения Ганей Таль, Нецер-Хазани и Тель-Катифа. Следующий «палец» должен был стать стратегически важной преградой между Хан-Юнесом и Рафиахом; к основанным там Ацмоне, Гадиду и другим поселениям впоследствии присоединился поселок Неве-Дкалим, благодаря которому этот район, названный Гуш-Катиф, обрел территориальную целостность. И наконец, пятым «пальцем» А. Шарон считал создававшийся город Ямит и другие поселения на Синае.

Условия жизни в новых поселениях были весьма нелегкими, прежде всего из-за отсутствия необходимой инфраструктуры. Психологические условия были не легче — представители левого лагеря в самом Израиле и иностранные СМИ поднимали шум едва ли не из-за каждого нового сборного домика на «оккупированных территориях». В 1978 году в Верховный суд была подана апелляция против самого факта возникновения поселения Бейт-Эль, которое было основано на земле, экспроприированной у палестинских

арабов, причем экспроприация мотивировалась не нуждами жилищного строительства, а соображениями безопасности. Суд вынес временное распоряжение приостановить все работы по развитию нового поселения, включая прокладку канализации. Над Бейт-Элем и другими подобными поселениями навис дамоклов меч судебного приговора об эвакуации, но по прошествии нескольких месяцев апелляция была отклонена[170]. Однако спустя менее чем два года Верховный суд принял апелляцию, поданную совместно палестинцами и деятелями левого лагеря против основателей поселения Элон-Море. Согласно решению суда, группа поселенцев должна была покинуть находившиеся в частном владении земли деревни Руджейб в Самарии. Парадоксальным образом в результате этого морально-юридический фундамент деятельности поселенцев на контролируемых территориях стал едва ли не крепче, чем у жителей Израиля в пределах «зеленой черты», где бесчисленное множество мошавов и кибуцев было основано на земле с не оформленными должным образом правами собственности, покинутой арабскими беженцами во время Войны за независимость.

Решение правительства не изымать земли, находящие в частном владении, привело к нескольким неоднозначным изменениям в поселенческой политике. Положительный эффект от этого решения состоял в том, что палестинцы больше не имели легального повода подавать жалобы в Верховый суд. Однако земли, находившие в государственной собственности, зачастую были изначально непригодны для создания поселений с точки зрения топографии, обеспеченности водными ресурсами и возможностей ведения хозяйства. В результате многие поселения испытывали постоянные экономические трудности, не имели достаточных возможностей для роста и естественного развития и существо-

вали исключительно как форпосты еврейского присутствия на контролируемых территориях.

Кроме того, стремясь приобрести некие массивы земли, все же пригодной для проживания и строительства экономически рентабельных поселений, правительство сняло ограничения, существовавшие в течение многих лет, на покупку земли частными лицами и компаниями. Если план М. Даяна, содержавший подобное предложение, вызвал острые политические разногласия и был отклонен в 1973 году во многом именно из-за этого предложения, то теперь правительство не только сняло данное ограничение, но и всячески поощряло израильских предпринимателей покупать участки земли для расширения существующих или строительства новых поселений. Это вызвало многочисленные случаи мошенничества и давления. Многие палестинцы подвергались давлению с двух сторон: со стороны израильтян, стремившихся купить землю, и со стороны радикальных палестинских группировок, угрожавших расправой в случае продажи земли евреям[171].

В сложившихся условиях военная администрация, всегда игравшая значительную роль в израильской политике на контролируемых территориях, практически самоустранилась от процессов, происходивших в сфере развития поселенческого движения. Политика М. Бегина относительно занятых в ходе Шестидневной войны территорий часто определялась как «медленная аннексия» также по той причине, что Израиль распространил на поселения и поселенцев действие израильских законов. А с ростом числа поселений росла и территория, на которой эти законы действовали. Так, поселенцы, согласно решению израильского правительства, подчинялись исключительно израильскому, а не местному, иорданскому на Западному берегу и египетско-

му в секторе Газы, законодательству; они получили возможность голосовать на выборах в кнесет; на них была распространена израильская система налогообложения.

Насколько успешной и результативной была израильская поселенческая политика в период правления М. Бегина, можно судить по статистическим данным. Если в 1977 году, то есть в год победы «Ликуда» на выборах, на Западном берегу и в секторе Газы жили приблизительно 5 тысяч человек, то в 1981 году, к концу первой каденции М. Бегина, их было уже 27 тысяч. Всего с 1977 по 1987 год Израиль основал на Западном берегу и в секторе Газы около ста пятидесяти поселений, в которых ко времени начала первой интифады жили около 70 тысяч человек. Таким образом, число еврейских поселенцев выросло за десять лет приблизительно в четырнадцать раз[172]. Вместе с тем перспектива еще одного четырнадцатикратного увеличения числа поселенцев до заветного миллиона выглядела весьма сомнительной.

Переговоры о создании автономии на Западном берегу и в секторе Газы

Как уже упоминалось выше, М. Бегин, начиная переговоры о создании на Западном берегу и в секторе Газы автономии, едва ли собирался доводить их до конца — это была уступка довольно формальному египетскому давлению, призванная ослабить давление арабских стран на Египет из-за его «предательского» сепаратного договора с еврейским государством. Бутрос Гали не скрывает, что «Садат … не хотел, чтобы Египет был матерью арабов, желал примирения с Западом, ибо считал, что это позволит решить проблемы Египта гораздо легче, чем продолжение вовлеченности в дела араб-

ского мира»[173]. Сам Б. Гали отмечал в свою очередь: «Будучи реалистом… я знал, что, если Египет не будет отстаивать интересы палестинцев, мы потеряем лидирующую роль в арабском мире»[174]. В результате взаимной незаинтересованности стороны «играли в пьесе без сценария. Цель представления состояла в том, чтобы протянуть время и скрыть болезненную правду об отсутствии намерения разрешить палестинскую проблему»[175].

М. Бегин сформировал министерскую комиссию из шести человек, ответственную за ведение переговоров с израильской стороны. В нее вошли Йосеф Бург (представитель Национально-религиозной партии, министр внутренних дел и председатель комиссии), Моше Даян (министр иностранных дел), Эзер Вейцман (министр обороны), Ариэль Шарон (представитель партии «Шломцион», министр сельского хозяйства), Шмуэль Тамир (представитель партии ДАШ, министр юстиции) и Моше Ниссим (представитель либеральной фракции в «Ликуде», министр без портфеля). С одной стороны, такой подбор членов комиссии может быть объяснен стремлением не допустить внутриправительственных противоречий и протестов со стороны партнеров «Ликуда» по коалиции. Однако, с другой стороны, назначая всех этих людей в одну комиссию, М. Бегин справедливо предполагал, что прийти к компромиссу между собой они не смогут. Кроме того, как не без оснований отмечал Бутрос Гали, «хотя Бург был руководителем израильской команды, ведущей переговоры о самоуправлении для палестинцев на Западном берегу и в районе Газы, было очевидно, что он ничего не знает о палестинцах. Он говорил так, словно их вообще не существовало на Западном берегу, в Газе и Иерусалиме». «Бург, который избежал казни в нацистском лагере и появился в арабском мире, не зная ни-

чего об арабах и Ближнем Востоке, продолжал не знать ничего о них после стольких лет, проведенных в регионе», — с горечью отмечал египетский министр[176].

Нужно отметить и тот факт, что любое решение, которое бы приняла данная комиссия, должно было утверждаться в межминистерской комиссии по оборонным вопросам (так называемом внутреннем кабинете), состоящей из одиннадцати членов правительства, среди которых большинство поддерживали позицию М. Бегина.

Еще одним подтверждением того, что никаких реальных целей перед делегацией на переговорах не ставилось, явились инструкции, данные ее членам лично премьер-министром[177]. М. Бегин ни при каких условиях не допускал возможности упразднения израильской военной администрации (что противоречило положениям «Рамочного соглашения» между Израилем и Египтом); более того, в компетенции избранных в совет палестинской автономии лиц должны были находиться только вопросы образования и социальной политики; у совета не должно было быть законодательных полномочий (что было весьма вольной трактовкой понятия «полная автономия», зафиксированного в «Рамочном соглашении»); вопросы обеспечения безопасности должны были полностью остаться в компетенции Армии обороны Израиля; Израиль должен был сохранить за собой монопольное владение государственными землями и источниками пресной воды, которые планировалось использовать в том числе и для дальнейшего строительства еврейских поселений. Однако, учитывая прецедентное решение Верховного суда по делу Элон-Море, М. Бегин подчеркнул, что частные земли экспроприироваться не будут, кроме как исключительно для военных нужд.

Эти инструкции вызвали острые разногласия среди самих членов комиссии. В частности, против них выступил министр обороны Эзер Вейцман, в прошлом — командующий военно-воздушными силами страны (спустя полтора десятилетия, в 1993 году, Э. Вейцман был избран президентом Израиля, однако к тому времени его политические взгляды претерпели значительные изменения). Он считал, что, только согласовав свои действия с Египтом, Израиль может добиться результатов на переговорах. Однако его мнение было проигнорировано. В мае 1979 года правительство Израиля одобрило тезисы М. Бегина как внутренние секретные инструкции для членов комиссии. Как представляется, центральным тезисом одобренных инструкций был следующий: «Израиль будет настаивать на предоставлении автономии людям [палестинским арабам], а не территории». Представляется, что спустя пятнадцать лет именно этот принцип лег в основу той карты зонального деления территорий Западного берега на районы с различным политическим статусом (от зоны «А», полностью переданной под контроль ПНА, до зоны «С», и гражданские и военные полномочия в которой Израиль сохранил за собой), который был выработан в ходе переговоров Осло. Под контроль Палестинской администрации передавался тот минимум территорий Западного берега, который позволял ПНА руководить жизнью почти всего арабского населения этих территорий; незаселенные же территории Израиль почти все оставил под своим контролем, хотя так и не распространил на них свой суверенитет (см. далее).

Когда группа переговорщиков во главе с Йосефом Бургом начала свои встречи с представителями Египта и США, стало очевидным, насколько разное восприятие и понима-

ние тезисов «Рамочного соглашения» существует у представителей Египта и Израиля. В январе 1980 года египетские лидеры сформулировали свою позицию и свое понимание проблемы[178]. В документе, опубликованном египетской стороной, содержалось требование роспуска израильской военной администрации, хотя и выражалась готовность смириться с существованием израильских военных баз в определенных районах. Очень важным было требование распространить юрисдикцию властей предполагаемой палестинской автономии также и на Восточный Иерусалим. Египтяне возражали против выведения территорий, на которых были созданы еврейские поселения, из-под юрисдикции палестинской автономии. Кроме того, позиция Египта содержала требование предоставить властям автономии право законодательной деятельности, а также право самостоятельного контроля над въездом и выездом из автономии (включая право выдавать собственные удостоверения личности). В этом документе также оговаривался ряд технических вопросов функционирования будущей администрации автономии. Опубликование Египтом этой позиции, не имевшей шансов на согласование с позицией Израиля, означало, что переговоры зашли в тупик.

Таким образом, ключевыми пунктами, по которым обнаружились противоречия между Израилем и Египтом, были: характер автономии — «автономия для людей» или «автономия для территории»; проблема Восточного Иерусалима; проблема поселений; полномочия властей автономии.

Неудача переговоров стала одной из основных причин политического кризиса в работе правительства М. Бегина, из которого последовательно вышли два ключевых министра: Моше Даян (23 октября 1979 года) и Эзер Вейцман (26 мая 1980 года). В то же время на обсуждение кабинета были вне-

сены несколько инициатив, исходивших от военных и призванных вывести переговорный процесс из тупика.

Первая инициатива, озвученная в марте 1980 года, исходила от советника министра обороны профессора Моше Маоза и командующего израильскими силами в секторе Газы Ицхака Сегева. Инициатива эта основывалась на стремлении максимально подключить Египет к переговорному процессу, усилив его влияние в секторе Газы в противовес влиянию ООП. Кроме того, предполагалось фактически отделить обсуждение будущего сектора Газы от обсуждения судьбы Западного берега, опять-таки с целью ослабить ООП. Однако исследовательский отдел военной разведки Израиля, чье мнение запросил министр обороны, не рекомендовал претворение этого предложения в жизнь как из-за опасения перед скоординированными действиями Египта и ООП, так и из-за твердого убеждения египтян, что сектор Газы и Западный берег должны представлять собой единое целое. Кроме того, как отмечает Ш. Газит, даже если бы это предложение легло на стол премьер-министру, М. Бегин никогда не поддержал бы его, однозначно восприняв как первый шаг на пути к отделению сектора Газы от Израиля[179].

Еще одна инициатива исходила от советника министра обороны Авраама Тамира[180]. По сути, она представляла собой предложение изменить формат и тактику ведения переговоров. Прежде всего, А. Тамир считал, что малопродуктивную команду переговорщиков из разных партий необходимо заменить всего тремя ключевыми министрами, с обязательным участием министров обороны и иностранных дел. Он также предлагал отложить решение всех принципиальных вопросов, по которым существуют разногласия, сосредоточившись на единственно достижимой, как казалось, на том этапе цели — создании местной Палестинской авто-

номной администрации. Касаясь ключевых тем, А. Тамир предлагал компромиссные варианты:

- участие жителей Восточного Иерусалима в выборах администрации автономии без формального изменения статуса города (что, кстати, и имело место в январе 1996 года, когда ПНА таки была создана и прошли первые выборы в палестинский Законодательный совет);
- предоставление властям автономии права законодательной деятельности при сохранении за Израилем права вето (когда Законодательный совет ПНА почти два десятилетия спустя таки был создан, никакого права вето на его решения Израиль не получил);
- роспуск израильской военной администрации, но обеспечение интересов безопасности некими другими методами (израильская администрация на контролируемых территориях существует до сих пор).

Эти предложения А. Тамира исходили из того, что причина тупика в переговорах лежала в неверной тактике их ведения, а не в политико-идеологических взглядах М. Бегина, который едва ли согласился бы на какие-либо шаги, ведшие (пусть и в отдаленной временной перспективе) к образованию независимого палестинского государства. Вместе с тем на протяжении долгих лет М. Бегин не менее страстно отрицал возможность возвращения Синайского полуострова Египту, на что он в конечном счете пошел. Поэтому, несмотря на очевидные идеологические причины, препятствовавшие прогрессу на переговорах о создании палестинской автономии, значимость тактических факторов, относящихся к их ведению, не следует недооценивать.

В октябре 1979 года Моше Даян подал в отставку: «Ведущиеся сегодня переговоры никуда не ведут... я не согла-

сен ни с манерой ведения переговоров, ни с нашей политикой на территориях…» В мае 1980 года в отставку подал министр обороны Эзер Вейцман, заявив на заседании кабинета: «Вместо того чтобы медленно, но двигаться к миру, мы топчемся на месте…»[181] Однако даже отставка двух ключевых министров не привела к изменению политики правительства.

Уйдя из правительства, М. Даян не оставил политическую деятельность и вскоре разработал собственный план создания автономии. Часть идей, на которых М. Даян основывал свой план, была не нова. Одним из центральных его тезисов было положение о необходимости экономической интеграции без аннексии Западного берега и Газы, но и без отступления с этих территорий. Кроме того, он полагал, что договориться с Египтом о создании автономии будет невозможно, поэтому важнее двигаться не в этом направлении, а попытаться найти решение проблемы палестинских беженцев[182]. Свои идеи М. Даян обсуждал с некоторыми наиболее авторитетными палестинскими лидерами, в частности с мэром города Газы Рашидом аш-Шауа. Р. аш-Шауа не высказал поддержки возможным односторонним действиям Израиля, а также предъявил ряд требований (в частности, создания свободного коридора между Западным берегом и сектором Газы), неприемлемых с военной точки зрения.

Несмотря на то что поддержки своим предложениям среди палестинских общественных деятелей М. Даян не нашел, он представил свой план на обсуждение в кнесет (членом правительства он, напомним, уже не был). Согласно этому плану, контроль над Западным берегом и сектором Газы должен был оставаться в руках Израиля, чтобы в случае необходимости израильское руководство могло вернуть в тех или иных местах прежний режим управления. Само-

управление и автономия предполагались для людей, но не для территорий (это была прямая уступка М. Бегину, сделанная с целью повысить привлекательность этого плана в его глазах и в глазах парламентского большинства). За обеспечение безопасности на этих территориях по-прежнему должна была отвечать израильская Общая служба безопасности (ШАБАК), а Армия обороны Израиля, как и прежде, должна была оставаться в стратегически важных местах на Западном берегу и в секторе Газы. Полномочия, передаваемые местным властям, должны были включать в себя сферы сельского хозяйства, здравоохранения, транспорта, финансов и поддержания общественного порядка (речь шла о создании палестинской полиции). Самые важные для Израиля темы — такие, как контроль над землями и источниками пресной воды, а также вопрос о статусе еврейских поселений — предлагалось обсуждать в ходе последующих переговоров уже после создания палестинской автономии и формирования ее администрации. Анализируя предложения скончавшегося в 1981 году Моше Даяна, невозможно не заметить, насколько они были практически тождественны тем договоренностям, которые были достигнуты в ходе процесса Осло.

Важное отличие плана М. Даяна от тезисов «Рамочного соглашения» состояло в том, что, во-первых, не предполагалось упразднение израильской военной администрации, а во-вторых, не ставилось жестких временных рамок, которые изначально были нереалистичны. М. Даян очень надеялся, что М. Бегин поддержит его предложения. Специально для этого в план были включены пункты об «автономии для людей, а не для территорий», сохранение контроля над вопросами безопасности в руках Израиля, а также сохранение военной администрации. Однако премьер-министр не под-

держал инициативу М. Даяна, которая была для него «первым шагом» к созданию автономного, а в будущем, возможно, и независимого палестинского государственного образования. 24 декабря 1980 года план М. Даяна был формально отклонен на голосовании в кнесете. Фактически на тот момент это означало окончание переговоров по созданию любой формы палестинской автономии на Западном берегу и в секторе Газы.

Создание гражданской администрации

Параллельно с шедшими переговорами об автономии израильское руководство, обеспокоенное ростом влияния ООП в палестинских городах, решило создать и укрепить альтернативную палестинскую элиту, на которую можно было бы тактически опереться в противодействии ООП.

Было принято решение создать так называемый союз 74 деревень в Хевронском округе[183]. Этот союз, во главе которого встал Мустафа Дудин, бывший иорданский министр труда, должен был стать опорой израильских властей и служить противовесом радикальному мэру Хеврона, избранному в ходе муниципальных выборов 1976 года. Среди задач союза было разрешение конфликтов среди местного населения, обеспечение кооперации и сотрудничества деревень для улучшения экономической ситуации, предоставление израильским властям советов при принятии того или иного решения.

Эта организация рассматривалась израильскими властями как эксперимент, который в случае своего удачного развития мог быть распространен на другие округа. После победы (пусть и с минимальным перевесом) «Ликуда» на вы-

борах в кнесет в 1981 году Менахем Бегин вновь сформировал правительство, в котором пост министра обороны занял Ариэль Шарон. Он счел эксперимент с союзом деревень успешным, и аналогичные организации были созданы в округах Рамаллы и Вифлеема (Бейт-Лехема).

4 октября 1981 года правительство Израиля одобрило идею А. Шарона разделить военную и гражданскую администрации на Западном берегу и в секторе Газы[184]. Как официально заявлялось, гражданская администрация должна взять на себя те полномочия, которые предполагалось передать властям автономии. Главой гражданской администрации на территории Западного берега был назначен профессор Менахем Мильсон, а на территории сектора Газы — генерал Йосеф Лунц. Сам не поддерживавший идею разделения администраций, М. Мильсон все же согласился занять этот пост, надеясь, что сможет реализовывать свои планы и что политическое руководство не будет чрезмерно вмешиваться в его деятельность. Свою цель М. Мильсон видел в поощрение союзов деревень, в создании и развитии местной элиты, лояльной Израилю и оппозиционной ООП.

В реальности же оказалось, что у М. Мильсона практически не было полномочий и финансовых средств для реализации хоть сколько-нибудь масштабной политики. Более того, многие руководители Израиля не совсем понимали, для чего была создана гражданская администрация и к чему ее деятельность в итоге может привести. Это непонимание выражалось в отказе увеличить ее бюджет; фактически всех финансовых средств, имевшихся в распоряжении гражданской администрации Западного берега, хватало лишь на организацию в ограниченном масштабе работ по развитию инфраструктуры: прокладку дорог, строительство школ, больниц и систем водоснабжения.

В то время как гражданская администрация могла опираться исключительно на представителей союзов деревень, существовавших в нескольких округах, ей противостояли сразу несколько сил, среди которых были лидеры ООП и поддерживавшие их радикально настроенные мэры городов и студенты университетов, а также власти Иордании, видевшие в деятельности союза деревень угрозу своей борьбе за возвращение утерянных в 1967 году территорий. Против создания гражданской администрации выступал и ряд политиков внутри самого Израиля, опасавшихся, как бы ее действия не открыли путь к созданию автономного или даже независимого палестинского образования.

В марте 1982 года на Западном берегу и в секторе Газы начались серьезные выступления протеста против гражданской администрации. Мэр города Эль-Бире отказался сотрудничать с ней и был смещен с должности и временно заменен израильским офицером. Мэры многих палестинских городов публично заявили о своем намерении бороться с гражданской администрацией. Хотя в течение последующих нескольких недель были арестованы и смещены со своих постов еще несколько мэров, волнения распространялись на все новые и новые города Западного берега. Дестабилизация ситуации на Западном берегу привела к отставке Менахема Мильсона и назначению на пост главы гражданской администрации в сентябре 1982 года полковника Игаля Кармона.

В секторе Газы также начались волнения. Помимо собственно факта создания гражданской администрации, их причинами послужили попытка собрать недоимки по налогу на добавленную стоимость, а также постепенный отход Израиля с Синая и перспектива разделения города Рафиаха на две части между Израилем и Египтом (так как грани-

ца между странами проводилась по британской мандатной границе безотносительно к последующим тенденциям развития ситуации).

Можно привести несколько причин того, что деятельность гражданской администрации в первые годы после ее создания была неудачной. Прежде всего, едва ли удачным было само назначение на пост ее главы М. Мильсона, который фактически не имел возможностей проводить ту политику, которую сам он считал перспективной. Вероятно, что еще одна причина неудачи гражданской администрации кроется в ее попытке создания альтернативной палестинской элиты, что не могло не вызвать раздражения и, как следствие, конфронтации с мэрами городов, поддерживавших ООП. Кроме того, гражданская администрация не смогла предотвратить отдельные провокационные действия со стороны радикально настроенных израильских поселенцев по отношению к палестинцам, что также подорвало доверие к ней местного населения. Наконец, само создание израильской гражданской администрации вместо обещанной палестинской автономии, о которой говорилось в «Рамочном соглашении» между Израилем и Египтом, вызвало горечь и разочарование местных арабских лидеров. Все эти причины, сложившись вместе, привели к провалу деятельности гражданской администрации. Между тем израильское руководство не сочло нужным вернуться к прежней модели управления. В таком виде, разделенная на военную и гражданскую, израильская администрация на контролируемых территориях просуществовала вплоть до начала первой интифады.

ГЛАВА IV

Контролируемые территории в свете общественного мнения (1977–1987)

В 1967–1987 годах социологические опросы о судьбе контролируемых территорий проводились в Израиле редко и зачастую бессистемно. Достоверные социологические данные существуют лишь за период с октября 1973 по сентябрь 1979 года; они были собраны ныне уже не существующим Институтом прикладных социальных исследований им. Л. Гутмана, располагавшимся в Иерусалиме. В 1967–1973 и в 1980–1985 годах подобные опросы не проводились; они были возобновлены лишь в феврале 1986 года.

Опросы, проводившиеся после Войны Судного дня и по сентябрь 1979 года включительно, фиксировали, что готовность большинства израильтян к территориальным уступкам на Западном берегу (в Иудее и Самарии) была ограниченной, хотя и не пренебрежимо малой. Так, на протяжении пятнадцати (!) опросов общественного мнения доля тех, кто выступал за полный уход из Иудеи и Самарии, ни разу не превысила 14% (данные опроса, проведенного в марте 1976 года), а тех, кто выступал за уход со всех или с большинства территорий, — 29% (данные за январь 1975 года); в среднем же таковых было 15–20%. С другой стороны, лишь дважды доля опрошенных, выступавших против каких-либо территориальных уступок в Иудее и Самарии, превысила 50% (сразу после Войны Судного дня, в октябре 1973 года и в сентябре 1976 года), при том что от 30 до 50% опрошенных выражали готовность к некоторым территориальным уступкам ограниченного масштаба[185]. Как размытость критериев (трудно знать наверняка, как именно интерпретировали опрошенные предложения «вернуть большую часть», «вернуть значительную часть», «вернуть меньшую часть»), так и непостоянство

результатов опросов являются отчетливыми индикаторами той ментальной сумятицы, в которой пребывали большинство израильтян относительно данной проблемы.

Этот вывод подтверждается и таким косвенным индикатором, как анализ итогов парламентских выборов. Проблема Западного берега и сектора Газы фигурировала в программах всех без исключения политических партий. Следовательно, рассмотрев позиции партий по этому вопросу и соотнеся их с результатами голосования, можно сделать вывод, какие же настроения преобладали в обществе в тот или иной период времени.

Так, партия «Ликуд» во главе с Менахемом Бегином и сменившим его в 1983 году Ицхаком Шамиром, равно как и Национально-религиозная партия, шли на выборы под лозунгом «великого Израиля», выступая за сохранение израильского контроля над Западным берегом и сектором Газы и их возможную аннексию, а также за создание новых и расширение уже созданных еврейских поселений в этих районах. Партия труда, напротив, акцентировала внимание избирателей на том, что контролируемые территории несут в себе демографическую угрозу и не могут быть аннексированы. Так или иначе, поддерживая территориальный компромисс, Партия труда (начиная со второй половины 1970-х годов) и особенно маленькие левые партии (РАЦ, ШЕЛИ и другие) последовательно выступали против лозунгов «Ликуда» и религиозных сионистов.

Анализ итогов выборов демонстрирует, что вопрос о судьбе контролируемых территорий буквально раскалывал израильское общество надвое. Примерно половина населения поддерживала идеи правых и религиозных партий о сохранении контроля над Западным берегом и сектором Газы и их заселении, тогда как вторая половина выражала готов-

ность к определенным уступкам. Раз за разом электоральные кампании заканчивались «вничью»: в 1981 году разница между двумя ведущими партиями составила всего один мандат (48:47 в пользу «Ликуда»), в 1984 году — три (44:41 в пользу Партии труда), в 1988 году — вновь всего один (40:39 в пользу «Ликуда»). В этих обстоятельствах политического равновесия ни один, ни другой лагерь не мог пойти ни на какие резкие шаги в ту или иную сторону, тем более принимая во внимание факт существования в 1984–1990 годах так называемого правительства национального единства, в которое входили и Партия труда, и «Ликуд». В результате, несмотря на поляризацию взглядов представителей обоих лагерей (стремление правых к дальнейшему развитию поселенческой деятельности росло пропорционально стремлению левых добиться прекращения израильского контроля над территориями, которые все чаще именовались «оккупированными»), в практической сфере сложившееся положение вещей сохранялось. Лишь после выборов 1992 года, когда Партии труда во главе с Ицхаком Рабином удалось добиться перевеса над «Ликудом» в двенадцать мандатов и сформировать левоцентристскую правительственную коалицию, появилась возможность для кардинальных шагов по изменению статус-кво. Однако к Соглашениям Осло израильское руководство пришло лишь спустя более чем четверть века (!) после обретения контроля над территориями, проблему которых решить за это время так и не удалось; скорее напротив, ситуация становилась все более проблематичной.

Глава V

ПЕРВАЯ ИНТИФАДА И ПРОЦЕСС ОСЛО (1987–1996): НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Начало интифады и отказ Иордании от Западного берега

Первая палестинская интифада, начавшаяся в декабре 1987 года, стала поворотной точкой и одновременно точкой невозврата в израильской политике на контролируемых территориях. Период первой интифады, хотя и относительно короткий, крайне важен, так как в течение этих шести лет (с декабря 1987 по октябрь 1993 года) произошли кардинальные перемены как в израильской политике и общественном мнении, так и на международной арене.

Характеризуя собственно интифаду, необходимо отметить, что израильская элита, как политическая, так и военная, не смогла верно оценить положение и возможные перспективы развития этого кризиса. Интифада, как ни горько это признать, стала полным сюрпризом для израильского руководства. Более того, армейское руководство в течение продолжительного времени считало, что сможет сравнительно легко подавить новую волну беспоряд-

ков, подобно тому, как это делалось в прошлом. Политическое же руководство страны, представленное правительством национального единства, в котором ключевые роли играли И. Шамир, И. Рабин и Ш. Перес, не было готово признать, что инициатива больше не находится в руках Израиля и что необходимо кардинально изменить всю израильскую политику по отношению к Западному берегу и сектору Газы.

Принято считать, что интифада началась достаточно случайно: 8 декабря 1987 года неподалеку от лагеря беженцев Джебалия, расположенного в секторе Газы, израильский грузовик врезался в легковую машину, в которой сидели четыре палестинца. Все четверо скончались на месте. Демонстрация протеста, начавшаяся на следующий день, за несколько дней распространилась по всему сектору Газы и перекинулась на города и деревни Западного берега[186]. В других источниках подробности оказываются несколько иными: то ли это была не легковая машина, а фургон и, кроме четверых погибших, было еще и семь раненых, то ли беспорядки начались еще до этой злосчастной аварии, то ли вообще «израильский грузовик въехал прямо в толпу», как сообщил некто Евгений Пастухов в казахском журнале «Континент»[187]. А иногда версии начала интифады выглядят просто комичными; вот, например, что говорилось об этом спустя восемнадцать лет в одной из израильских русскоязычных газет: «7 декабря 1987 года солдат-резервист, разворачивая свой автомобиль в лагере беженцев Джебалия в секторе Газы, случайно задел машиной осла и нескольких палестинцев — это небольшое происшествие повлекло за собой первую интифаду, а за ней военно-политически-историческую неразбериху (Норвежские соглашения, вторая интифада и т.п.)»[188]. Формулировка об

«осле и нескольких палестинцах», конечно, должна быть запатентована, однако проблема состоит в том, что реальные причины начала интифады так и не были установлены. Все, что говорится на эту тему разными авторами, является не более чем попыткой найти рациональное объяснение произошедшим событиям, которое бы звучало более или менее достоверно[189].

Суммируя настроения среди палестинцев, Ш. Газит выделяет четыре основные причины интифады: во-первых, израильские контртеррористические меры, осуществляемые армией, такие как аресты, высылки, закрытия школ и университетов, в которых наиболее активно велась антиизраильская пропаганда; во-вторых, израильская поселенческая политика; в-третьих, ухудшение экономического положения, которое привело к росту и без того высокой безработицы; наконец, в-четвертых, изменение демографического положения, которое привело к значительному увеличению доли молодого населения[190]. Характер этих причин, особую роль среди которых, по-видимому, играет демографический фактор, определил крайнюю неэффективность применения карательных действий по отношению к местному населению. Интифада приобрела характер не отдельных столкновений, а партизанской войны, которую регулярная армия едва ли может выиграть и едва ли должна вообще вести[191].

В волнениях особенно активно участвовало молодое население. В первые дни участники протеста бросали камни в израильских солдат, жгли покрышки и призывали новые силы, и в их числе женщин и детей, примкнуть к рядам восставших. События первых дней интифады привели к появлению формулировки, поддерживаемой и распространяемой арабскими СМИ: «Противостояние *силы слабости* палестинского народа и *слабости силы* израильского прави-

тельства». Второй после Ясира Арафата человек в иерархии ООП Халиль эль-Вазир (Абу-Джихад), которого израильтяне, несмотря на факт его проживания в Тунисе, считали главным идеологом интифады (он был убит силами израильского спецназа в ночь с 15 на 16 апреля 1988 года[192]), выступал за «двухуровневое» ведение партизанской войны, которая должна была включать как использование простых подручных средств (рогаток, бутылок с зажигательной смесью и др.), так и формирование армейских батальонов из хорошо натренированных активистов для проведения рейдов на территорию Израиля.

Израильские «силовики» считали, что спонтанное начало волнений было лишь видимостью, призванной поддержать имидж восстания как «выражения истинного желания широких масс, превративших этап вооруженной борьбы в массовую борьбу». Утверждалось, что на самом деле демонстрации протеста организовывались и поддерживались созданным в середине 1986 года подпольным формированием под названием «Особое национальное командование» (ОНК), которое было связано с руководством ООП[193].

Однако многое говорило в пользу того, что начало интифады явилось полной неожиданностью и для руководства ООП, и для короля Иордании Хусейна, который получил наглядное доказательство того, сколь малым было влияние политики его правительства на население Западного берега. Народные волнения грозили охватить ряды палестинского населения самой Иордании. Реакция Иордании последовала незамедлительно. Хусейн в очередной раз предложил возобновить диалог с ООП и сформировать совместную иордано-палестинскую делегацию для участия в мирных переговорах. (11 апреля 1987 года Шимон Перес выработал проект соглашения с королем Хусейном, которое, однако, было тор-

педировано премьер-министром Израиля И. Шамиром и не было реализовано[194]). В то время палестинские лидеры отклонили это предложение (они примут его спустя четыре года, когда для участия в Мадридской мирной конференции по Ближнему Востоку будет сформирована совместная иордано-палестинская делегация, см. далее).

С этого момента дальнейшие действия короля Иордании были направлены в одну сторону — на как можно более скорое политическое размежевание между территорией мятежного Западного берега и иорданским королевством. 28 июля 1988 года он отменил пятилетний план развития инфраструктуры территории Западного берега. 31 июля 1988 года Хусейн заявил о прекращении административных и иных связей своей страны с Западным берегом Иордана. В этом заявлении, в частности, говорилось: «Попытка создания независимого Палестинского государства, помимо стремления руководства ООП воплотить в жизнь право палестинского народа на владение Палестиной, означает отсечение территории Западного берега от Хашимитского королевства Иордании. Мы уважаем и признаем желание ООП, единственного законного представителя палестинского народа, разорвать связь с Иорданией и создать независимое Палестинское государство. Предпринимаемые нами шаги относятся исключительно к захваченной палестинской земле и к палестинскому народу, а не к иорданским гражданам палестинского происхождения, проживающим на территории иорданского королевства. Следует помнить, что Иордания — это не Палестина»[195]. К тому времени, когда прозвучало это заявление, Иордания уже более двадцати одного года не владела территориями Западного берега, однако все эти годы король Хусейн надеялся вернуть их. После начала интифады и срыва Лондонского соглашения, а также пред-

шествовавшего ему Амманского соглашения между Иорданией и ООП, подписанного 10 февраля 1985 года[196], король Иордании счел, что стремление вернуть журавля может поставить под угрозу владение им не такой уж и малозначительной синицей. В результате он смирился с тем, что территории, которые армии его деда эмира Абдаллы удалось завоевать в ходе войны 1948 года, утеряны для Иордании безвозвратно.

Изменилась и политическая линия Ясира Арафата. В ноябре 1988 года он объявил о признании резолюция ООН № 242 и № 338 и согласии на создание Палестинского государства, но не вместо Израиля, а рядом с еврейским государством. Впервые за многие десятилетия замаячила надежда на начало прямого политического диалога между Израилем и ООП. Представляется, что если бы не иракская агрессия против Кувейта в августе 1990 года, когда ООП стала едва ли не единственной силой, поддержавшей Саддама Хусейна*, этот диалог начался бы быстрее, однако ключевым фактором было, как отмечалось выше, завершение в 1992 году «электоральной ничьей» между право- и левоцентристскими силами в Израиле, позволившее Партии труда сформировать правительство без представителей «Ликуда» и других правых партий.

* Это обернулось для нее, как и для многих палестинцев, работавших в странах Персидского залива, тяжелыми последствиями: после победы антииракской коалиции ООП лишилась дипломатической поддержки и многих финансовых поступлений, перечисляемых палестинцами диаспоры.

Дипломатия США и политика правительства национального единства

Серьезные изменения произошли и в самом Израиле. Интифада, хотя и значительно усилившая враждебность между двумя народами, привела многих к осознанию того, что контроль над Западным берегом и сектором Газы не может длиться сколь угодно долго. По причине невозможности справиться с волнениями привычными силовыми методами, интифада породила в израильском обществе и в политической элите чувство неуверенности как в собственных силах, так и в правильности применявшихся годами подходов к контролируемым территориям.

Интифада, с одной стороны, и изменения политической линии Иордании и ООП, с другой настолько резко изменили политическую обстановку, что возможность созыва мирной конференции уже отнюдь не казалась несбыточной. В новогоднем обращении к палестинскому народу в начале 1988 года Я. Арафат указал три главные цели: возвращение палестинских беженцев, самоопределение палестинского народа и основание независимого Палестинского государства со столицей в Иерусалиме. 9 января 1988 года Исполком ООП призвал к созыву мирной конференции.

Израильская политическая элита, формально объединенная в тот период в рамках правительства национального единства, на самом деле была расколота. Имея зачастую противоположные взгляды на проблемы, стоявшие перед страной, а также находясь в натянутых отношениях друг с другом, израильские руководители — Ицхак Шамир, Ицхак Рабин и Шимон Перес — не могли выработать консолидированной позиции. И. Шамир выступал за сохранение статус-кво и продвижение по пути фактической аннексии контро-

лируемых территорий, И. Рабин был готов согласиться на некоторую форму палестинского самоуправления, а Ш. Перес в свою очередь всячески лоббировал идею достижения сепаратной договоренности с королем Иордании Хусейном.

В то же время на Ближнем Востоке значительно усилилась дипломатическая активность США, которые предложили несколько планов мирного урегулирования[197], ключевыми из которых были план госсекретаря Дж. Шульца в марте 1988 года и план сменившего его на посту главы Госдепартамента Дж. Бейкера, представленный в октябре 1989 года.

Важным американским планом, выдвинутым 4 марта 1988 года, был «план Шульца»[198]. Инициатива эта основывалась на Кемп-Дэвидских соглашениях Израиля и Египта от 1978 года, однако термин «автономия», из дипломатических соображений большей привлекательности плана, в нем прямо не упоминался. Госсекретарь США Дж. Шульц разделил реализацию своего плана на три этапа. Первым этапом должна была стать международная конференция, причем провести ее предполагалось в самые кратчайшие сроки. В ней должны были участвовать страны — постоянные члены Совета Безопасности ООН, Израиль, Египет и объединенная иордано-палестинская делегация. Цель этой международной конференции была в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить принимаемым решениям и проводимой политике международную легитимацию, а с другой — подтолкнуть участников конференции, непосредственно вовлеченных в конфликт, к прямым двусторонним переговорам. (Ровно в таком формате и с такими целями была созвана в конце 1991 года Мадридская конференция.) После завершения конференции предполагалось начать прямые переговоры между Израилем и иордано-палестинской делегацией.

В рамках этой стадии должно было быть достигнуто соглашение о трехлетнем переходном периоде, в течение которого велись бы переговоры о постоянном статусе Западного берега и сектора Газы.

Хотя США представили свой проект как «справедливый, реалистичный, сбалансированный и учитывающий интересы всех сторон», реакция и арабских стран, и Израиля была неоднозначной. Реакция Я. Арафата на инициативу Дж. Шульца была отрицательной, поскольку она не предусматривала прямого участия ООП в конференции в качестве независимого игрока. Единственным арабским лидером, недвусмысленно поддержавшим американское предложение, был президент Египта Х. Мубарак.

Как только израильское руководство начало обсуждать план Дж. Шульца, оно немедленно оказалось перед опасностью раскола. В то время как Шимон Перес поддерживал инициативу Госсекретаря США, Ицхак Шамир был против. Он рассматривал международную конференцию как опасный со стратегической точки зрения шаг, цель которого — заставить Израиль вернуться к границам 4 июня 1967 года. Кроме того, И. Шамир категорически отвергал сам принцип «мир в обмен на территории». В ответ на план Дж. Шульца И. Шамир выдвинул собственные идеи. Он предложил начать прямые двусторонние переговоры между израильской и иордано-палестинской делегациями без прямого вмешательства супердержав. При этом палестинские члены совместной делегации не должны были принадлежать к ООП, с которой И. Шамир никаких переговоров вести не собирался, так как видел в ней исключительно террористическую организацию. Целью переговоров премьер-министр ставил достижение мирного договора с Иорданией, а также определение «будущего арабов Эрец-Исраэль».

Вместе с тем после того как в ноябре 1988 года ООП объявила о готовности признать Государство Израиль и отказе от террористических методов борьбы, была открыта дорога для ее прямых переговоров с США. Начался новый этап в ближневосточной дипломатии. Израильское руководство не могло не реагировать на происходившие изменения, хотя премьер-министр И. Шамир едва ли осознавал, что правые в случае продолжения их жесткой политики рискуют потерять власть (что и произошло в 1992 году). Главной целью И. Шамира было избавиться от жесткого давления администрации Дж. Буша—Дж. Бейкера, которое резко усилилось после войны в Персидском заливе в январе—марте 1991 года. Добившись успеха в формировании международной коалиции, которой удалось освободить Кувейт, американские руководители почувствовали, что им по плечу решение практически любых задач ближневосточной политики. Следующим, кто должен был, подобно Ираку, освободить «оккупированные территории», американцы выбрали Израиль.

Играть в эту игру Ицхак Шамир не хотел совершенно, предложив — скорее просто чтобы не портить окончательно и без того сложные на тот момент отношения с американскими руководителями — свою очень осторожную инициативу, являвшуюся, по сути, интерпретацией, с некоторыми изменениями, Кемп-Дэвидского соглашения 1978 года. По-прежнему отказываясь от любого диалога с ООП, И. Шамир предложил созвать под эгидой супердержав международную конференцию, в рамках которой Израиль начал бы прямые переговоры с палестинскими представителями, избранными населением Западного берега и сектора Газы. И. Шамир допускал возможность создания иордано-палестинской конфедерации, хозяйственная система кото-

рой была бы в некоторой степени интегрирована с хозяйственной системой Израиля. Как временное решение проблемы предполагалось установить некий период самоуправления, в течение которого Израиль был бы ответственен за вопросы безопасности и внешнюю политику.

Формально 14 мая 1989 года правительство Израиля одобрило этот план[199]. Однако сразу после этого И. Шамир столкнулся с серьезным противодействием как со стороны ряда правых партий, входивших в правительственную коалицию («Тхия», «Моледет», «Цомет»), так и внутри самого «Ликуда». Израильские правые особенно опасались неясности в вопросе о статусе Иерусалима, в частности, позволят ли жителям восточных районов города голосовать при выборах палестинских представителей и не приведет ли чрезмерная, по их мнению, гибкость И. Шамира к тому, что однажды Восточный Иерусалим также станет предметом переговоров по формуле «мир в обмен на территории». (Иерусалим стал предметом подобных палестино-израильских переговоров одиннадцать лет спустя, в июле 2000 года.)

Несмотря на одобрение плана переговоров, разногласия между ключевыми министрами правительства были настолько сильны, что обсуждение любой новой дипломатической инициативы или любой более или менее значимой проблемы приводило к правительственным кризисам, раз за разом ставившим коалицию на грань распада. Министры от двух ведущих партий последовательно проваливали предложения друг друга, постоянно предъявляя ультиматумы и встречные требования. Так, серьезный правительственный кризис произошел при обсуждении так называемых десяти пунктов Мубарака, из которых принципиальную важность имели два: Египет предлагал предоставить право голоса на будущих выборах палестинских представи-

телей не только жителям Западного берега и сектора Газы, но и палестинцам, проживающим вне контролируемых территорий, а также жителям Восточного Иерусалима. Министры от Партии труда были готовы принять предложения Х. Мубарака; более того, часть министров были готовы согласовать с Египтом состав палестинской делегации. Однако министры от «Ликуда» отвергали эти предложения.

Опубликование плана Дж. Бейкера в октябре 1989 года привело к новым разногласиям в израильском правительстве. Предложение Госсекретаря США предусматривало начало диалога между Израилем и палестинской делегацией, избранной жителями Западного берега и сектора Газы; планировалось, что переговоры будут проходить в Каире. В то время как лидеры Партии труда согласились с предложенным планом, лидер «Ликуда» премьер-министр И. Шамир выдвинул два условия, при которых он был готов согласиться одобрить инициативу США: во-первых, жители Восточного Иерусалима должны быть лишены права участия в выборах палестинских представителей; во-вторых, Израиль немедленно покинет переговоры, если станет известно об участии в них ООП, явно или скрыто. Условия, выдвинутые И. Шамиром, показались Ш. Пересу чрезмерными, он видел в этом желание сорвать всякий переговорный процесс. Начавшийся правительственный кризис оказался серьезным, и 15 марта 1990 года он завершился падением кабинета. Шестилетнее существование правительства национального единства подошло к концу.

Таким образом, с 1987 по 1990 год на фоне интифады американская дипломатия выдвинула две инициативы относительно начала переговорного процесса между Израилем и палестинцами. Обе инициативы в большей или меньшей степени основывались на тезисах и идеях «Рамочно-

го соглашения», подписанного Израилем и Египтом в 1978 году. Изменения, вносившиеся государственными секретарями США в эти тезисы, имели своей конечной и единственной целью сделать условия начала переговоров приемлемыми для обеих сторон — и для Израиля, и для палестинцев. По существу, никаких моделей решения проблемы будущего Западного берега и сектора Газы не предлагалось, предлагались только модели ведения переговоров.

Условия начала переговорного процесса значительно усложнялись из-за сложной внутриполитической ситуации в Израиле, где в течение всего рассматриваемого периода у власти находилось правительство, объединявшее министров самых различных политических взглядов. Любой значительный шаг, любая дипломатическая инициатива вызывали разногласия, грозившие распадом правительства. В результате никакая инициатива так и не была реализована, а на контролируемых территориях продолжалась прежняя политика, сочетавшая компоненты постепенной фактической аннексии с поддержанием статус-кво.

Мадридская конференция

30 октября 1991 года открылась Мадридская конференция. Она стала первой международной конференцией, в которой принимали участие представители всех заинтересованных сторон. Отличительной особенностью Мадридской конференции было формальное участие в ней единой иордано-палестинской делегации (хотя де-факто единой она не была). Палестинскую группу в иордано-палестинской делегации возглавлял д-р Хайдар Абд эль-Шафи из Газы. Несмотря на протесты Израиля, представители палестинской делегации

хоть и были выбраны из числа жителей территорий, «не связанных с руководством ООП», находились в постоянной телефонной связи со штаб-квартирой ООП в Тунисе.

Несмотря на то что в этот период у власти стояло правительство Ицхака Шамира, включавшее представителей исключительно правых партий («Ликуда», Национально-религиозной партии, объединения религиозных сефардов-традиционалистов ШАС и ультраправой «Моледет»), Израиль согласился с американской инициативой проведения международной конференции. У Ицхака Шамира не было выбора — американское давление было очень сильным. Парадоксальным образом, лидеры Партии труда, столь долго выступавшие за участие Израиля в мирной конференции, когда такая конференция наконец состоялась, оказались отстраненными от участия в ней. Напротив, Ицхак Шамир, сделавший все, чтобы эта конференция не состоялась, лично возглавил израильскую делегацию и выступил на конференции с яркой речью.

Международная ситуация в то время благоприятствовала проведению подобной конференции и началу двусторонних переговоров. Во-первых, внешняя политика Советского Союза претерпела серьезные изменения в период перестройки. В конце 1991 года были возобновлены разорванные еще в июне 1967 года дипломатические отношения СССР с Израилем. Лишившись безоговорочной советской дипломатической и военной поддержки, на участие в конференции согласилась Сирия. Во-вторых, поддержка ООП Саддама Хусейна и поражение последнего в первой войне в Персидском заливе привели к катастрофическому ухудшению позиций ООП в глазах мирового общественного мнения и в том числе в арабских странах, которые поддерживали в войне коалицию во главе с США. Значительно сократи-

лись и финансовые поступления в кассу ООП от палестинцев диаспоры. В-третьих, после распада Советского Союза США остались единственной сверхдержавой, которая могла играть активную координационную и посредническую роль на Ближнем Востоке.

Сложная система переговоров, разработанная участниками конференции, была призвана «соединить несоединимое», то есть решить все аспекты проблемы сразу, решая их по частям. В ходе работы конференции было принято решение вести переговоры по двум направлениям одновременно: первое направление включало двусторонние переговоры Израиля с соседними странами (для этого были сформированы комиссии по переговорам с Сирией, Ливаном и Иорданией, делегация которой включала представителей палестинцев), а второе направление предполагало ведение переговоров по наиболее важным проблемам региона (региональная безопасность, палестинская проблема, проблема водных ресурсов, экономические проблемы и т.д.).

До того как в июле 1992 года к власти в Израиле пришло лейбористское правительство во главе с И. Рабином, успели состояться пять раундов переговоров[200]. В целом все эти раунды можно охарактеризовать как бесплодные, поскольку никаких принципиальных решений на них принято не было. В первый раз после закрытия Мадридской конференции израильская и иордано-палестинская делегация встретились в Вашингтоне в декабре 1991 года. Палестинцы, входившие в объединенную делегацию, требовали, чтобы Израиль вел отдельные переговоры с иорданцами и отдельные переговоры — с ними при исключительно формальном сохранении единства делегации. Израильские представители на это не согласились, и в итоге этот раунд переговоров был фактически сорван.

Следующий раунд прошел также в Вашингтоне в середине января 1992 года. В ходе этих переговоров Израиль предложил палестинцам «ограниченное самоуправление под руководством временной администрации». Однако на этот раз переговоры были сорваны по причине угрозы выхода из коалиции двух малых правых партий — «Моледет» во главе с генералом в отставке Рехаваамом Зеэви и «Тхия» во главе с профессором Ювалем Неэманом.

В рамках принятого решения о ведении переговоров по двум направлениям одновременно в Москве в конце января 1992 года начались заседания совместных комиссий по проблемам региональной безопасности, окружающей среды и другим темам, утвержденным на Мадридской конференции. Однако эти переговоры были еще менее успешными, поскольку Сирия и Ливан отказались в них участвовать до тех пор, пока не будет достигнут какой-либо прогресс на переговорах собственно с Израилем. В свою очередь Израиль отказывался принимать участие в заседаниях в тех случаях, когда в состав участников переговоров включались представители палестинцев диаспоры, не проживавшие на контролируемых территориях[201].

В феврале 1992 года начался следующий раунд двусторонних переговоров Израиля с Сирией, Ливаном и иорданопалестинской делегацией. Израиль представил подробный план создания автономии, который, однако, не предусматривал ни вывод израильских войск, ни передачу поселений под палестинскую юрисдикцию. Израиль выделял двенадцать сфер, контроль над которыми перейдет к палестинской администрации в автономии: промышленность, торговля, социальное обеспечение, муниципальное самоуправление, образование, налогообложение, сельское хозяйство, туризм и некоторые другие области. Палестинская делегация отверг-

ла план Израиля как «попытку легитимизировать аннексию Западного берега и сектора Газы». Вместо этого палестинцы предложили немедленно провести выборы и сформировать парламент, который бы имел полную власть над Западным берегом и сектором Газы, еще до окончания переговоров.

Последний раунд переговоров, который вело правительство И. Шамира, состоялся в Вашингтоне в апреле 1992 года. На этих переговорах Израиль предложил провести на Западном берегу и в секторе Газы «пробные муниципальные выборы». Реакция палестинской стороны была отрицательной. По их словам, этот план не отражал их надежды на более широкое самоуправление. В июне 1992 года в Израиле состоялись парламентские выборы, на которых победила Партия труда, сформировавшая кабинет без «Ликуда» и других правых партий. С этого времени начался новый период в палестино-израильском переговорном процессе.

Ответ на вопрос, в чем же заключается причина провала всех раундов переговоров, состоявшихся за два года (с 30 октября 1991 по 30 апреля 1992 года), по-видимому, заключается в идеологии и характере правившей в тот период в Израиле коалиции «Ликуда» и малых правых партий («Тхия», «Цомет» и «Моледет»). Как и правительство М. Бегина, правительство И. Шамира не готово было обсуждать никакие предложения, выходящие за рамки формулы «автономии людям, а не территориям» (как это сформулировал М. Бегин).

От тайных переговоров — к церемонии у Белого дома

Как уже указывалось, начало секретных переговоров, приведших в итоге к подписанию в сентябре 1993 года в Ва-

шингтоне так называемого Соглашения Осло-1, было связано с изменением внутриполитической ситуации в Израиле, где в июне 1992 года было сформировано новое правительство во главе с И. Рабином (Ш. Перес занял пост министра иностранных дел). Если в течение пятнадцати лет, с 1977 по 1992 год, партия «Ликуд» входила в правительство либо как основная сила коалиции, либо как равный партнер лейбористов в правительстве национального единства, то на выборах 1992 года Партия труда получила достаточно голосов, чтобы сформировать кабинет без участия правых сил*.

За поражением «Ликуда» на парламентских выборах 1992 года стоит существенное изменение настроений избирателей, изменение приоритетов общества. Если в своей избирательной кампании правые по-прежнему делали акцент на идеологии, то лейбористы, правильно оценив настроения электората, сделали ставку на улучшение качества жизни, на вопросы экономики и социальной сферы. Благодаря

* При этом, однако, Партия труда и левый блок МЕРЕЦ в сумме получили только 56 мандатов — на пять мандатов меньше минимума, необходимого для того, чтобы правительство могло стабильно функционировать, не опасаясь вотумов недоверия в кнесете. С целью обеспечения стабильности коалиции в нее было предложено войти и религиозной партии ШАС. Выход ШАС из правительства 14 сентября 1993 года заставил И. Рабина искать поддержки депутатов—перебежчиков из правого лагеря, и именно их голосами, обмененными на портфели министра для Гонена Сегева и заместителя министра — для Алекса Гольдфарба, и были утверждены в кнесете в сентябре 2005 года Соглашения Осло-2. Позднее Г. Сегев был арестован и осужден за импорт в Израиль крупной партии наркотиков, а процедура утверждения соглашения «Осло–2» стала одним из центральных факторов, накаливших общественную атмосферу в период, предшествовавший убийству Ицхака Рабина.

этому Партия труда, вопреки изначальным прогнозам, получила большинство голосов выходцев из Советского Союза, прибывших в Израиль в ходе масштабной иммиграционной волны 1990–1991 годов[202]. Вместе с тем эта электоральная победа во многом стала возможной благодаря личности И. Рабина (на выборах 1977, 1981, 1984 и 1988 годов список Партии труда возглавлял Шимон Перес), который в ходе предвыборной кампании уделял особое внимание вопросам безопасности[203]. Следует отметить, что, даже голосуя за левоцентристскую Партию труда, израильские избиратели не голосовали ни за какие масштабные уступки, подобные заключенным спустя год с небольшим Соглашениям Осло: ни о чем подобном в предвыборной агитации И. Рабина не говорилось ни слова.

Ключевой фигурой в переговорах с ООП был заместитель министра иностранных дел Йоси Бейлин (впоследствии министр экономики и планирования, а затем министр юстиции, в 2004–2008 годах — лидер леворадикальной партии МЕРЕЦ), которого в то время активно поддерживал Шимон Перес. Кроме них, важную роль сыграли Ури Савир, Рон Пундик, Яир Хиршфельд, адвокат Йоэль Зингер и некоторые другие профессионалы, не входившие ни в состав кнесета, ни в состав правительства*.

Именно позиция Й. Бейлина, который полагал, что необходимо вести диалог не с не имеющими реальных рычагов управления представителями палестинцев с Западного

* В 1999 году Ури Савир был избран членом кнесета от только что возникшей Партии центра, откуда он добровольно уволился в марте 2001 года. Остальные ведущие участники переговоров, приведшие к подписанию Соглашений Осло, так и остались неизвестными широкой общественности и ни разу не баллотировались в выборные органы власти.

берега и сектора Газы, а напрямую с ООП, определила направление начавшихся в конце 1992 года тайных переговоров. Именно по предложению Й. Бейлина 1 декабря 1992 года был снят формальный запрет на ведение переговоров с Я. Арафатом[204]. Й. Бейлин был первым официальным израильским представителем, начавшим, при посредничестве норвежцев, осуществлять контакты с представителями ООП. Обладая аналитическими способностями и умением работать в команде, именно он на всем протяжении переговоров готовил для Ш. Переса аналитические записки с возможными сценариями выхода из тупиков, куда раз за разом заходил переговорный процесс, крайне сложный и болезненный для обеих сторон.

Ш. Перес подключился к переговорам с ООП весной 1993 года, став едва ли не главной движущей силой переговоров на этапе выработки израильской позиции. Однако, с другой стороны, Ш. Перес, пусть и бывший министром иностранных дел, экс-премьером и экс-министром обороны, не обладал необходимым политическим весом, не имел необходимого кредита общественного доверия, чтобы результаты, достигнутые им на переговорах, были бы приняты социумом. Обеспечить общественную легитимацию достигнутых соглашений мог только авторитет премьер-министра. «Подобно тому, как только Шарль де Голль мог предоставить независимость Алжиру, так только Ицхак Рабин мог реализовать соглашение с Арафатом», — справедливо отмечал известный обозреватель Давид Маковский[205]. При этом нужно отметить, что в течение достаточно долгого времени И. Рабин не был полностью информирован о предложениях, которые выдвигали Ш. Перес и члены делегации во главе с Й. Бейлином. О многих весьма важных компонентах соглашения И. Рабин узнавал только

тогда, когда основные детали были уже полностью согласованы сторонами.

Переговоры, начавшиеся в конце 1992 года, включали секретные и неформальные встречи представителей Израиля и ООП в Осло. Переговоры эти во многом были особенными как по форме проведения, так и по содержанию и отличались от переговоров «по модели Мадрида». Во-первых, они шли тайно, на определенном этапе во все детали не были посвящены ни США, ни премьер-министр Израиля, ни власти Иордании, ни израильская и мировая общественность; во-вторых, переговоры эти шли параллельно с ведшимися в Вашингтоне консультациями израильтян и палестинцев в рамках реализации решений Мадридской конференции; в-третьих, если в Вашингтоне переговоры велись с иордано-палестинской делегацией, палестинская часть которой представляла элиту Западного берега и сектора Газы, то переговоры в Осло шли напрямую с ООП; в-четвертых, самые первые встречи в Осло осуществлялись не официальными лицами, а представителями научной интеллигенции; наконец, в-пятых, израильская позиция претерпела значительные изменения, став значительно более гибкой.

Первый раунд переговоров прошел 4 декабря 1992 года в Лондоне, после чего прошел цикл встреч с 20 по 22 января 1993 года в Сарпборсте, в ста километрах от столицы Норвегии[206]. Израильскую группу на них представляли Яир Хиршфельд и Рон Пундик, группу представителей ООП — Ахмед Куреи (Абу-Алла), впоследствии премьер-министр ПНА (в делегацию также входили Хасан Асфур и Махер аль-Курд, которого сменил Мухаммед Абу Кош). Они договорились об общих принципах ведения встреч на будущее, а именно: сохранение полной секретности, акцентирование внимания на задачах на будущее, а не на прошлых кон-

фликтах, возможность корректировки выдвинутых предложений, участие норвежской стороны как принимающей, но не как посредника в дискуссии. К принципиальным решениям можно отнести договоренность об оставлении Израилем Газы и постепенной передаче палестинцам полномочий в области хозяйственной деятельности.

За сорок восемь часов до отъезда делегации в Осло Махмуд Аббас передал членам палестинской делегации свои соображения, которые попросил отстаивать в ходе переговоров с израильтянами. Нижеследующий документ, который сам М. Аббас процитировал полностью в своей книге «Путь в Осло», стал, по его словам, основой для последующей выработки Декларации принципов палестино-израильского урегулирования.

1. Цель — достижение справедливого, прочного и всеобъемлющего урегулирования посредством прямых переговоров на основе резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН. Переговоры между палестинцами и Израилем будут проходить по фазам, которые являются составной частью всего процесса.
2. Сфера полномочий палестинской администрации в переходный период включает палестинские территории, оккупированные в 1967 году. Договоренность об обсуждении вопросов о выводе некоторых районов из-под административной юрисдикции должна быть достигнута на переговорах с условием, что не будет нарушений резолюций 242 и 338 и норм международного права.
3. Палестинская администрация переходного периода осуществляет все полномочия, которые будут ей переданы в соответствии с достигнутым соглашением (с учетом мер по пересмотру действующих законов).

4. Временная администрация избирается путем проведения всеобщих свободных и прямых выборов, в которых участвует все палестинское население Западного берега, включая Иерусалим и сектор Газы, в соответствии с переписью от 4 июня 1967 года.
5. Наблюдение за процессом выборов и передачи власти будут осуществлять представители международного сообщества в соответствии с договоренностью.
6. Для обсуждения рабочих проблем и разрешения спорных вопросов будет создана двусторонняя комиссия (от временной палестинской администрации и израильского правительства).
7. В случае, когда комиссия по решению споров не сможет найти решения того или иного вопроса, она передает его на рассмотрение арбитражной комиссии, которая формируется из представителей государств-спонсоров, а также Египта, Иордании и ООН. В арбитражную комиссию также назначается по одному представителю от переходной администрации и Израиля или от других сторон в соответствии с договоренностью.
8. Проблемы безопасности в их стратегическом и перспективном понимании, связанные с воплощением идеи мирного сосуществования, будут рассмотрены в свете наличия доброй воли у всех сторон и в духе искреннего стремления к выяснению взаимных интересов, чтобы наполнить понятие «безопасность» позитивным смыслом, обязывающим всех содействовать ее обеспечению.
9. Стороны приступают к обсуждению окончательного статуса через два года с момента начала переходного периода или раньше, в зависимости от договоренности, но

в любом случае не позднее, чем в начале третьего года переходного периода.

10. Не препятствуя осуществлению соглашения об окончательном статусе, начинается неофициальное изучение возможности создания конфедерации с целью нахождения наилучших путей и средств обеспечения стабильности и мира в регионе[207].

Израильские аналитики пытались понять, почему вдруг Я. Арафат решил декларировать свое признание Израиля как легитимного суверенного государства и, по крайней мере на словах, отмежеваться от терроризма? Ведь на протяжении нескольких десятилетий глава ООП заявлял, что признание Израиля и переговоры с ним исключены и что независимость Палестинского государства может быть достигнута только силой. Суммируя многочисленные аналитические материалы, можно сделать вывод, что, по мнению израильских экспертов, метаморфоза, произошедшая с Я. Арафатом, может быть объяснена тремя основными причинами[208].

Ослабление идеологии панарабизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В 1960-е годы, когда Я. Арафат начал свою международную карьеру, лояльность по отношению к конкретному государству в арабских странах не демонстрировалась и даже осуждалась, в то время как арабское единство было единственной публично декларируемой целью политиков и идеологов[209]. Однако постепенно произошло замещение панарабизма доктриной национально-государственного суверенитета каждой отдельной страны. Это было вызвано как октябрьской войной 1973 года, в которой Иордания участвовать отказалась (в отличие от Сирии и Египта), так и заключением сепаратного мирного соглашения между Египтом и Израилем в 1979 году[210].

До 1967 года арабо-израильский конфликт концентрировался вокруг условий соглашения о перемирии 1949 года. После Шестидневной войны сам факт продолжения существования Государства Израиль вызывал гораздо меньше сомнений. Более релевантной проблемой стали границы этого государства. Палестинцы все меньше могли надеяться на то, что смогут быть передовым отрядом единых арабских сил, которые смогут «стереть Израиль с лица земли» или «сбросить его в море». Дипломатия А. Садата продемонстрировала, что арабские государства могут иметь свои собственные интересы: отныне каждое арабское государство или народ должны были самостоятельно бороться за реализацию своих целей, не надеясь на незыблемую поддержку всего арабского мира[211]. Сегодня любая попытка Лиги арабских государств представлять общеарабские интересы выглядит искусственной. Более всего от этого неминуемо страдали палестинцы, вся надежда которых на возвращение и создание своего национального государства на протяжении многих лет базировалась именно на панарабской идеологии.

Усиление исламского фундаментализма. Вакуум, возникший после политической кончины панарабизма, частично заполнила радикальная исламистская идеология. Это движение продемонстрировало свою силу в нескольких попытках свержения светских режимов всеми возможными средствами, включая насилие. Исламский фундаментализм проявлял себя главным образом на региональном уровне, представляя собой серьезнейшую угрозу правящим элитам арабских государств. Исламистская революция в Иране в 1979 году и события в Алжире и Судане убедили многих арабских лидеров в том, что для их режимов фундаментализм едва ли не опаснее, чем Израиль. В условиях мира с Израилем они мог-

ли даже рассчитывать на сотрудничество с ним (пусть и закулисное) в борьбе с радикальными силами. Кроме того, конец вражды с Израилем означал, что в распоряжении арабских лидеров окажется больше ресурсов и возможностей для политических маневров, а также для привлечения военного потенциала, чтобы справиться с радикальными элементами. Способность Египта и Иордании успешно бороться с фундаменталистской угрозой во многом зависела от покоя на границах с Израилем. Угроза власти ООП со стороны ХАМАСа и «Исламского джихада», проявившаяся в полной мере уже после смерти Ясира Арафата, когда ФАТХ вначале проиграл выборы в Законодательный совет Палестинской администрации (в январе 2006 года), а затем был физически разгромлен в Газе (в июне 2007 года), осознавалась уже в начале 1990-х, побуждая палестинских националистов делать выбор в пользу соглашения с Израилем.

Фактор времени. Одним из наиболее важных факторов, вызвавших начало процесса Осло, был фактор времени. Анализ столетнего конфликта между арабами и евреями и между палестинцами и израильтянами показывает, что время не на стороне арабов. Отвергнув в 1937 году предложения Комиссии Пиля, а спустя десять лет — резолюцию ООН о разделе Палестины, в начале 1990-х политические наследники тогдашних палестинских лидеров мечтали получить контроль над территориями Западного берега и Газы, по площади вдвое меньшими, чем им предлагались в 1947 году, и почти вчетверо меньшими, чем в 1937 году. Войны 1967 и 1973 годов убедили арабов (и в частности палестинцев) в бесперспективности их надежд на то, что Израиль исчезнет с карты мира. Палестинцы решили, что, если на данном этапе невозможно получить «все», то нужно, пока не поздно, попытаться добиться хоть чего-нибудь.

Второй раунд переговоров состоялся 11–12 февраля 1993 года[212]. На этом этапе израильтяне представили первый документ, включавший некоторые конкретные положения. Рон Пундик отметил: «Хочу сказать, что в Израиле идет коренная переоценка позиции в отношении Западного берега и сектора Газы» [213]. Ряд выдвинутых им и Я. Хиршфельдом положений представлял собой значительный отход от прежней израильской позиции. Так, Израиль впервые согласился обсуждать статус Иерусалима на будущих переговорах о постоянном урегулировании. Хотя детали не оговаривались, сам факт подобного согласия был беспрецедентным. Кроме того, выражалось согласие на участие жителей Восточного Иерусалима в выборах будущего Законодательного совета Палестинской администрации, причем они наделялись не только правом избирать, но и правом быть избранными (так в итоге и было в январе 1996 года). Временной промежуток между выборами на Западном берегу и в секторе Газы и началом переговоров о постоянном статусе, который был зафиксирован в Кемп-Дэвидских соглашениях 1978 года, в этом документе не обозначался (в Газа–Иерихонском соглашении этот срок таки был определен — пять лет; они истекли 4 мая 1999 года). В случае провала переговоров Израиль соглашался на международный арбитраж (в арбитражную комиссию входили бы представители Израиля, палестинцев, США и России). Палестинские лидеры отнеслись к израильским предложениям с большим вниманием, А. Куреи (Абу-Алла) обсуждал их с Я. Арафатом, после чего в начале марта 1993 года оба они были приняты для детального разговора президентом Египта Х. Мубараком.

20–22 марта 1993 года состоялся новый раунд переговоров — насколько можно судить, первый, о котором Ицхак

Рабин узнал заблаговременно, а не постфактум. Шимон Перес не только проинформировал его о ходе переговоров, но и добился его согласия на то, чтобы Ясир Арафат смог прибыть из Туниса в Газу, чтобы лично возглавить создававшуюся Палестинскую администрацию. Палестинские представители были поражены, когда в ходе переговоров израильтяне сами заговорили о возвращении Я. Арафата в Палестину[214]. Яир Хиршфельд отметил, что «на сегодня границы суверенитета Израиля ограничены "зеленой чертой", и нынешнее правительство не хочет расширения. На переговорах по окончательному урегулированию будут определены безопасные и общепризнанные границы, [хотя и] с внесением изменений на некоторых территориях». По его словам, «если мы подпишем Декларацию принципов, например, в июле 1993 года, то начнем переговоры по окончательному урегулированию в июле 1995 года. Темой переговоров будет установление совершенно нового порядка в районе Ближнего Востока. Те, кто в Тунисе, смогут переехать в Газу, и если вы представите предложения об экономических проектах на Западном берегу, вы сможете получить новые земли в рамках ваших полномочий и осуществить на них ваши проекты. Мы же перейдем из состояния полного контроля над всей территорией в новое состояние. Вы сможете распоряжаться частью территории и использовать право вето в отношении другой части. А третья часть земель останется под контролем Израиля (поселения), о которой и пойдет речь на переговорах о заключительной стадии урегулирования» [215]. Следующие раунды переговоров состоялись 30 апреля, 8 и 21 мая 1993 года.

Следующим важным шагом стала инициатива Ш. Переса, которую можно условно назвать «Газа плюс»[216]. Израильские руководители считали уход из Газы первым шагом на

пути к постепенной передаче власти палестинцам и в отдельных районах на Западном берегу. Однако ООП выражала недоверие, не станет ли уход из Газы первым и одновременно последним шагом: Я. Арафат боялся, что, уступив ему Газу, Израиль не захочет отказываться от контроля над Западным берегом. Дабы показать готовность Израиля идти до конца, Ш. Перес предложил вместе с Газой передать под контроль Палестинской администрации, в рамках первого этапа, либо Дженин, либо Иерихон (в этих двух городах не было еврейских жителей; впоследствии Ш. Перес остановил свой выбор на Иерихоне). При посредничестве президента Египта Х. Мубарака Ш. Пересу удалось добиться того, чтобы Я. Арафат согласился с идеей «Газа плюс Иерихон». Не менее сложным для Ш. Переса было убедить в этой идее И. Рабина, изначально резко возражавшего против отказа от контроля над районом Иерихона.

Ицхак Рабин верил в то, что война в Персидском заливе создала возможность для Израиля снискать доверие арабского мира[217]. Эта позиция основывалась на ощущении, что Израиль в состоянии заключить мир с арабами лишь с позиции силы: «Только сильное Государство Израиль сможет дать своим руководителям чувство безопасности, необходимое для принятия трудных и порой болезненных решений во имя мира» [218]. И. Рабин верил, что война в Персидском заливе позволила ему делать эти болезненные уступки, потому что она улучшила стратегическое положение Израиля. В 1980-е годы иракская армия стала в результате ирано-иракской войны самой большой на Ближнем Востоке и сильнейшей в районе Персидского залива. Операция «Буря в пустыне» уничтожила половину иракского конвенционального арсенала и привела, по выражению И. Рабина, «к разоблачению ядерных планов Ирака, которые отда-

лили, если не вовсе предотвратили чрезвычайно опасную угрозу безопасности Израиля»[219]. И. Рабин также учитывал факт распада Советского Союза, являвшегося главной опорой арабского радикализма. «Враждебные Израилю арабские страны, — заявлял он, — не смогут более полагаться на защиту советского зонтика, прикрывавшего их в прошлом с военной, политической и экономической позиций»[220]. Распад Советского Союза укрепил Израиль и, с другой стороны, открыл ворота для потока иммигрантов (в 1990–1991 годах в Израиль из Советского Союза прибыли 330 тысяч человек). И. Рабин говорил от имени многих, когда описывал открытие ворот из Советского Союза как «реализацию сионистской мечты»[221]. Для него эти события создали «новый мир»: «Угроза самому существованию Израиля … уменьшилась как результат двух событий, сопровождавших распад Советского Союза и кризис в Заливе» [222]. В долгосрочной перспективе И. Рабин был менее оптимистичным. Он полагал, «что, поскольку ядерное оружие появится на Ближнем Востоке в ближайшие годы... ситуация требует от нас… закончить арабо-израильский конфликт и жить в мире с нашими арабскими партнерами» [223]. (Оставалось неясным, как мир с некоторыми арабскими государствами уменьшит угрозу, скажем, со стороны ядерного Ирана.) При этом И. Рабин считал, что палестинский террор и «интифада» болезненны, мешают нормальному образу жизни многих израильтян, но все же не представляют непосредственной угрозы самому существованию Израиля[224].

Решение интенсифицировать переговоры, шедшие в Осло, было продиктовано фактическим отсутствием прогресса на возобновившихся в апреле 1993 года в Вашингтоне переговорах «по модели Мадрида». В середине мая 1993 года И. Рабин начал все более активно следить за про-

цессами, происходившими в ходе переговоров с ООП (до этого он получал лишь частичную информацию о происходивших дискуссиях). Тот факт, что И. Рабин, взгляды которого были куда менее «голубиными», не был вовлечен в ход переговоров, казалось бы, должен был играть на руку представителям ООП, однако последние чувствовали иначе: «Имевшаяся в нашем распоряжении информация, а также то, о чем мы не раз слышали, свидетельствовало, что Рабин все еще окончательно не уверен в значимости происходивших в Осло контактов, — отмечал М. Аббас. — Это в свою очередь означало, что он может в любой момент прервать их. Мы прекрасно помнили о заключенном в Лондоне в 1987 году соглашении между Хусейном и Пересом, разорванном [тогдашним премьер-министром Израиля] Шамиром и американцами, когда они с ним познакомились»[225]. Поэтому, несколько парадоксальным образом, лидеры ООП желали, чтобы И. Рабин был бы более активно вовлечен в переговоры, хотя они и понимали, что его участие может привести к ужесточению позиций израильской стороны.

6 июля 1993 года был выработан первый проект документа, согласованный официальными представителями Израиля и ООП[226]. Израиль подтвердил готовность передать контроль над Газой и Иерихоном, за исключением небольшого блока поселений Гуш-Катиф на юге сектора Газы. Палестинцы взамен согласились признать экстерриториальность израильских поселений, израильтян и израильских военных объектов на передаваемых под контроль ООП территориях. Кроме того, Израиль четко определил сферы, которые будут переданы под палестинский контроль: образование, здравоохранение, социальное обеспечение, туризм и налогообложение. За вопросы внешней безопасности, то есть за контроль над границами, по-прежнему должен был

отвечать Израиль, однако договоренности об ответственности за поддержание внутренней безопасности и правопорядка достигнуто не было. Израиль брал обязательства вывести армейские части из основных городов на Западном берегу, а также подтвердил свою готовность обсуждать в будущем вопрос о статусе Иерусалима.

10 июля палестинские представители, совершенно неожиданно для израильтян, представили более двадцати замечаний к, казалось, согласованному лишь за четыре дня до этого тексту Декларации принципов палестино-израильского урегулирования. На переговорах, прошедших 10–12 и 26–28 июля в Осло, члены израильской делегации, среди которых наиболее активным был в те дни Ури Савир, стремились добиться смягчения палестинской позиции[227]. 6 августа Яир Хиршфельд и Ахмед Куреи (Абу-Алла) встретились в Париже. 18 августа 1993 года в Стокгольме состоялись одни из последних консультаций, призванных решить оставшиеся противоречия[228]. Противоречия эти касались, в частности, вопроса обеспечения безопасности и будущего статуса Иерусалима. Обсуждение этих двух проблем, в особенности проблемы Иерусалима, постоянно откладывалось на более поздние стадии, чтобы не сорвать переговоры в самом начале. В ходе переговоров, состоявшихся в конце августа 1993 года, ООП согласилась снять свои требования относительно размещения в Иерусалиме административного центра создаваемой Палестинской администрации, а Израиль согласился отказаться от контроля над пограничными пунктами между Палестинской администрацией и Египтом. Таким образом, основные положения Декларации принципов Осло были согласованы.

27 августа Ш. Перес представил проект соглашения администрации США. Соединенные Штаты согласились под-

держать достигнутые договоренности и провести церемонию подписания в Вашингтоне для «придания им особого значения». 30 августа И. Рабин вынес проект Декларации принципов на обсуждение правительства, которое одобрило этот документ. Официальная церемония его подписания состоялась 13 сентября 1993 года на лужайке перед Белым домом в Вашингтоне.

Казалось, что примирение основывалось на историческом компромиссе: принцип разделения территорий и взаимного признания двумя народами прав друг друга был официально признан основой для решения длительного, тяжелого конфликта[229]. Церемония у Белого дома транслировалась по многим телевизионным каналам, и в тот сентябрьский день 1993 года многие поверили, что вражда уступила место взаимному признанию и что на самом деле можно разрешить этот конфликт путем переговоров.

Соглашения Осло и процесс их реализации в 1993–1996 годах

Вопрос о том, когда начался процесс Осло, довольно прост; вопрос о том, когда он закончился, намного сложнее. Можно ли считать его конечной точкой, например, убийство Ицхака Рабина в ноябре 1995 года? Или беспорядки, устроенные палестинцами с ведома и по решению Я. Арафата после открытия второго выхода из хасмонейского тунеля в Иерусалиме в сентябре 1996 года? Или формальное окончание срока действия «промежуточных соглашений» в мае 1999 года? Или закончившийся крахом саммит в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года? Или начало второй интифады в сентябре того же года? Или крах переговоров в

Табе, шедших буквально до выборов в Израиле, состоявшихся 6 февраля 2001 года? Верно ли определять процесс Осло как серию соглашений, подписанных израильской и палестинской сторонами (тогда правомерно сказать, что он закончился подписанием меморандума в Шарм аш-Шейхе 4 сентября 1999 года, ибо больше никакие совместные документы сторонам согласовать не удалось), или же процесс этот продолжался все то время, пока шли переговоры, в том числе и после начала второй интифады? Считать ли частью этого процесса только заключенные соглашения, или же его неотъемлемой частью являются также нереализованные проекты, например, соглашение Бейлина—Абу-Мазена, к которому эти два лидера пришли в конце октября 1995 года, менее чем за неделю до убийства И. Рабина, и которое так и не было воплощено? И наконец, можно ли считать частью процесса Осло так называемую Женевскую инициативу, опубликованную в октябре 2003 года, работа над которой велась, в общем, теми же людьми и по тем же принципам, что и работа над проектом Декларации принципов палестино-израильского урегулирования за десять лет до этого?

Однозначно ответить на все эти вопросы довольно трудно. Как бы там ни было, за несколько дней до заключения соглашения (9 сентября 1993 года) И. Рабин и Я. Арафат обменялись письмами, в которых глава ООП признавал право Израиля на существование и выразил готовность отменить положения Палестинской национальной хартии 1964 года, призывавшие к уничтожению Израиля. Премьер-министр Израиля в свою очередь признал ООП законным представителем палестинского народа[230].

В качестве первого шага предусматривалась передача полномочий палестинцам в секторе Газы и Иерихоне. По-

сле этого начинался пятилетний промежуточный период, причем в конце второго года должны были начаться переговоры о постоянном урегулировании. Израильские вооруженные силы должны были быть выведены из сектора Газы, а затем из крупнейших городов Западного берега. Наиболее проблематичные вопросы — о еврейских поселениях на контролируемых территориях, статусе Иерусалима и судьбе палестинских беженцев — были отнесены к более позднему периоду, ко времени начала переговоров о постоянном урегулировании. На территориях, передаваемых под контроль ООП, создавалась Палестинская национальная администрация. Как справедливо отмечал израильский востоковед и дипломат Итамар Рабинович, несмотря на внешнюю схожесть с принципами, изложенными в Кемп-Дэвидских соглашениях 1978 года, Декларация принципов имела важную отличительную особенность: «подписывавшие ее израильские лидеры, в отличие от М. Бегина, вполне осознавали, что ее реализация скорее всего приведет к возникновению палестинского государства»[231].

Между тем Соглашение Осло уже в момент своего подписания несло в себе ряд опасностей и трудностей[232]. Прежде всего, в этом документе не обсуждались три самые тяжелые проблемы палестино-израильских отношений и даже не предлагались никакие возможные пути их решения, пусть хотя бы промежуточные. Справедливо полагая, что их обсуждение на начальных этапах может привести к немедленному тупику в переговорах, стороны отложили их решение на более поздний период. Однако не было никакой гарантии, что через два года после начала реализации соглашений, когда должны были начаться переговоры о постоянном урегулировании, решение этих проблем будет найти проще. Предполагалось, что проведенные в нефор-

мальной обстановке переговоры создадут необходимую атмосферу взаимного доверия, которая впоследствии поможет найти решение самых трудных проблем. Однако эти надежды не сбылись. Более того, как справедливо отмечает Д. Маковский, совершенная секретность переговоров (о которых не были проинформированы даже израильские и палестинские официальные представители в тех странах, где эти переговоры велись) способствовала их успешному завершению, однако неинформированность израильского общества об их ходе вызвала завышенные ожидания и надежды, «крушение которых было особенно болезненным, когда началась волна терактов»[233].

Реализация соглашений, подписанных в Вашингтоне 13 сентября 1993 года, началась с двух документов, регулирующих детали функционирования Палестинской администрации, — Парижского протокола (от 29 апреля 1994 года) и Каирского соглашения (от 4 мая 1994 года). Именно согласно Каирскому соглашению создавалась Палестинская национальная администрация и начинался отсчет пятилетнего промежуточного периода. На переговорах в Каире руководители Израиля и ООП обсуждали, каков должен быть размер иерихонской зоны, передаваемой под палестинский контроль, а также общие параметры передачи полномочий в сфере экономики. Определяя границы иерихонской зоны, И. Рабин согласился на район площадью 62 квадратных километра, а также утвердил трехнедельный срок передачи сектора Газы и Иерихона под контроль создававшейся Палестинской администрации. Базовые решения в сфере экономики определяли, что валютой в секторе Газы и в Иерихоне продолжат оставаться израильский шекель и иорданский динар; говорилось также о создании зоны свободной торговли.

Следующим документом, подписанным в рамках реализации Декларации принципов, было Соглашение о предварительной передаче полномочий, заключенное 29 августа 1994 года. В этом документе определялось, какие именно сферы перейдут под контроль ПНА. Таких сфер было шесть: образование и культура, здравоохранение, социальное обеспечение, туризм, сбор прямых налогов и налога на добавленную стоимость с местных товаров[234]. Как отмечает И. Рабинович, логика уступок кабинета И. Рабина была следующей: «Каждая уступка с нашей стороны сейчас будет способствовать сговорчивости Я. Арафата на переговорах об окончательном урегулировании, когда таковые начнутся».

28 сентября 1995 года было заключено так называемое Соглашение Осло-2. Если каирские договоренности предполагали переход под палестинский контроль сектора Газы и города Иерихона, то это соглашение касалось всего Западного берега. Вопрос этот, естественно, оказался значительно сложнее, чем вопрос о судьбе Газы: его территория была значительно больше, там существовало намного больше еврейских поселений, не говоря уже о том, что обсуждение вопроса о Западном береге не могло не поднять вопрос о статусе Иерусалима[235]. Учитывая, что на 1996 год было запланировано начало переговоров о постоянном урегулировании, а в Израиле должны были пройти (и прошли) парламентские выборы, обе стороны, и палестинская, и израильская, старались закрепить за собой посредством этого соглашения как можно более выгодные позиции.

Соглашение Осло-2 предусматривало раздел территории Западного берега на три зоны: «зона А», куда входили крупнейшие палестинские города, полностью передавалась под контроль ПНА; «зона В», куда входило около 450 деревень и поселков, оставалась под военным контролем Израиля, но

гражданское управление передавалось в руки палестинцев; «зона С», включавшая земли, используемые армией, малонаселенные территории, еврейские поселения, стратегические дороги, военные базы и практически всю долину реки Иордан, должна была полностью оставаться под израильским контролем, и военным, и гражданским. При этом Израиль по-прежнему не аннексировал никакие из этих территорий, даже относящиеся к «зоне С».

Раздел территории Западного берега удобно представить в виде таблицы, иллюстрирующей соотношение территории, населения и контроля.

Раздел Западного берега по Соглашению Осло-2 от 28 сентября 1995 года

Зона	процент территории	процент еврейского населения	процент палестинского населения	Гражданский контроль	Военный контроль
A	18	–	95	ПНА	ПНА
B	22			ПНА	Израиль
C	60	100	5	Израиль	Израиль

Таким образом, лишь менее 20% территории Западного берега перешло под полный палестинский контроль. Гражданский контроль ПНА распространялся на 40% территории Западного берега. Единственным из крупных городов на Западном берегу, в котором сохранялось израильское военное присутствие, был Хеврон ввиду его особой религиозной значимости и созданных в нем кварталов, заселенных еврейскими поселенцами.

Соглашение Осло-2 преследовало цель передать под палестинский контроль максимально возможное количество

арабского населения при минимальном количестве отдаваемой земли. В целом эта идея было реализована, так как более половины территории Западного берега осталось под израильским гражданским и военным контролем. Однако особенность раздела Западного берега состояла в том, что территории, передаваемые палестинцам, не представляли собой единого целого, а были набором обособленных анклавов.

Данное соглашение также предусматривало, что в течение месяца после вывода израильских войск из городов Западного берега состоятся выборы в Палестинский законодательный совет (82 места), а также выборы председателя ПНА, который будет возглавлять ее правительство, обозначенное как Исполнительный совет (24 человека). Вывод израильских войск с территорий, передаваемых под палестинский контроль, должен был осуществиться в несколько этапов и окончательно завершиться через полтора года.

И палестинцы, и израильтяне брали на себя по Соглашению Осло-2 ряд обязательств. Израиль соглашался на свободное перемещение палестинцев между сектором Газы и Западным берегом (это положение в полной мере так никогда и не было реализовано). Палестинская сторона обязывалась бороться с терроризмом, экстрадировать террористов в Израиль в случае, если последний выдвинет подобные требования, а также сотрудничать с Израилем в сфере безопасности в целом.

Это соглашение, «положившее конец израильскому господству над палестинцами и идее Земли Израиля», как это формулировали израильские переговорщики, фактически, по словам И. Рабиновича, «стало важнейшей вехой», так как палестинцы «были в одном шаге от государственности» [236].

Кризис Соглашений Осло стал назревать в связи с тем, что, несмотря на взятые на себя палестинскими руководителями обязательства, антиизраильский террор продолжался и даже усиливался[237]. Если за весь период продолжавшейся почти шесть лет первой интифады погибли 159 израильтян (в среднем — менее 27 человек в год), то только за один 1994 год погибли 74 человека, а за 1995 год — еще 46, причем почти 70% жертв погибли в пределах так называемой зеленой черты, то есть в районах, суверенитет Израиля над которыми, казалось бы, не оспаривался[238]. Израильское общество столкнулось с тем, что для палестинского руководства ведение мирных переговоров отнюдь не означает прекращения террористической деятельности. Я. Арафат изначально принял двойственную стратегию: с одной стороны, он выразил готовность вести переговоры с Израилем, а с другой стороны, он никогда не отказывался от терроризма как от средства проведения своей политики, держа палестинцев мобилизованными для борьбы с Израилем[239]. В то же время израильтяне были готовы идти на уступки палестинцам только при условии, что руководство последних сделало однозначный стратегический выбор в пользу заключения мира. В результате того, что мирные соглашения и вывод израильских сил из тех или иных районов Западного берега и Газы никоим образом не способствовали улучшению ситуации в сфере безопасности в Израиле, уже к осени 1995 года идея мирных переговоров с палестинцами стала значительно менее популярной в обществе. Пиком протеста против проводимой правительством политики стало убийство премьер-министра Израиля И. Рабина 4 ноября 1995 года.

После убийства И. Рабина и вплоть до выборов в мае 1996 года правительство возглавлял Ш. Перес. В конце октя-

бря 1995 года Й. Бейлин и М. Аббас согласовали совместный план окончательного урегулирования проблемы Западного берега и сектора Газы[240]. Согласно этому плану, палестинцам предоставлялась независимость и суверенитет над всем Западным берегом и сектором Газы, за исключением отдельных районов, в которых сохранялись бы израильские поселенческие блоки. Статья четвертая плана Бейлина—Абу-Мазена гласила:

«1. Выполняя резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и № 338, Стороны согласны, что вывод вооруженных сил и сил безопасности Израиля должен происходить в три этапа:

а) Вывод из центральных районов Западного берега реки Иордан и всего сектора Газы... который должен начаться не позднее 5 мая 1999 года.

б) Вывод из восточных частей Западного берега реки Иордан... должен начаться не позднее 5 сентября 1999 года и закончиться не позднее 4 января 2000 года.

в) Вывод из западных частей Западного берега реки Иордан … должен начаться не позднее 5 января 2000 года и закончиться не позднее 4 мая 2000 года.

2. После этого Израиль может сохранять минимальные военные силы на территории военных баз, находящихся в согласованных местах…»

Относительно проблемы Иерусалима в соглашении предлагалось весьма творческое решение (цит. статья VI плана)[241]:

1. Иерусалим должен оставаться открытым и неделимым городом со свободным и не затрудненным доступом для людей всех религий и национальностей.

2. Стороны согласны с тем, что реформа существующей муниципальной системы Иерусалима и его границ будет представлена не позднее 5 мая 1999 года... Эта реформа расширит существующие муниципальные границы Иерусалима и определит границы «Большого Иерусалима», включающие [близлежащие арабские деревни] Абу-Дис, Аль-Азария, Ар-Рам, Аз-Займ, [близлежащие еврейские поселения] Маале-Адумим, Гиват-Зеэв, Гивон и прилежащие районы.
3. Внутри «Большого Иерусалима» районы, населенные израильтянами, будут определены как «израильские округа», а районы, населенные палестинцами, как «палестинские округа». … Количество израильских округов и палестинских округов будет отражать существующий демографический баланс, равный 2:1.
4. Стороны согласны создать единый муниципалитет «Большого Иерусалима» в виде Объединенного высшего муниципального совета, составленного из представителей округов. Эти представители будут выбирать мэра «Большого Иерусалима»...
5. «Большой Иерусалим» будет состоять из Объединенного высшего муниципального совета, двух подмуниципалитетов — израильского, выбранного жителями израильских округов, и палестинского, выбранного жителями палестинских округов, а также Объединенного паритетного комитета района Старого города... […]
7. В границах «Большого Иерусалима» обе стороны признают западную часть города в качестве «Иерушалаима», а арабскую восточную часть города, находящуюся под палестинским суверенитетом, как «Эль-Кудс».

8. По ратификации мирного договора между сторонами:

а) Правительство Государства Палестина признает Иерушалаим … как суверенную столицу Государства Израиль.

б) Правительство Государства Израиль признает Эль-Кудс … как суверенную столицу Государства Палестина».

Й. Бейлин полагал, что реализация этого документа будет успешной и завершится к маю 1996 года, то есть к выборам, став главным достижением лейбористского правительства, которое оно сможет поднять на щит. Однако убийство И. Рабина спутало все карты, и в сложившейся ситуации ставший премьером на полугодовой предвыборный период Ш. Перес не решился на реализацию соглашения, предусматривавшего столь масштабные уступки Израиля. В феврале — марте 1996 года произошла новая серия терактов, которые стали решающим фактором, определившим победу Б. Нетанияху на выборах в мае.

Глава VI

СТАГНАЦИЯ И КРАХ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА

Правительство Б. Нетанияху (1996–1999): правые лозунги и реальная политика

Б. Нетанияху пришел к власти на волне общественного недовольства мирным процессом, результатом которого стали теракты и гибель мирного населения. В этой атмосфере оказались востребованными «правые» лозунги «Ликуда» и его лидера, призывавшего к проведению более жесткой политики.

В своей предвыборной кампании Б. Нетанияху хотя и критиковал Соглашения Осло, выражал готовность следовать международным договоренностям, заключенным прошлыми премьерами. Вместе с тем совершенно очевидно, что те избиратели, которые придавали наибольшее значение продолжению процесса Осло, на выборах 1996 года поддержали другого кандидата — Шимона Переса. Б. Нетанияху поддержали как раз те, кто выступал против процесса Осло. В результате новоизбранный премьер-министр оказался между двух огней: с одной стороны, как глава орга-

нов исполнительной власти демократического государства он не мог дезавуировать те международные соглашения, которые подписали его предшественники; с другой стороны, именно такого шага фактически ожидали от него большинство проголосовавших за него избирателей. Казалось, выходом из этой сложной ситуации может стать констатация факта невыполнения соглашений палестинской стороной, что, естественным образом, освободит и Израиль от соответствующих обязательств. «Правительство Израиля продолжит мирные переговоры с Палестинской национальной администрацией для достижения постоянного мирного соглашения при условии соблюдения палестинской стороной всех своих обязательств» — так был сформулирован этот принцип в предвыборной программе партии «Ликуд».

Как бы лично Б. Нетанияху ни относился к соглашениям с ООП, он осознавал, что любой кардинальный поворот внешней политики Израиля, который бы представлял собой отход от линии Осло, будет крайне негативно воспринят в мире, и в том числе — администрацией президента США Б. Клинтона. Поэтому изначально политическая программа Б. Нетанияху была построена на идее «мир в обмен на безопасность», которая позволяла, с одной стороны, привлечь умеренных избирателей внутри Израиля (выступавших в целом за мирный процесс, но обеспокоенных ростом терроризма), а с другой — адресовалась международному сообществу, и в частности США. Своих оппонентов, Партию труда и левые партии, Б. Нетанияху обвинял в неспособности и нежелании заставить Я. Арафата выполнять все взятые обязательства, в особенности обязательство бороться с терроризмом; в молчаливом согласии с постепенным созданием палестинского государства, которое Б. Нетанияху в своей книге называл «серьезнейшей стратегиче-

ской угрозой Израилю», а также в фактической готовности пойти на раздел Иерусалима[242]. Тема возможного нового раздела Иерусалима — очень болезненная для значительного большинства израильтян[243], и апеллирование к этой символически сверхзначимой теме не могло не сыграть на руку лидеру «Ликуда». С другой стороны, заранее, еще в предвыборный период, подняв на щит неготовность к каким-либо уступкам в вопросе статуса Иерусалима, Б. Нетанияху серьезно ограничил свою способность к политическому маневрированию по вопросу, без урегулирования которого никакое мирное соглашение невозможно в принципе.

Б. Нетанияху победил на прошедших в Израиле впервые прямых выборах премьер-министра и сформировал коалицию из представителей правых и религиозных партий. Однако реальная политика кабинета Б. Нетанияху на палестинском направлении в 1996–1999 годах была в значительной мере продолжением «курса Осло». В частности, именно при правом кабинете «Ликуда» были подписаны Хевронский протокол (17 января 1997 года) и меморандум Уайплантейшн (23 октября 1998 года)[244].

Реальность, как международная, так и внутриполитическая, заставила Б. Нетанияху значительно пересмотреть свою позицию. С большой долей вероятности можно было предположить, что любая попытка отойти от начатой И. Рабином и Ш. Пересом политики вызвала бы новый конфликт, по масштабу сравнимый с интифадой. Волнения после открытия в Старом городе Иерусалима второго выхода из Хасмонейского туннеля в сентябре 1996 года, в которых погибли полтора десятка израильтян и семьдесят палестинцев, отчетливо продемонстрировали, что Я. Арафат готов к такому развитию событий. Цена подавления этого конфликта была бы для Израиля непомерно высока.

Выборы, выигранные Б. Нетанияху, состоялись в мае 1996 года, то есть ровно спустя два года после подписания Каирских соглашений (от 4 мая 1994 года), с которых пошел отсчет пятилетнего переходного периода и которые предусматривали начало переговоров о постоянном урегулировании через два года после подписания, то есть как раз с мая 1996 года. Кроме того, Израиль должен был проводить, согласно Соглашению Осло-2, очередной этап передислокации своих войск на Западном берегу. Администрация США, возглавляемая президентом Б. Клинтоном, предприняла усилия для того чтобы оживить мирный процесс. В октябре 1996 года Б. Нетанияху, Я. Арафат, король Иордании Хусейн и президент Египта Х. Мубарак были приглашены для обсуждения перспектив мирного процесса в Вашингтон[245].

В ходе встречи в Вашингтоне, на которую Х. Мубарак не приехал (Египет был представлен министром иностранных дел), обсуждались два вопроса: вывод израильских войск из Хеврона (единственный город на Западном берегу Иордана, на тот момент контролировавшийся силами израильской армии) и перспектива дальнейшей реализации соглашений Осло. Я. Арафат стремился получить от нового израильского руководства гарантии продолжения прежней политики и, возможно, даже согласовать дату начала переговоров о постоянном урегулировании. Кроме того, палестинская сторона подняла вопросы обеспечения свободного сообщения между сектором Газы и Западным берегом, освобождения палестинских заключенных и строительства морского порта в Газе (все эти обязательства Израиль взял на себя по Соглашению Осло-2, но не реализовал их).

Б. Нетанияху был поставлен перед сложным выбором. С одной стороны, вывод израильских войск из второго по значимости для иудаизма (после Иерусалима) Хеврона озна-

чал бы полный отход от традиционных правых принципов «Ликуда» и его верности идеи святости Эрец-Исраэль. Кроме того, несмотря на то что основной целью введения прямых выборов премьер-министра была задача вывести его из-под давления коалиции, давление это по-прежнему ощущалось. Важным партнером «Ликуда» по правительству была Национально-религиозная партия, жестко выступавшая против любых уступок. Коалиция во главе с Б. Нетанияху опиралась на большинство в шестьдесят шесть мандатов (т.е. уход всего семи депутатов 120-местного кнесета был бы для нее фатальным), и перспектива досрочного распада кабинета была вполне реальной (это и случилось в 1999 году). Более того, даже если Б. Нетанияху удалось бы достичь приемлемых для его правительства договоренностей по Хевронy, то вопрос о дальнейшей реализации Соглашений Осло в целом оставался совершенно неясным, тем более что формально срок их действия заканчивался в мае 1999 года.

17 января 1997 года Протокол о передислокации войск в Хевроне был подписан. Согласно этому документу, Израиль обязывался в десятидневный срок по-новому расквартировать свои войска в городе Хевроне: под израильским контролем должна была остаться только небольшая часть города (приблизительно 20%), где жила еврейская община и находились святые места иудаизма. Контроль над основной частью города переходил в руки палестинской полиции.

В то же время, подписывая протокол, Я. Арафат брал на себя обязательства завершить пересмотр статей Палестинской хартии, призывавших к уничтожению Израиля, бороться с терроризмом и инфраструктурой террористических организаций, более активно сотрудничать с Израилем в вопросах безопасности, а также подтвердил, что «дальнейшая реализация Соглашений Осло будет основываться на

принципе взаимности». Такая формулировка протокола позволила, хотя бы внешне, удовлетворить все стороны. США получили некие гарантии дальнейшего продвижения мирного процесса, Б. Нетанияху мог заявлять, что «была найдена более эффективная модель контроля над Хевроном» и что он заставил Я. Арафата выполнять взятые на себя ранее обязательства. Кроме того, чтобы минимизировать эффект от подписания Хевронского протокола, Б. Нетанияху санкционировал постройку нового квартала в Иерусалиме — Хаар-Хома, что было несомненной уступкой правым силам в стране.

Однако заявления Б. Нетанияху не были достаточно убедительными для партнеров «Ликуда» по коалиции: сразу после подписания Хевронского протокола из правительства вышел министр науки Биньямин-Зеэв Бегин (сын бывшего главы правительства Менахема Бегина), а члены Национально-религиозной партии угрожали немедленно покинуть правительство, если будет сделана еще какая-либо уступка на Западном берегу. В марте 1997 года Б. Нетанияху предложил пересмотреть весь ход палестино-израильского диалога, включая график реализации Соглашений Осло, и созвать саммит на высшем уровне под патронажем США, по образцу Кемп-Дэвидской конференции 1978–1979 годов[246] Там, по замыслу Б. Нетанияху, начались бы переговоры о постоянном урегулировании. (Американская администрация с течением времени приняла эту идею, однако это произошло уже после отставки Б. Нетанияху, в результате чего на второй Кемп-Дэвидский саммит в июле 2000 года поехал сменивший его на посту премьер-министра Эхуд Барак.) Аргументация израильской стороны была следующей: Соглашения Осло призваны были создать «атмосферу доверия», которая бы облегчила будущие переговоры, однако

результатом реализации соглашений стало «все что угодно, кроме создания атмосферы доверия», следовательно, необходимо пересмотреть сами соглашения, заменив их на нечто принципиально новое.

Это предложение последовало после того, как часть членов кабинета пригрозила отставкой в случае дальнейших уступок палестинцам, а Б. Нетанияху столкнулся с категорическим отказом Я. Арафата в рамках очередного этапа израильского отступления принять его предложение о передаче под палестинский контроль лишь 2% территории Западного берега. Таким образом, политика кабинета Б. Нетанияху на палестинском направлении зашла в тупик: он не мог согласиться на требование Я. Арафата о передаче под контроль ПНА еще 40% территории Западного берега и стоял перед реальной опасностью распада коалиции в случае, если он предложит нечто большее, чем 2%. По-видимому, оказавшись в политическом тупике, Б. Нетанияху выдвинул идею международной конференции и пересмотра Соглашений Осло. Так или иначе, эта инициатива была отвергнута Я. Арафатом.

Между тем Соединенные Штаты, обеспокоенные тупиком в палестино-израильских отношениях, активизировали свои действия, чтобы склонить обе стороны к подписанию нового соглашения и к продолжению реализации «модели Осло». Для США эта линия означала бы успех американской дипломатии, активно способствовавшей подписанию всех палестино-израильских соглашений с 1993 года. Поэтому был предложен компромиссный вариант — отход Израиля с 13% территории, что было, по мнению США, как достаточным на том этапе для Я. Арафата, так и приемлемым для правительства Б. Нетанияху[247]. Позиция американцев состояла в том, что, независимо от того, выполняет или

нет ПНА взятые прежде на себя обязательства, необходимо, чтобы Израиль продолжил реализацию соглашений — передислокацию и вывод войск. Эта весьма жесткая позиция объяснялась тем, что 4 мая 1999 года формально заканчивался срок действия Соглашений Осло, и Я. Арафат начал угрожать односторонним провозглашением независимости (эта угроза так и не была им реализована).

Результатом деятельности американской дипломатии явился меморандум Уай-плантейшн, подписанный 24 октября 1998 года в Вашингтоне[248]. Согласно этому документу, Израиль принимал предложения США отступить с 13% территории Западного берега. В обмен на это палестинская сторона вновь обязывалась провести кампанию по борьбе с исламскими фундаменталистскими группировками и не провозглашать в одностороннем порядке независимость после 4 мая 1999 года.

В целом, трудно понять, означали ли действия Б. Нетанияху — подписание Хевронского протокола и меморандума Уай-плантейшн — эволюцию идеологически правого политика в сторону левоцентристской идеологии, или же это были политические маневры, направленные на сохранение коалиции при одновременном поддержании приемлемых отношений с американской администрацией. Принимая во внимание факт санкционирования Б. Нетанияху постройки нового еврейского квартала в Восточном Иерусалиме и одновременно сделанные им уступки, можно предположить, что его политика представляла собой не глубинную эволюцию, а прагматичное лавирование. Как бы там ни было, 4 мая 1999 года действие Соглашений Осло закончилось. Хотя к этому времени предполагалось завершение переговоров о постоянном урегулировании конфликта, ни одна из ключевых проблем не только не была решена — переговоры

по ним даже не начинались. Эхуду Бараку, с большим преимуществом выигравшему 17 мая 1999 года у Б. Нетанияху прямые выборы премьер-министра, предстояло действовать в крайне непростой ситуации.

Правительство Э. Барака (1999–2001): саммит в Кемп-Дэвиде и провал мирного процесса. Начало второй интифады

Во время предвыборной кампании Эхуд Барак позиционировал себя как «второй И. Рабин» — военный, пришедший в политику, чтобы обеспечить Израилю мир и безопасность. Однако из-за особенностей израильской избирательной системы, существовавшей в тот период, избрание Э. Барака на пост премьер-министра не означало победу возглавляемого им блока «Исраэль эхат» (основу которого составила Партия труда) на выборах в кнесет. Если сам Барак получил около 56% голосов, то его партия — только 23 места в парламенте (еще 4 места получили миноритарные попутчики, вступившие в «Исраэль эхат»). Это привело к тому, что перед Э. Бараком встала необходимость сформировать коалицию, в которой руководимая им фракция заведомо должна была оказаться в меньшинстве (23 депутата из как минимум 61, необходимых для утверждения его правительства в кнесете). Всё это делало возглавляемый им кабинет крайне неустойчивым.

Несмотря на это, Э. Барак поставил перед собой амбициозную задачу — разрешить палестино-израильский конфликт не постепенно, путем долгих переговоров, а максимально быстро, «разрубить гордиев узел конфликта одним ударом» [249]. Для решения поставленной задачи новоизбран-

ный премьер-министр Израиля решил применить нестандартный подход: по его замыслу, для успешных переговоров с палестинцами необходимо было вначале добиться окончательного и всеобъемлющего урегулирования со всеми арабскими странами, с которыми граничит Израиль. С Египтом мирный договор был заключен в 1979 году, с Иорданией — в 1994 году, следовательно, необходимо было заключить мир с Сирией и тогда фактически контролировавшимся ею Ливаном. Поэтому в начале своей каденции Э. Барак сосредоточил основные усилия на переговорах именно с президентом Сирии Хафезом Асадом, а не с Ясиром Арафатом. Э. Барак выражал уверенность, что мир с Сирией возможен, причем для его достижения Израиль был готов пойти на возвращение Голанских высот, с той единственной (но существенной) оговоркой, что граница между Израилем и Сирией будет хотя бы на несколько десятков метров отодвинута от берега озера Кинерет.

Между тем с самого начала план заключения мирного договора с Сирией таил в себе ряд трудностей. Во-первых, сможет ли коалиция во главе с Э. Бараком прийти к единому мнению и не расколет ли ее перспектива возвращения Голанских высот? Во-вторых, у Э. Барака не было необходимого большинства в кнесете для одобрения решения о возврате Голан, и, следовательно, необходимо было провести референдум (это был бы первый референдум в истории Израиля), результаты которого были далеко не очевидны. (Опросы общественного мнения демонстрировали, что шансы противников отступления на победу были едва ли не выше.) Кроме того, существовало сильное сомнение относительно готовности Х. Асада пойти на мир с Израилем, если этот мир не принесет солидных дивидендов или хотя бы кардинального улучшения отношений с США, поэтому

участие администрации Б. Клинтона в переговорах было совершенно необходимым. Более того: время начала переговоров между Израилем и Сирией совпало с резким ухудшением здоровья президента Хафеза Асада, и многие аналитики полагали, что его сын и преемник Башар Асад не будет продолжать мирный процесс с Израилем, так как не будет иметь достаточного авторитета внутри сирийской элиты.

Несмотря на все эти трудности и опасения, в декабре 1999 и в январе 2000 года состоялись два раунда переговоров, проходивших в США[250]. В ходе этих встреч сирийский министр иностранных дел выдвинул требование ухода Израиля с Голанских высот и его возвращения к границам, существовавшим до 4 июня 1967 года, как необходимое условие для начала официальных переговоров. Э. Барак в принципе был согласен на это, однако в свою очередь требовал, чтобы Сирия дала гарантии того, что демаркирует границы 4 июня 1967 года, согласится на расширение полосы под израильским контролем вдоль берега Кинерета и подпишет мирный договор. В ответ на это сирийская делегация заявила об исключительном приоритете президента решать подобные вопросы. Таким образом, Израиль и США пришли к выводу, что единственным шансом убедить Х. Асада является прямая личная встреча с ним президента Б. Клинтона.

Эта встреча состоялась 26 марта 2000 года в Женеве. Х. Асад отверг предложения Б. Клинтона, настаивая на том, что граница между Израилем и Сирией должна быть проведена по линии международной границы 1923 года между французской Сирией и британской Палестиной. Это было неприемлемо для Э. Барака, так как ширина полосы, отделяющей границу от берега Кинерета, составляла лишь десять метров. По-видимому, министр иностранных дел Сирии переоценил уступчивость Х. Асада, в неформальной

обстановке заверяя Израиль и США в приемлемости их предложения.

После провала переговоров с Сирией Э. Барак решил в одностороннем порядке вывести израильские войска из Южного Ливана; этот вывод был осуществлен 24 мая 2000 года. Если со стратегической точки зрения вывод войск был весьма спорным, то с точки зрения его влияния на палестино-израильский конфликт негативное воздействие было очевидным. Палестинцы увидели, что уступки Израилю вовсе не обязательны для того, чтобы добиться вывода его войск с тех или иных территорий. Напротив, необходима борьба: если бороться за свои права и стоять в этой борьбе до конца, то Израиль в конце концов уйдет! Именно так был повсеместно воспринят в арабском мире односторонний вывод израильских сил с территории Южного Ливана.

Летом 2000 года, после провала переговоров с Сирией и вывода войск из Южного Ливана, Э. Барак сосредоточил основное внимание на палестинском направлении. При этом он стремился избежать длительных переговоров, выразив желание взять на вооружение модель, предложенную (но не реализованную) Б. Нетанияху: интенсивные переговоры на высшем уровне до победного конца под патронажем США. В конце мая 2000 года Э. Барак назначил Шломо Бен-Ами и Гилада Шера руководителями делегации по ведению переговоров с палестинскими представителями. Первый раунд этих переговоров прошел в Стокгольме, и на них были выработаны основные предложения, которые Израиль был готов представить Я. Арафату: создание независимого Палестинского государства, отступление с большей части территории Западного берега и сектора Газы, аннексия крупных поселенческих блоков в обмен на территориальную компенсацию, готовность принять от десяти до пят-

надцати тысяч палестинских беженцев при условии, что остальные будут расселены в арабских странах и создаваемом Палестинском государстве[251].

Стремление как можно скорее провести конференцию по окончательному урегулированию палестино-израильского конфликта проистекало из двух факторов, внешнего и внутреннего. С одной стороны, президент Б. Клинтон должен был в конце года сложить полномочия, поэтому он торопил Э. Барака (так как «только он, имея большинство в конгрессе, мог мобилизовать необходимые финансовые ресурсы для претворения мирных инициатив в жизнь»[252]). С другой стороны, правительственная коалиция в самом Израиле начала медленно распадаться из-за неминуемого идейного конфликта министров от Национально-религиозной партии и партии ШАС с министрами от леворадикальной партии МЕРЕЦ.

Саммит открылся в Кемп-Дэвиде 11 июля 2000 года. Предложения израильской стороны, с которыми она обратилась к Я. Арафату, были беспрецедентными по масштабу уступок. Впервые израильские представители отошли от принципа отказа от переговоров о статусе «единого и неделимого Иерусалима» и были готовы на раздел не только нового, но и Старого города. Кроме того, Э. Барак был готов уйти из долины Иордана, бывшей «оборонной границей» Израиля согласно плану Алона. 16 июля Я. Арафат заверил Б. Клинтона, что готов поступиться 8–10% территории Западного берега, если Израиль сдержит свои обещания относительно Иерусалима. Однако уже на следующий день Я. Арафат отказался от своих слов; кроме того, он продолжал настаивать на праве беженцев на возвращение. Непримиримая позиция Я. Арафата стала основным (хотя и не единственным) фактором, предопределившим провал сам-

мита[253]. Я. Арафат отказался от подписания мирного соглашения, будучи неспособным — на символическом уровне — признать факт окончания состояния войны с Израилем.

Успех или провал Кемп-Дэвидской встречи в верхах был решающим для судьбы кабинета Э. Барака. Провал инициативы премьер-министра ускорил распад коалиции. Хотя в течение некоторого времени ему удавалось сохранять правительство, не имея большинства в кнесете, 9 декабря 2000 года Э. Барак официально подал в отставку, после чего были назначены досрочные выборы, а правительство стало «переходным».

28 сентября 2000 года Я. Арафат дал «зеленый свет» началу второй интифады[254]. Несмотря на провал Кемп-Дэвидского саммита и фактический распад израильского правительства, некое подобие переговоров продолжалось, пусть и под огнем. Были осуществлены три попытки разрешить возникший острый кризис. Однако ни встречи в Париже в начале октября, ни в Шарм аш-Шейхе в середине октября, ни визит Ш. Переса в Газу в начале ноября не привели к снижению остроты кризиса.

Между тем 23 декабря 2000 года президент Б. Клинтон выступил с новыми предложениями. Эти идеи, представлявшие собой, по заявлению президента США, не американскую официальную позицию, а его личный взгляд, касались пяти самых тяжелых и трудноразрешимых проблем[255]. Касательно проблемы границ Б. Клинтон предложил аннексию Израилем 4–6% территории Западного берега, то есть аннексию крупных поселенческих анклавов, с одновременной территориальной компенсацией палестинцам. В вопросе Иерусалима президент США предлагал разделить суверенитет над городом между Израилем и палестинцами. Причем под раздел попадали не только новый и Старый город, но и Хра-

мовая гора, которая должна была отойти под палестинский контроль, и Стена Плача, которая должна была оставаться под израильским контролем. Предлагалось также, чтобы создаваемое Палестинское государство было демилитаризованным, и единственной вооруженной силой, которая могла бы находиться на его территории, была палестинская полиция и некие «международные силы», которые не могли быть выведены без согласия Израиля. Кроме того, за Израилем в течение последующих шести лет сохранялось право военного присутствия в долине Иордана. Для решения проблемы беженцев Б. Клинтон предлагал выделить пять опций: создаваемое палестинское государство; территории, передаваемые Израилем в качестве компенсации за аннексию поселенческих блоков; арабские страны; третьи страны и сам Израиль. Однако только первые две опции не могли быть количественно ограничены, в остальных же случаях могли быть применены квоты. Должен был быть создан фонд размером в тридцать миллиардов долларов для выплаты компенсации тем беженцам, которые решат не воспользоваться правом на возвращение в палестинское государство. После реализации этих предложений, по мнению Б. Клинтона, конфликт можно было бы считать урегулированным.

С оговорками и с тяжелым сердцем, но израильское руководство приняло предложения Б. Клинтона. Несмотря на развал кабинета и провал Кемп-Дэвидского саммита, Э. Барак сделал еще одну попытку заключить хоть какое-то соглашение. 21 января 2001 года в египетском городе Табе начался новый раунд израильско-палестинских переговоров. В итоговом документе заявлялось, что «стороны не смогли прийти к согласию по всем вопросам», однако подчеркивалось, что «стороны никогда не были так близки к достижению согласия». По мнению И. Рабиновича, едва ли не един-

ственной целью этого оптимистичного заявления было желание поддержать Э. Барака на предстоящих выборах[256].

С провалом Кемп-Дэвидского саммита и отставкой Э. Барака отошла в прошлое и идея ведения интенсивных палестино-израильских переговоров «до победного конца» для окончательного урегулирования конфликта. Израильское руководство пошло на самые большие уступки, которые только могли быть приняты израильским обществом, однако палестинская сторона не пошла на мирное соглашение. С началом новых волнений на Западном берегу и в секторе Газы в сентябре 2000 года взаимное доверие сторон было утрачено окончательно. Нежелание Я. Арафата принять даже те предложения, которые выдвигал Э. Барак, породило среди израильтян обоснованное сомнение в желании Я. Арафата заключать какой-либо мирный договор с Израилем вообще. Так закончился период «процесса Осло», начавшийся еще в 1992 году.

Еврейские поселения на контролируемых территориях в конце XX — первом десятилетии XXI века

В период, предшествовавший победе И. Рабина на выборах 1992 года и даже после этого, на Западном берегу и в секторе Газы были основаны десятки еврейских поселений; десятки и сотни тысяч евреев построили там свои дома[257]. Поселения провозглашались приоритетными районами развития (с соответствующими налоговыми льготами и выделением целевого финансирования), что способствовало как притоку новых жителей, так и хозяйственному развитию. Высокопоставленные министры присутствовали на церемониях закладки новых населенных пунктов, и, таким образом, вся

поселенческая деятельность за «зеленой чертой» выглядела делом государственной важности. Наибольшую поддержку поселенцам оказал А. Шарон во время своего пребывании в правительстве в качестве министра строительства в 1990–1992 годах. Вместе с руководителями поселенческого движения он пересек вдоль и поперек всю Иудею и Самарию в поисках подходящих мест для новых поселений, составляя планы и добиваясь требуемого финансирования. Его очевидной целью было не допустить создания на этих территориях Палестинского государства. Места для поселений выбирались таким образом, чтобы между Иорданом и «зеленой чертой» не оставалось не заселенных израильтянами районов. Из соображений безопасности почти все новые поселения строились на вершинах холмов. Крупные проекты в поселениях осуществлялись подрядными фирмами по заказам Министерства строительства (как, например, возведение многоэтажных жилых кварталов в Кирьят-Арбе, Маале-Адумим, Ариэле и других местах); при этом было широко распространено и индивидуальное строительство, в том числе в рамках проекта «Бне бетха» («Построй свой дом»). Превалирующий тип жилой застройки — односемейный дом. Первичное финансирование поселенческой деятельности часто осуществлялось поселенческим отделом Еврейского агентства.

Пришедшее к власти в июне 1992 года правительство И. Рабина—Ш. Переса объявило о замораживании строительства в еврейских поселениях за «зеленой чертой». Одновременно с этим с целью предотвращения трений между поселенцами и жителями создававшейся Палестинской администрации строились новые объездные шоссе, повысившие безопасность еврейских жителей Западного берега и Газы. С приходом к власти в мае 1996 года правительства

Б. Нетанияху решения о замораживании строительства поселений были отменены, вследствие чего возобновился приток в них новых жителей. Парадоксальным образом, период правления левоцентристского правительства Э. Барака, выражавшего готовность согласиться на массовую эвакуацию еврейских поселений за «зеленой чертой», был одним из самых благополучных для поселенческого проекта. С целью обеспечения коалиционной поддержки со стороны Национально-религиозной партии и правоцентристских кругов Э. Барак не противодействовал росту поселений на контролируемых территориях и новому строительству в них. Вопреки ожиданиям, именно правоцентристским правительством во главе с А. Шароном, где пост министра финансов последовательно занимали министры от блока «Ликуд» С. Шалом и Б. Нетанияху, были введены жесткие ограничения на строительство в еврейских поселениях (которое повсеместно ограничивалось потребностями их естественного роста, причем исключительно в уже существующих географических границах); были также отменены налоговые льготы, предоставлявшиеся поселенцам как жителям районов приоритетного развития.

Почти с самого начала поселенцы на Западном берегу и в Газе сталкивались с враждебными действиями со стороны арабских соседей. В первые годы поселенцы еще могли свободно передвигаться по арабским населенным пунктам и даже делать покупки и открывать банковские счета в Рамалле или Шхеме, однако со временем подобная свобода передвижения стала в полном смысле слова сопряженной с опасностью для жизни. Примерно с конца 1970-х годов арабы стали забрасывать камнями машины израильтян. В начале 1980-х годов местные арабы уже начали использовать против еврейских поселенцев огнестрельное оружие. Пер-

вой жертвой стал ученик иешивы из Кирьят-Арбы Иехошуа Саломе, который был убит пистолетными выстрелами на рынке в Хевроне в начале 1980 года. Через несколько месяцев в теракте около Бейт-Хадассы были убиты шесть евреев. Летом 1982 года житель поселения Ткоа был убит в Иродионе; в ответ на это на месте убийства было основано поселение Нокдим (в нем, в частности, проживает лидер партии «Наш дом — Израиль» Авигдор Либерман). С тех пор возникла практика создания новых поселений в тех местах, где из-за арабского террора погибли еврейские жители. Символическое значение такой политики было очевидным: поселенцы недвусмысленно демонстрировали арабам, что их не запугать, что еврейское заселение Западного берега и Газы продолжится, чего бы это ни стоило. Жизнь на территориях, значительное большинство населения которых составляют арабы, никак не способствовала сближению еврейских жителей с ними, напротив: развитие еврейских поселений на занятых Израилем в 1967 году землях приводило к острым конфликтам и вело к дальнейшей эскалации межнациональной напряженности. Евреи (в подавляющем большинстве случаев с согласия и при поддержке официальных органов власти Израиля) создавали все новые и новые города и поселки на Западном берегу и в Газе; арабы протестовали против захвата земель, которые они считали и считают своими, и этот протест часто выливался в акции насилия и террора; еврейские поселенцы в ответ демонстрировали несгибаемую силу духа, хороня погибших и основывая на месте их гибели новые и новые поселения.

С начала первой волны интифады (9 декабря 1987 года) до подписания Вашингтонской декларации о принципах палестино-израильского урегулирования (13 сентября 1993 года) на территориях Западного берега и Газы погиб-

ли 47 израильтян (не считая представителей армии и сил безопасности)[258]. Начало процесса Осло не привело к прекращению или сокращению арабского террора, направленного против еврейских поселенцев (как, впрочем, и направленного против израильтян в пределах «зеленой черты»), и в период переговорного процесса, до начала второй волны интифады (т.е. до 28 сентября 2000 года), на Западном берегу и в Газе погибли еще 47 еврейских жителей. С началом второй интифады число жертв арабского террора среди еврейских жителей контролируемых территорий (как и среди граждан Израиля, проживающих в пределах «зеленой черты») возросло многократно; всего с 29 сентября по 31 мая 2005 года от рук палестинских террористов погибли 218 поселенцев[259].

В единичных случаях поселенцы также прибегали к тактике индивидуального террора. 25 февраля 1994 года житель Кирьят-Арбы д-р Барух Гольдштейн убил 29 арабов и ранил еще около 125 в пещере Махпела в Хевроне; сам Б. Гольдштейн, перезаряжая автомат, был обезоружен, после чего растерзан на месте толпой. 4 августа 2005 года находившийся в бегах с оружием в руках 19-летний солдат Эден Натан-заде (Цубари), житель поселения Тапуах в Самарии, открыл стрельбу в автобусе, прибывшем из Хайфы в арабский город Шфарам (в пределах «зеленой черты»); в результате четыре человека были убиты, еще шестнадцать получили ранения, сам Э. Натан-заде (Цубари) был забит насмерть местными жителями. 17 августа 2005 года житель поселения Швут-Рахель Ашер Вайсган выхватил оружие у охранника промышленной зоны в поселении Шило, после чего убил четырех арабов (находясь в заключении, в декабре 2006 года А. Вайсган повесился[260]). Важно подчеркнуть, что подобные акты насилия в отношении арабского населения были осуждены представителями всех израильских по-

литических партий, а после событий в пещере Махпела в 1994 году была даже создана специальная государственная следственная комиссия во главе с тогдашним председателем Верховного суда Меиром Шамгаром.

Несмотря на террор, а во многом — как реакция на него, численность еврейских поселений на контролируемых территориях продолжала расти, и если в конце 1984 года их было 104 (еще около 35 поселений находилось на различных стадиях становления) [261], то спустя двадцать лет их число достигло 177. До реализации в августе 2005 года правительством А. Шарона так называемой программы размежевания еврейские поселения были объединены в шесть региональных советов: Шомрон (Самария), Мате Биньямин (Северная Иудея), Гуш-Эцион (Центральная Иудея), Хар-Хеврон (Хевронское нагорье, Южная Иудея), Бик'ат ха-Ярден (Иорданская долина) и Газа. После эвакуации в августе 2005 года жителей всех еврейских поселений Газы и ликвидации всех существовавших в этом районе еврейских поселений соответствующий региональный совет был расформирован. Согласно данным МВД Израиля, на конец 2007 года на Западном берегу и в секторе Газы насчитывалось 282 тысячи еврейских жителей (в конце 2004 года — только 250 тысяч)[262], и это после того, как более девяти тысяч из них (8550 человек, проживавших в 21 поселении в секторе Газы, и 674 — в четырех поселениях Северной Самарии) в августе 2005 года в рамках так называемой программы одностороннего размежевания были вынуждены покинуть свои дома. В настоящее время на Западном берегу существуют одиннадцать еврейских поселений с числом жителей более пяти тысяч человек в каждом, причем в пяти из них (в Маале-Адумим, Модиин-Илит, Бейтар-Илит, Ариэле и Гиват-Зеэве) число жителей превысило 10 тысяч человек в каждом.

Еврейские поселения на Западном берегу Иордана
с числом жителей более 5 тысяч человек в каждом

Поселение	Данные на 1 июня 2003 г.	Данные на 1 января 2008 г.	Рост за пять лет, %
Модиин-Илит (Кирьят-Сэфер)	22927	37895	+65,3
Маале-Адумим	28120	34495	+22,7
Бейтар-Илит	21554	32046	+48,7
Ариэль	17464	17893	+2,5
Гиват-Зеэв	10946	11180	+2,1
Эфрата	7088	8195	+15,6
Карней-Шомрон	6403	6803	+6,2
Кирьят-Арба	5992	6958	+16,1
Алфей-Менаше	5550	6404	+15,4
Оранит	5135	5782	+12,6
Бейт-Эль	4581	5381	+17,5
Всего в 11 крупнейших поселениях	135760	173032	+27,5

Большинство жителей еврейских поселений на контролируемых территориях составляли и составляют приверженцы религиозного сионизма, в семьях которых рождаемость, как правило, значительно выше, чем в среднем по стране. При этом наиболее быстро растут города Модиин-Илин (рост более 65% за пять последних лет) и Бейтар-Илит (рост более 48% за пять последних лет), заселенные ультраортодоксальными приверженцами иудаизма. Самое крупное еврейское поселение на контролируемых территориях, не заселенное ультраортодоксами, — город Маале-Адумим (основан в 1978 году) — находится в нескольких километрах восточнее Иерусалима, по дороге к Мертвому морю. Светские жители составляют около двух третей населения города; большинство религиозного населения сосредоточено в районе Мицпе-Нево и в квартале, созданном в

начале 1990-х годов русскоязычными репатриантами — активистами организации «Маханаим». Маале-Адумим является одним из самых ухоженных и благоустроенных городов в стране, что привлекает многих жителей Иерусалима, не удовлетворенных положением дел в столице (где неуклонно растет доля арабского и еврейского ультрарелигиозного населения). В 1999 году в Маале-Адумим был открыт большой торговый центр, а в 2003 году — двухэтажная библиотека; строится концертный зал. В городе продолжается и интенсивное жилищное строительство.

Уровень участия жителей поселений в трудовой деятельности весьма высок. Поселенцы трудятся как в сфере услуг и в образовательных учреждениях, так и в сельском хозяйстве и промышленности. Сельскохозяйственные поселения сосредоточены в основном в долине Иордана (овощеводство, садоводство, полевые культуры) и в Гуш-Эционе (полевые культуры — хлопок, зерновые, подсолнечник; садоводство, молочное хозяйство, птицеводство), а в недавнем прошлом — также и в полосе Газы (овощеводство и цветоводство, преимущественно тепличные культуры; садоводство, полевые культуры). В Иудее и Самарии, где пригодные для сельскохозяйственного использования земли обрабатываются арабскими крестьянами, сельскохозяйственные поселения немногочисленны (виноградарство, садоводство, овцеводство и птицеводство). Во многих поселениях также находятся небольшие электронные, электротехнические и металлообрабатывающие предприятия и лаборатории. Развитые индустриальные зоны существуют рядом с Маале-Адумим (промзона Мишор-Адумим), Кирьят-Арбой и Ариэлем (промзона Баркан). Вместе с тем большинство жителей поселений работают в близлежащих городах в пределах «зеленой черты».

Наряду с общеобразовательными учебными заведениями в поселениях Иудеи и Самарии существуют десятки иешивот различных типов. В Офре действует Институт высших еврейских наук, в Алон-Швут — Институт исследований в области технологии и Галахи, в Кдумим — Мидрешет Эрец-Исраэль (национально-сионистский образовательный центр), а в Ариэле — Университетский центр Самарии (бывший Колледж Иудеи и Самарии). Этот колледж был основан в 1982 году при деятельном участии и под эгидой Университета Бар-Илан, но впоследствии приобрел академическую самостоятельность. Сегодня в Колледже Иудеи и Самарии существуют девятнадцать кафедр и подготовительное отделение, на которых учатся восемь с половиной тысяч студентов (среди них более трехсот арабов — граждан Израиля). На сегодняшний день Университетский центр Самарии имеет право присуждать своим выпускникам степень бакалавра по биотехнологии и химической инженерии, электронике, инженерии и менеджменту, физиотерапии, гражданской инженерии, архитектуре, экономике и управлению бизнесом, социальной работе и управлению медицинскими учреждениями. В 1990 году в нем был создан департамент по научно-исследовательской работе, в 1992 году под эгидой колледжа возникла так называемая Технологическая теплица, с 1994 года выпускаются научные периодические издания в области естественных и гуманитарных наук; с 2006 года выходит журнал «Социальные проблемы в Израиле» (на иврите). Центр имеет большую библиотеку.

На всем протяжении развития поселенческого движения критическую важность имела и имеет неурегулированность юридического статуса контролируемых территорий и, как следствие, постоянная вероятность того, что органы власти Израиля могут по тем или иным причинам принять

решение об эвакуации поселенцев и разрушении (или передаче под контроль другой страны или Палестинской администрации) построенных ими городов и деревень.

Право Израиля на создание гражданских поселений на контролируемых территориях не признается структурами ООН и государствами — членами организации; призывы к эвакуации всех уже созданных на этих землях поселений повторяются в многочисленных резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Так, в резолюции № 446 от 22 марта 1979 года Совет Безопасности ООН призвал «Израиль как оккупирующую державу … отменить ранее принятые меры и воздерживаться от каких-либо действий, которые могут привести к изменению юридического статуса и географического характера и существенно сказаться на демографическом составе арабских территорий, оккупированных с 1967 года, в том числе Иерусалима, и в особенности не переселять группы своего собственного гражданского населения на оккупированные арабские территории». Совет Безопасности вновь подтвердил свою позицию в резолюциях № 452 от 20 июля 1979 года и № 465 от 1 марта 1980 года.

Утверждения о «незаконном характере израильских поселений на территории, оккупированной с 1967 года» (или же «на палестинской территории, включая Восточный Иерусалим») фигурируют в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН № 51/133 от 13 декабря 1996 года, № 52/66 от 10 декабря 1997 года, № 53/55 от 3 декабря 1998 года, № 54/78 от 6 декабря 1999 года, № 55/132 от 8 декабря 2000 года, № 56/36 от 3 декабря 2001 года, № 57/110 от 3 декабря 2002 года и других. В резолюции № 58/98 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 2003 года «вновь подтверждает[ся], что израильские поселения на палестинской территории,

включая Восточный Иерусалим, и на оккупированных сирийских Голанах являются незаконными и препятствуют достижению мира и социально-экономическому развитию», а также «повторяет[ся] требование о полном прекращении всей поселенческой деятельности Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и на оккупированных сирийских Голанах». В «Дорожной карте» урегулирования палестино-израильского конфликта, опубликованной Государственным департаментом США 30 апреля 2003 года и поддержанной в резолюции № 1515 Совета Безопасности ООН от 19 ноября 2003 года, вновь говорится о том, что «Израиль заморозит любую деятельность по созданию и расширению поселений на контролируемых территориях», а также «любую поселенческую деятельность (в том числе обусловленную естественным ростом поселений)».

9 июля 2004 года Международный суд вынес консультативное заключение относительно правовых последствий строительства Израилем так называемого забора безопасности на Западном берегу Иордана. Международный суд пришел к выводу о том, что «израильские поселения на оккупированной палестинской территории (включая Восточный Иерусалим) были созданы в нарушение международного права»[263]. Как известно, Израиль не согласился с этим решением Международного суда и отказался выполнять его. 10 декабря 2004 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция 59/123, озаглавленная «Израильские поселения на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и оккупированных сирийских Голанах», в которой говорится, «что поселенческая деятельность Израиля сопряжена, в частности, с перемещением граждан оккупирующей державы на оккупи-

рованные территории, конфискацией земли, эксплуатацией природных ресурсов и другими противоправными действиями, направленными против палестинского гражданского населения». Резолюция констатирует «пагубное воздействие поселенческих политики, решений и мероприятий Израиля на усилия по достижению мира на Ближнем Востоке». Генеральная Ассамблея вновь заявила «о своем неприятии поселенческой деятельности на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и любой деятельности, сопряженной с конфискацией земли, подрывом жизненного уклада покровительствуемых лиц и фактической аннексией земли», повторив «свое требование о полном прекращении всей поселенческой деятельности Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и на оккупированных сирийских Голанах».

Израиль, мягко говоря, не особенно прислушивается к мнению Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу, однако проблема серьезно осложняется еще и тем, что статус «контролируемых» территорий не урегулирован даже и в его собственном законодательстве. В силу того, что, кроме Голанских высот и Восточного Иерусалима, никакие из занятых в 1967 году земель не были аннексированы Израилем, сохраняя на протяжении десятилетий проблематичный статус «удерживаемых», но не «присоединенных» территорий, постоянный (и весьма значительный) рост числа поселений и количества их жителей при нависающем «дамокловом мече» возможной эвакуации во многом определяли и определяют социально-политические тенденции развития всего поселенческого проекта. Политика же израильских руководителей в этом вопросе не отличалась последовательностью.

Так, еще в декабре 1972 года тогдашний министр обороны М. Даян говорил о необходимости создания крупного поселения на Синайском полуострове. Первые жилые дома в Ямите были заложены в мае 1974 года. План строительства был рассчитан на население до 250 тысяч человек, и уже в сентябре 1975 года первые жители приехали в Ямит. В ноябре 1976 года тогдашний премьер-министр И. Рабин отметил: «Ямит должен быть присоединен к территории Израиля для обеспечения безопасности границ страны»[264]. Однако после визита А. Садата в Иерусалим и начала израильско-египетских мирных переговоров на повестку дня встал вопрос о возвращении Синая Египту. Хотя еще в январе 1978 года отдельные члены правительства декларировали, что «Ямит никогда не будет оставлен Израилем», 17 сентября того же года были подписаны соглашения в Кемп-Дэвиде, по которым Синай должен был быть полностью возвращен Египту. Жители Ямита (которых насчитывалось к тому времени четыре тысячи человек) начали серию акций протеста, однако решение о разрушении Ямита и эвакуации всех его жителей было утверждено премьер-министром М. Бегином. Ямит был разрушен 23 апреля 1982 года. В ходе эвакуации несколько сот активистов правых движений забаррикадировались на крышах домов, используя мешки с песком и пену огнетушителей для противостояния солдатам и представителям сил безопасности, численность которых в те дни в Ямите достигла двадцати тысяч человек. Несколько протестующих и несколько солдат получили ранения и были госпитализированы. Эвакуация жителей Ямита и разрушение городской инфраструктуры были проведены согласно первоначальному плану и без задержек. Существуют неподтвержденные свидетельства, согласно которым египетские представители предлагали компенсацию в пятьде-

сят миллионов долларов за то, чтобы Ямит не был разрушен, а был передан Египту, однако ответа на это предложение не последовало[265].

Насколько известно, правительство Израиля не принимало какого-либо решения по вопросу о том, разрушать или не разрушать поселения, созданные на Синайском полуострове после 1967 года. Это решение было принято практически единолично тогдашним министром обороны А. Шароном, который и руководил операцией по разрушению Ямита и других еврейских поселений, созданных на Синайском полуострове. Кроме Офиры на юге Синая (в районе Шарм аш-Шейха), силами израильской армии были разрушены все еврейские поселения. Сам А. Шарон сказал по этому поводу: «Пусть эти руины несут вечное доказательство того, что мы сделали все и даже больше возможного для того, чтобы выполнить наши обязательства по мирному договору, — чтобы наши дети не обвиняли нас в том, что мы упустили подобную возможность. Не арабская армия — им никогда такого не удастся — уничтожила город. Только мы, своими собственными руками, уничтожили Ямит. Мы вынуждены были стереть этот город с лица земли ради выполнения условий мирного договора, ради того, чтобы не проливалась еврейская кровь»[266].

Прошло более двадцати лет. За эти годы многое изменилось в Израиле, многое пережил и сам А. Шарон, в 2001 году ставший, вопреки всем прогнозам, премьер-министром страны. За двадцать лет, прошедших после эвакуации Ямита и других поселений Синайского полуострова, ни одно из еврейских поселений не было эвакуировано. Какой бы критике ни подвергали оппоненты И. Рабина, Ш. Переса и ведомый ими «процесс Осло», в ходе этого процесса ни одно поселение не было расформировано и ни один поселенец

не получил предписания покинуть свой дом. После трагедии в Пещере праотцев в Хевроне, виновником которой стал Барух Гольдштейн в феврале 1994 года, леворадикальные члены «команды Переса» Йоси Бейлин, Рон Пундик и Яир Хиршфельд предложили своему патрону, бывшему в то время министром иностранных дел, инициировать эвакуацию еврейских жителей Хеврона, переселив их в Кирьят-Арбу. Я. Хиршфельд свидетельствует, что Ш. Перес поддержал эту идею и даже почти убедил премьер-министра И. Рабина принять ее, однако яростное сопротивление армейского командования заставило И. Рабина отказаться от этого плана[267]. Ни после подписания в Вашингтоне Декларации о принципах палестино-израильского урегулирования (1993), ни после подписания Газа–Иерихонского соглашения (1994), ни в ходе реализации Соглашений Осло-2 (1995) и Уай (1998) ни одно из еврейских поселений на Западном берегу или в Газе не было расформировано или разрушено.

Правительство А. Шарона (2001–2006) и правительство Э. Ольмерта (2006–2008): от двусторонних соглашений к одностороннему размежеванию

После того как в начале февраля 2001 года Эхуд Барак проиграл выборы Ариэлю Шарону, израильское руководство оказалось в очень сложном положении. Команда переговорщиков Эхуда Барака предложила Ясиру Арафату максимум уступок, на которые Израиль в принципе мог пойти, — и этого оказалось мало. Проблем тут было три.

Во-первых, подавляющее большинство израильтян предложения, сделанные командой Э. Барака, отвергали, в особенности те, которые обсуждались в декабре 2000 года

(«параметры Клинтона») и в январе 2001 года в ходе переговоров в Табе. Утверждения некоторых авторов о том, что Э. Барак с треском проиграл выборы 2001 года потому, что не сумел добиться подписания мирного соглашения, едва ли верны — скорее напротив, подписание мирного соглашения на таких условиях поставило бы Израиль на грань гражданской войны, а жизни самого Э. Барака угрожала бы не меньшая опасность, чем та, что угрожала И. Рабину после подписания Соглашения Осло-2 в сентябре 2005 года. Продолжение политического курса кабинета Э. Барака не отвечало устремлениям и чаяниям подавляющего большинства израильтян.

Во-вторых, те уступки в Иерусалиме и в Иудеи и Самарии, на которые пошли члены команды Э. Барака, были неприемлемыми лично для А. Шарона. Следует отметить, что уже после переговоров в Кемп-Дэвиде израильтяне пошли навстречу палестинцам по трем основным вопросам.

— *По Иерусалиму.* Скорректированное предложение израильтян подразумевало передачу под палестинский суверенитет 2,5 кварталов Старого города (двух кварталов полностью — мусульманского и христианского, а также половины армянского квартала). Таким образом, Израиль снял требование по установлению своего суверенитета над аль-Харам аш-Шариф (Храмовой горой). Э. Барак продолжал выступать против передачи суверенитета над аль-Харам аш-Шариф палестинцам, однако был готов согласиться с установлением «исламского суверенитета» (что, по сути, соответствует ранее заявленному предложению Я. Арафата о передаче Храмовой горы под контроль Египта, Иордании, Марокко и организации «Исламская конференция»). Израиль дал согласие на «ограниченный палестинский суверенитет» («суверенитет-минус»),

при котором палестинцам было бы запрещено проводить раскопки под Храмовой горой.

— *По границам* (территориальный вопрос). В соответствии с предложениями американцев, под палестинский суверенитет должно было быть передано около 96% Западного берега с одновременной компенсацией за счет выделения им других территорий в Израиле. В ходе переговоров в Табе речь шла в целом о получении палестинцами контроля над 94% Западного берега с «разменом» (land swap) 6% части палестинских территорий на 3% территории Израиля, которая переходила бы палестинцам. Израильские представители также выразили согласие создать так называемый город беженцев на подлежащей передаче палестинцам территории вблизи Халуцы в пустыне Негев.

— *По поселениям*. Израиль дал согласие на ликвидацию всех поселений, находившихся за пределами крупных поселенческих блоков. Тем самым израильтяне пошли дальше своих кемп-дэвидских позиций, по которым поселенцам предлагался выбор — эвакуироваться или остаться под палестинским контролем. Однако новая вспышка палестино-израильского противостояния — начало второй интифады — показала категорическую невозможность оставить еврейские поселения под палестинским контролем.

Израильские представители также отступили от требования о сохранении контроля над границами создававшегося Палестинского государства с Иорданией и Египтом. Они согласились эвакуировать все еврейские поселения из сектора Газы, а также вывести еврейских жителей из Хеврона. Обсуждалось и прекращение израильского строительства в двух новых районах Восточного Иерусалима: Хар-Хома и Рас-эль-Амуд. В Табе было подтверждено уже имевшееся по прежним переговорам понимание в вопросе об Иерусали-

ме: все арабские кварталы являются частью палестинского Иерусалима, в том числе районы Рас эль-Амуд и Шейх Джаррах. Разногласия касались района мечети Аль-Акса, Западной стены (Стены Плача) и еврейских кладбищ[268].

Гилад Шер, едва ли не наиболее близкий политический соратник экс-премьера Эхуда Барака и руководитель делегации по переговорам с представителями Палестинской администрации, свидетельствует о том, что уже в ходе переговоров в Табе во второй половине января 2001 года Ахмед Куреи (Абу-Алла) и Саиб Арикат, палестинские политики, не считающиеся непримиримыми радикалами, «с порога» отвергли проект урегулирования, который предусматривал уход Израиля с 92% территорий Западного берега и эвакуацию как минимум 90 израильских поселений[269]. Представленная палестинскими представителями карта хотя и допускала возможность аннексии Израилем ряда поселений в районе Ариэля, Гуш-Эциона и Латруна, предусматривала уход Израиля как минимум с 96,5% контролируемых территорий, а также эвакуацию Кирьят-Арбы и всех еврейских поселений в районе Большого Иерусалима, созданных после 1967 года, в том числе Маале-Адумим и Гиват-Зеэва, а также новых еврейских районов Восточного Иерусалима Хар-Хома и Рас-эль-Амуд[270]. По словам тогдашнего министра иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами, в Табе израильские участники переговоров выразили готовность передать под палестинский контроль 94% территорий Западного берега, что требовало бы эвакуировать 102 поселения[271]. Г. Шер утверждает, что израильская делегация настаивала на аннексии (в том числе и на условиях долгосрочной аренды) территорий Западного берега общей площадью 650 квадратных километров[272]. Ш. Бен-Ами приводит другие данные: Израиль требовал территории общей площадью 440 квадратных кило-

метров, где которых находятся 32 поселения, в которых на тот момент проживали 137 тысяч человек[273]. Палестинцы же, по его словам, были готовы согласиться на аннексию Израилем территорий общей площадью 131 квадратный километр (требуя при этом равноценной компенсации из суверенной территории Израиля в пределах «зеленой черты»), на которой находилось всего 17 поселений, в которых проживали лишь 32 тысячи еврейских поселенцев[274]. Стороны так и не смогли прийти к соглашению.

Почти все предложения команды Э. Барака были категорически неприемлемыми для нового израильского премьер-министра и членов сформированного им кабинета. Первейшая задача А. Шарона состояла в том, чтобы дезавуировать все то, что было сказано официальными представителями Израиля в ходе переговоров 2000–2001 годов. Эта задача облегчалась двумя факторами — как тем, что никаких соглашений в итоге подписано не было, а раз так, не существовало никаких обязывающих документов, которым Израиль должен был следовать, так и тем, что за две недели до избрания нового премьер-министра в Израиле к власти в США пришел новый президент, который абсолютно индифферентно отнесся к «параметрам Клинтона» и всему ближневосточному переговорному наследию предыдущей администрации. Спустя менее чем семь месяцев после саммита в Кемп-Дэвиде Я. Арафат остался единственным из его участников, остававшийся на своем посту.

В-третьих, большое значение имел тот факт, что палестинцы начали вооруженное восстание спустя несколько недель после саммита, на который израильские руководители возлагали надежды, касавшиеся выработки соглашения об окончательном мирном урегулировании конфликта. В результате в израильском обществе сформировалась и

окрепла доктрина, гласившая, что Израилю просто не с кем вести переговоры на палестинском направлении, что руководство ПНА в принципе не стремится к мирному урегулированию. Следствием этого разочарования стало ужесточение израильских позиций, ибо — зачем выражать готовность к уступкам во имя мира, когда возможность мирного урегулирования более вообще не стоит на повестке дня?!

Здесь и прошла линия водораздела. Если раньше в израильском обществе спор шел между сторонниками доктрины «неделимой Эрец-Исраэль» и приверженцами формулы «территории в обмен на мир», то после сентября 2000 года в обществе окрепло осознание того, что Израиль не может и не сможет добиться мирного урегулирования ни при какой готовности к территориальным уступкам. Если до этого полемика велась о том, стоит ли мирный договор, долговечность которого никто не мог гарантировать, отказа от тех или иных территорий, важных с исторической, религиозной, символической или военной точки зрения, то теперь пришло осознание, что никакой отказ Израиля от территорий, занятых в ходе Шестидневной войны и все еще контролировавшихся им, не способен обеспечить Израилю мир. С некоторой точки зрения, контролируемые территории потеряли свою ценность, ибо исчезла все время отвергавшаяся, но при этом не забывавшаяся надежда обменять их на «мир». Возможный уход с территорий потерял свое главное практическое и моральное оправдание.

При этом не было никакого основания полагать, что палестинские руководители вдруг изъявят желание пойти на мирное соглашение с Израилем на условиях значительно худших, чем те предложения, которые обсуждались ими с членами «команды Барака». Повторять же предложения Э. Барака Ариэль Шарон категорически отказался.

Команда Э. Барака, как верно отметил Ш. Бен-Ами в своей книге, дошла до самых границ возможностей переговорного процесса, однако, даже исчерпав эти возможности, вожделенного мира достигнуть не удалось. В этой ситуации можно было прийти к одному из двух выводов. Первый возможный вывод состоял в том, что израильские уступки, при всей их значительности, были все же недостаточны, и нужно продолжать движение в том же направлении в надежде, что на каких-то условиях палестинские руководители согласятся подписать соглашение о прекращении конфликта. Именно таков был ход мысли Й. Бейлина и его политических сторонников, присоединившихся к нему в работе над так называемым Женевским соглашением, опубликованным в октябре 2003 года[275]. Проблема состоит в том, что большинство израильтян категорически не верят в то, что это соглашение, будь оно реализовано, на самом деле приведет к миру, а не к дальнейшему ухудшению положения в сфере безопасности и, в перспективе, к третьей интифаде. При этом справедливость требует отметить, что и среди израильтян большинство выступают категорически против столь масштабных уступок (в Женевском соглашении речь шла об уходе Израиля с 97% территории Западного берега, ликвидации целого ряда еврейских поселений, среди которых значился и город Ариэль, передаче под контроль ПНА трех из четырех районов Старого города Иерусалима и т.д.). Статья 4.1.А Женевского соглашения гласит: «В соответствии с резолюциями № 242 и № 338 Совета Безопасности ООН, граница между Палестинским государством и Израилем будет основана на линии 4 июня 1967 года с взаимными изменениями в соотношении 1:1, как обозначено на прилагаемой к настоящему соглашению карте № 1». Согласно этой карте, лишь поселенцы, живущие в Маале-Адумим, Гиват-Зеэве, Гуш-Эционе

и некоторых других местах в непосредственной близости к «зеленой черте», смогут остаться в своих домах. Остальные поселенцы, численность которых составляет не менее 100 тысяч человек, согласно Женевскому соглашению, будь оно реализовано, должны были бы покинуть свои дома. В статье 4.5.А Женевского соглашения говорится: «Израиль отвечает за предоставление нового места жительства израильтянам, проживающим в настоящее время на территории создаваемого Государства Палестина»[276]. С израильской стороны проект Женевского соглашения подписали в ноябре 2003 года лишь четыре действующих (Хаим Орон, Авраам Бург, Амрам Мицна и Юли Тамир) и пять бывших (Йоси Бейлин, Узи Барам, Амнон Липкин-Шахак, Далия Рабин и Нехама Ронен) членов парламента[277]; ни один из них не занимал каких-либо министерских постов в правительственных коалициях А. Шарона*. И хотя нынешний президент Израиля Ш. Перес не так давно говорил о возможности (впрочем, пока лишь умозрительной) «поднять с насиженных мест более двухсот тысяч поселенцев»[278], совершенно очевидно, что шансы на реализацию Женевского соглашения в обозримой перспективе кажутся ничтожными.

Куда более реалистичным с точки зрения практической политики оказался второй возможный вывод из краха переговоров 2000–2001 годов, гласивший, что на «палестинском направлении» у Израиля нет партнера для мирного урегулирования, и необходимо поэтому двигаться дальше в одностороннем порядке. Именно в соответствии с этим выводом действовал Ариэль Шарон, когда 18 декабря 2003 года в своем выступлении на конференции Междисциплинарного

* В 2006 году Й. Бейлин вернулся в кнесет, а Ю. Тамир заняла пост министра образования в правительстве Э. Ольмерта.

центра в Герцлии заявил о том, что в скором времени «Израиль инициирует … одностороннее размежевание», при котором «часть поселений будет перемещена». В этой речи А. Шарон не назвал те поселения, которые будут «перемещены» (то есть ликвидированы), ограничившись фразой, что речь идет о тех населенных пунктах, «которые при любом возможном раскладе будущего окончательного соглашения не будут включены в территорию Израиля»[279]. Спустя несколько месяцев А. Шарон обнародовал детали своей программы, из которой следовало, что планируется эвакуировать все еврейские поселения, созданные в секторе Газы (их число достигло к тому времени 21), а также четыре еврейских поселения из района Северной Самарии. Важно отметить, что речь шла не об эвакуации поселений в рамках мирного договора с соседней арабской страной или с палестинцами, а об односторонней инициативе израильского правительства, согласованной исключительно с администрацией США[280]. Многочисленные акции протеста, проведенные под руководством Совета поселений Иудеи, Самарии и Газы, не повлияли на политику правительства, и в августе 2005 года так называемая программа размежевания была реализована в полном объеме, положив конец истории еврейских поселений в секторе Газы[281]. После ухода израильских поселенцев и войск все находившиеся в этом районе синагоги (из которых были заблаговременно вывезены свитки Торы и молитвенники) были разгромлены и сожжены местными арабами при полном попустительстве Палестинской администрации.

Огромная проблема состояла в том, что между декабрем 2003 года (когда А. Шарон обнародовал свой план) и августом 2005 года (когда этот план был реализован) ситуация в ПНА изменилась кардинально, однако израильские руко-

водители продолжали движение по заданному вектору, как будто не произошло ничего, что требовало бы направление этого вектора откорректировать. Ш. Бен-Ами и другие члены команды Э. Барака многократно повторяли, что крах палестино-израильских переговоров 2000–2001 годов был спровоцирован особенностями личности Я. Арафата, который был неспособен перейти от роли лидера вооруженного движения сопротивления к роли строителя национального государства, живущего в мире со своими соседями. Однако в ноябре 2004 года Я. Арафата не стало, и, как представляется, возник реальный шанс прийти к мирному соглашению с новым главой ПНА — М. Аббасом, который начиная с 1992 года так или иначе участвовал почти во всех раундах палестино-израильских переговоров. Однако этим шансом никто не воспользовался; по инерции продолжалось движение по модели односторонних шагов, в результате чего ХАМАС не без оснований провозгласил себя победителем, изгнавшим израильских оккупантов из сектора Газы, подобно тому как «Хизбалла» изгнала их из Южного Ливана[282].

На волне этого успеха ХАМАС выиграл в январе 2006 года навязанные ПНА американцами выборы во второй созыв Палестинского законодательного совета, а в июне 2007 года полностью захватил власть в секторе Газы[283]; последние очаги сопротивления сторонников ФАТХа были разгромлены в конце июля 2008 года. В результате исчезли всякие шансы на комплексное урегулирование палестино-израильского конфликта: власть в секторе Газы захватила организация, в принципе не признающая право на существование суверенного Государства Израиль ни в каких границах. Переговоры, которые Э. Ольмерт и министр иностранных дел Ц. Ливни вели с М. Аббасом и другими представителями руководства ПНА, касались де-факто уже лишь территорий Западного

берега, ибо в Газе никакой властью М. Аббас и назначенное им правительство не обладают.

Несколько лет назад крупнейший российский арабист Г.Г. Косач справедливо отмечал: «Заключив союз с руководством ООП, палестинский социум обоих регионов ПНА видел (при всех поворотах событий последних лет) в уже сложившейся *национальной власти* единственного (хотя и далеко не безупречного) гаранта своих чаяний»[284]. Напротив, руководители ХАМАСа заявляли, что видят свою задачу в том, чтобы создать на территории ПНА «ситуацию невозвращения» к положению, существовавшему до начала *интифады мечети аль-Акса*, когда национальная политическая элита, представленная руководством автономии, правящим там движением ФАТХ, а ранее Организацией освобождения Палестины (ООП), «предала» интересы собственного народа, начав процесс нормализации отношений с Израилем. Путь к созданию этой ситуации должен был, по их мнению, проходить через «эскалацию вооруженных операций, для проведения которых уже возникла благоприятная обстановка»[285]. Руководители ХАМАСа подчеркивали, что их «выбор всегда заключался в том, чтобы содействовать усилению актов сопротивления, и прежде всего сейчас, когда приблизился этап окончательного урегулирования»[286]. Для этого движения «путь вооруженной борьбы — единственный способ возвращения оккупированных территорий», а «партизанские методы сопротивления … — наиболее приемлемый метод противостояния израильтянам»[287]. Как справедливо подчеркивал Г.Г. Косач, «воскрешалась не только лексика времени, представлявшегося ушедшим в прошлое, но и методы действия — среди них вновь в первую очередь террор, — к которым уже, как это выглядело еще недавно, не могло быть возврата»[288]. Ситуация измени-

лась кардинально, и в настоящее время ХАМАС, созданный при попустительстве (чтобы не сказать поддержке) Израиля с целью борьбы с ООП, добился той самой цели, ради которой возник. Эта победа ХАМАСа над ООП стала еще одной пирровой победой Израиля. Между ноябрем 2004 и январем 2006 года развитие событий по такому сценарию можно было предотвратить, но для этого необходимо было отбросить модель односторонних шагов, попытавшись добиться (при поддержке и с привлечением Иордании и Египта) соглашения с администрацией М. Аббаса, тогда еще контролировавшей оба региона ПНА: и Западный берег, и Газу. Этого, к сожалению, сделано не было.

Очевидно, что демографические изменения, происходящие на Западном берегу, — несмотря на различия в их оценке — являются фактором, который сыграет существенную роль в процессе принятия решений о будущем статусе контролируемых территорий и созданных на них поселениях. Как отмечает президент Израиля Шимон Перес, «есть опасность загнать себя на исторической земле в демографическую диаспору»[289], и эта опасность постепенного превращения евреев в меньшинство в Палестине/Эрец-Исраэль очень беспокоит израильское руководство. Вопреки тому, что казалось очевидным ранее, будущие решения совсем не обязательно станут результатом переговоров Израиля с руководителями Палестинской администрации и соседних арабских стран; вполне возможно, что эти решения будут приняты израильским руководством и согласованы только с администрацией США.

Строительство Израилем начиная с 2003 года так называемого забора безопасности фактически означает определение в одностороннем порядке контуров будущих восточных границ еврейского государства. Можно с высокой сте-

пенью вероятности предположить, что те территории, которые окажутся в пределах забора, будут впоследствии аннексированы Израилем, тогда как шансы на сохранение под израильским контролем в долгосрочной перспективе поселений на Западном берегу, которые окажутся за пределами этого забора, представляются весьма сомнительными. Желание избежать превращения Израиля в двунациональное еврейско-арабское государство, «отделившись» от территорий со значительным преобладанием арабского населения, может стать катализатором нового витка эвакуации тех или иных поселений Западного берега и их жителей — и именно об этом говорили Эхуд Ольмерт, Ави Дихтер и другие израильские министры в серии выступлений и интервью перед выборами в кнесет, прошедшими в марте 2006 года. Та относительная легкость, с которой была реализована программа ухода из Газы и ликвидация существовавших там еврейских поселений, открыла путь к развитию событий именно по такому сценарию. При этом можно предположить, что города Маале-Адумим, Модиин-Илит, Ариэль, Гиват-Зеэв, Кирьят-Арба и поселения района Гуш-Эцион останутся под контролем Израиля, а в будущем станут частью территории, на которую будет распространена израильская юрисдикция. С другой стороны, резкая интенсификация обстрелов израильской территории (городов Сдерот, Ашкелон и близлежащих поселков и сельскохозяйственных поселений) из сектора Газы и в не меньшей мере — вторая ливанская война (июль — август 2006 года) серьезно ослабили возглавлявшийся Эхудом Ольмертом лагерь сторонников так называемой программы консолидации, ибо очевидно, что место израильских поселений и войск после их выхода из Газы и Южного Ливана заняли боевики ХАМАСа, «Исламского джихада» и «Хизбаллы». Едва ли интерес Израиля состоит в

дальнейшем усилении этих террористических организаций, а каждое новое израильское одностороннее отступление будет восприниматься именно как их победа.

Медленно, но верно прежний принцип «территории в обмен на мир» был заменен израильским политическим руководством новой парадигмой: «территории в обмен на поддержание демографического баланса». Израиль покидает те или иные земли (Южный Ливан, Газу, Северную Самарию), даже и не рассчитывая на мирное урегулирование, лишь с целью (важность которой, впрочем, бессмысленно оспаривать) избежать сценария «режима апартеида», при котором правящее еврейское меньшинство держит на положении граждан второго сорта (или вообще лиц без гражданства) арабское большинство. Утверждается, что так и только так можно в длительной перспективе сохранить Израиль в качестве еврейского и в то же время демократического государства.

В этой связи трудно не задаться вопросом о том, как влияет массовая иммиграция в Израиль на политические планы его руководителей. Например, в случае (всякое бывало в истории) массового прибытия в Израиль евреев США, в результате чего демографический баланс изменится, сохранится ли такая потребность в эвакуации тех или иных поселений в Иудее и Самарии? И, как следствие подобных размышлений: если бы не было массовой иммиграции из СССР/СНГ в 1990-е годы, приняли бы израильские руководители, например, решение об эвакуации из Галилеи, где арабы еще двадцать лет назад составляли большинство жителей?

Нынешние стратегические приоритеты израильского правительства — сохранение еврейского большинства и обеспечение безопасности. Остальные соображения, в том

числе исторические и религиозные (предлагается эвакуировать жителей и разрушить поселения, созданные в святых для еврейского народа местах), а также экономические, практически отбрасываются. Концепция «территории в обмен на мир» умерла, партии, поддерживавшие данный подход, получили на выборах 2006 года в сумме менее четверти мест в кнесете. Новая израильская доктрина звучит иначе: «Территории в обмен на обеспечение демографического большинства при максимально возможном соблюдении интересов безопасности». Однако даже и ее реализовать не получается никак: опыт показывает, что уход с тех или иных территорий оборачивается значительным ухудшением состояния в сфере безопасности.

Уйти нельзя остаться. Четыре десятилетия после триумфальной Шестидневной войны израильское руководство и общество в целом не имеют ни малейшего понятия, а что же, собственно, следует делать, к чему стремиться. Перепробовали, кажется, все, однако ни мира, ни безопасности достичь так и не удалось, напротив, путь к этим целям представляется сегодня гораздо длиннее, чем это представлялось прежде. Это отодвигание «линии горизонта», исчезновение каких бы то ни было внятных политических перспектив (как у так называемого левого, так и у так называемого правого лагеря) и представляет главную трагедию современной израильской общественной жизни.

Заключение.
Сорок лет зигзагов в никуда

Проанализировав эволюцию израильской политики по отношению к контролируемым территориям на протяжении более чем сорока лет, с июня 1967 года по настоящее время, мы можем представить цельную картину происходивших изменений и факторов, оказавших влияние на эти изменения.

Сразу после окончания боевых действий в июне 1967 года перед израильским руководством, то есть перед кабинетом Леви Эшколя, встала серьезная проблема, касавшаяся выработки политики по отношению к тем территориям, которые в результате довольно случайно вспыхнувшей войны оказались под израильским контролем. Ситуация осложнялась тем, что ни у политического, ни у военного руководства страны не было на тот момент четко разработанной стратегии действий.

Ввиду этого военными, политическими и общественными деятелями было предложено несколько самых разных идей относительно будущего Западного берега и сектора Газы, которые в целом можно свести к четырем вариан-

там: аннексия всех территорий, оказавшихся под израильским военным контролем; создание на Западном берегу и в секторе Газы независимого палестинского государства; создание палестинской автономии под эгидой и фактическим контролем Израиля; возвращение большей части Западного берега Иордании. Единственной территорией, аннексированной Израилем, стал Восточный Иерусалим, присоединенный к западной, израильской части.

В силу ряда причин, часть из которых носила объективный характер (как например, неприятие международным сообществом аннексии территорий), а часть — исключительно субъективный (неверная оценка перспектив сепаратного договора с Иорданией), все вышеперечисленные опции оказались практически нереализуемыми. В результате вопрос об определении статуса контролируемых территорий был отложен на неопределенно долгий срок. Постепенно была начата реализация плана экономической интеграции Западного берега и сектора Газы в израильское хозяйство, дабы не допустить усиления социальной напряженности на этих территориях.

Ситуация изменилась после «электорального переворота» 1977 года, в результате которого к власти пришла партия «Ликуд», а главой правительства стал ее лидер Менахем Бегин. Активная поселенческая политика, катализатором которой было религиозно-сионистское движение «Гуш эмуним», ставила в качестве своей основной цели создание форпостов влияния, изменение демографической ситуации, чтобы территории, столь важные для Израиля в духовно-историческом аспекте, стали и навсегда остались частью еврейского государства.

Поворотным пунктом в эволюции израильской политики на контролируемых территориях можно считать пер-

вую интифаду, то есть палестинское восстание, вспыхнувшее в декабре 1987 года. Ставшее результатом сочетания ряда внутренних факторов как экономико-политического, так и демографического характера, оно показало крайнюю проблематичность продолжения политики статус-кво и в то же время — невозможность аннексии этих территорий. Конец 1980-х — начало 1990-х годов стали периодом формирования новой военно-политической реальности в регионе Ближнего Востока. Сочетание трех факторов — изменения в израильском общественном мнении и общественном сознании, поставившие во главу угла не идеологические, а социально-экономические проблемы, первая война в Персидском заливе, лишившая Ясира Арафата большой доли финансовых поступлений от палестинцев диаспоры, и, наконец, первая интифада, ясно указавшая на необходимость изменений, — привело к тому, что стал возможен беспрецедентный и нереализуемый до того переговорный процесс между израильскими руководителями и лидерами ООП. Переговоры, получившие название «процесс Осло», имели конечной своей целью решение всех проблем палестино-израильского конфликта и создания в будущем независимого палестинского государства. Переговорный процесс, однако, столкнулся с целым рядом трудностей и в итоге завершился провалом, когда премьер-министр Израиля Э. Барак, готовый пойти на беспрецедентные уступки, столкнулся с отказом Я. Арафата подписать соглашение о мирном урегулировании палестино-израильского конфликта.

Масштабные планы развития еврейских поселений на контролируемых территориях были реализованы лишь частично: на сегодняшний день общая численность еврейских жителей территорий, занятых Израилем в 1967 году, включая Восточный Иерусалим, составляет около полумиллио-

на человек, еврейский город возле Шхема так и не был создан, а число жителей Кирьят-Арбы в десять раз меньше планировавшегося идеологами «Гуш эмуним». Поселенцам не удалось реализовать свое стремление стать духовным и политическим авангардом «нового сионистского возрождения»: первым министром, проживающим за «зеленой чертой», стал в 1996 году представитель небольшой общинной партии выходцев из СССР/СНГ «Исраэль ба-алия» (ИБА) Юлий Эдельштейн, житель поселения Алон-Швут.

Изначально «встреча с Иудеей и Самарией — наследием праотцев и объектом устремлений молодых — зажгла сердца и воспламенила воображение»[290]. Однако сегодня представляются справедливыми горькие слова иерусалимского эссеиста Офира Хаиври: «Родиной современного израильского самосознания являются такие места, как Афула, Хадера или Реховот, воплощающие израильскую повседневную реальность. Эта реальность включает: местное отделение сети закусочных «Бургер-ранч» (или «Бургер-кинг»); выступления популярных эстрадных певцов; книжный магазин сети «Стеймацкий»; демонстрацию протеста, проводимую жителями неблагополучных районов перед зданием муниципалитета; два *мошава* и два *кибуца*, расположенных на въезде в город, из которых как минимум один находится на грани банкротства... Эта привычная реальность гораздо ближе среднему израильтянину, нежели могила праматери Рахели, которая в лучшем случае находится на периферии его сознания. В результате он не может представить себе ситуацию, при которой Афула или Хадера не останется под израильским суверенитетом, но при этом спокойно думает о том, что можно отдать Шило (где сотни лет стоял переносной Храм и находился духовный центр жизни народа) или Бейт-Лехем (Вифлеем), невзирая на глубочайшую символи-

ческую и историческую связь этих городов с еврейским народом. Представляется, таким образом, что израильтянин ощущает свою связь с определенным местом не в силу его сакральной ценности, а прежде всего на основании будничных аспектов, играющих центральную роль в его жизни»[291].

Однако готовность большинства израильтян уйти из Шило и Бейт-Лехема, отгородившись от них высоченным «забором безопасности», никакой безопасности стране не приносит. Израиль переживает сейчас едва ли не самый сложный период своей истории — период интеллектуально-политической стагнации. «День прошел — и слава Богу». Но может ли, руководствуясь этим принципом, жить и выжить государство, само создание и существование которого — вызов всему ходу мировой истории?

Примечания

[1] См., в частности: Michael B. Oren. *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East.* — Oxford: Oxford University Press, 2002; Алек Д. Эпштейн и Михаил Урицкий. Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке // «*Восток*» (Институт востоковедения РАН). 2003, № 2, с. 72–84.

[2] См.: Заки Шалом. *Дипломатия в тени конфликта: мифы и реалии событий, предшествовавших Шестидневной войне.* — Тель-Авив: изд-во Министерства обороны Израиля, 2007 [на языке иврит]).

[3] Этот тезис развивают, применительно к советской позиции, Изабелла Гинор и Гидеон Ремез, см. их вызвавшую горячие споры книгу: Isabella Ginor and Gideon Remez. *Foxbats over Dimona: The Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day War.* — New Haven: Yale University Press, 2007.

[4] Кроме отмеченной выше монографии Майкла Орена, упомянем в этой связи переведенный на русский язык труд Шабтая Тевета «Танки Таммуза» // *Арабо-израильские войны. 1956, 1967.* — М.: Эксмо, 2003, особенно с. 346–492 [книга опубликована в переводе с издания на английском языке, вышедшего в 1968 г.].

[5] См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война.* — Москва; Иерусалим: Мосты культуры, 2003, с. 273–274 [книга опубликована в переводе с издания на английском языке, вышедшего в конце 1967 г.].

[6] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories.* — London: Frank Cass Publishers, 2003. pp. 141–142.

[7] См.: Заки Шалом. *Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля.* — Тель-Авив: Открытый уни-

верситет Израиля, 2001, с. 29–37 [книга опубликована в переводе с языка иврит].

[8] См.: Соломон Шварц. *Советский Союз и арабо-израильская война 1967 года.* — Нью-Йорк: изд. Американского еврейского рабочего комитета, 1969, с. 63–73.

[9] См.: Itamar Rabinovich. *The Road Not Taken. Early Arab-Israeli Negotiations.* — New York: Oxford University Press, 1991, pp. 4–5.

[10] Д. Бен-Гурион достаточно лаконично рассказывает об этом в своих мемуарах, см.: Давид Бен-Гурион. *Обновленное Государство Израиль.* — Тель-Авив: Ам овед, 1969, том 1, с. 288–290 [на языке иврит].

[11] David Ben-Gurion. *Israel: A Personal History.* New York: Herzl Press, 1972, p. 269.

[12] См. об этом в книге Тома Сегева. «*1967*». — Иерусалим: Кетер, 2005, с. 198–199 [на языке иврит].

[13] См. текст этого Соглашения в переводе на русский язык в книге: «*Государство Израиль: политика и общество в документах*» / Под ред. З. Каца и В. Орла. — Иерусалим: Международная школа им. Ротберга, 1992, с. 33–39.

[14] См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион.* — Иерусалим: Библиотека Алия, 1991, том 2, с. 286–289 [книга опубликована в переводе с издания на иврите, вышедшего в 1980 г.].

[15] См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 281–282.

[16] См.: Григорий Меламедов и Алек Д. Эпштейн. *Дипломатическая битва за Иерусалим.* — Москва; Иерусалим: ИСАА при МГУ им. Ломоносова — Институт Ближнего Востока — «Мосты культуры», 2008, с. 195–196.

[17] См.: Давид Бен-Гурион. *Обновленное Государство Израиль.* том 2, с. 833–835.

[18] См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны.* — Иерусалим: Кетер, 2004, с. 488 [на языке иврит].

[19] См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*, том 2, с. 292.

[20] Цит. там же.

[21] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 142–143.

[22] Об Абдусе Саламе (1926–1996) см. в книге: *Лауреаты Нобелевской премии.* — М.: Прогресс, 1992, том 2, с. 348–351 [книга опубликована в переводе с издания на англ. языке, вышедшего в США в 1987 г.].

[23] См.: Seymor M. Hersh. *The Samson Option. Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy.* — New York: Vintage Books, 1993, pp. 120–121.

[24] См.: Avner Cohen. *Israel and the Bomb.* — New York: Columbia University Press, 1998, p. 112.

[25] См. там же, p. 226.

[26] См. статью «Эль-Ариш» в «*Краткой еврейской энциклопедии*», том 10. — Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 2001, с. 605–607.

[27] См.: Алек Д. Эпштейн. *Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика.* — Москва: Институт Ближнего Востока, 2005, с. 72–105.

[28] Этот документ был опубликован полностью в книге: Дан Бавли. *Надежды и упущенные возможности, 1967–1973.* — Иерусалим: Кармель, 2002, с. 247–251; анализ см. там же, на с. 134–138 [на языке иврит].

[29] Цит. в переводе на русский язык по: Шимон Перес. *Новый Ближний Восток.* — М.: Прогресс, 1994), глава третья.

[30] См.: Акива Эльдар. 14 июня 67-го они уже сформулировали Договор // «*Хаарец*» [«Страна»], 5 июня 2007 г. [на языке иврит].

[31] См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 90.

[32] См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография.* — Иерусалим: Кетер, 2004, с. 551 [на языке иврит].

[33] См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*, том 2, с. 284.

[34] См.: Ами Глуска. *Эшколь, дай приказ!* — Тель-Авив: изд-во Министерства обороны Израиля, 2004, с. 342 [на языке иврит].

[35] См.: Михаэль Бар-Зохар. *Бен-Гурион*, том 2, с. 288–290.

[36] См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 552.

[37] См.: Том Сегев. *1967*, с. 331.

[38] См.: Ами Глуска. *Эшколь, дай приказ!*, с. 344.

[39] См.: Том Сегев. *1967*, с. 332.

[40] См.: Ами Глуска. *Эшколь, дай приказ!*, с. 345.

[41] См.: Том Сегев. *1967*, с. 333–334.

[42] См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны.* с. 481–482.

[43] К сожалению, в посвященной событиям 1967 года главе в книге И. Алона об этом не упоминается ни единым словом; см.: И. Аллон. *Щит Давида.* — Иерусалим: Библиотека Алия, 1985, с. 280–283 [перевод с издания на англ. языке, опубликованного в 1970 г.].

[44] См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 92–93.

[45] См. там же, с. 94.

[46] См. там же, с. 284.

[47] См.: Йоси Гольдштейн. *Рабин. Биография.* — Тель-Авив: Шокен, 2006, с. 191–196 [на языке иврит].

[48] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 144–145.

[49] См.: Рэндалл и Уинстон Черчилль-мл, *Шестидневная война*, с. 283.

[50] См.: Моше Сассон. Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе // *Общество и политика современного Израиля* // Под ред. А.Д. Эпштейна и А.В. Федорченко. — Москва; Иерусалим: Мосты культуры, 2002, с. 248.

[51] См.: Йоси Гольдштейн. *Рабин. Биография.* с. 189.

[52] Первым об обнародованных протоколах написал историк и публицист Том Сегев, см. его статью «Когда Газа была Иерусалимом» // «*Хаарец*» — еженедельное приложение, 5 января 2006 г. [на языке иврит].

[53] Единственным источником, где удалось найти информацию об этом совещании, является книга Йоси Гольдштейна «*Эшколь. Биография*», с. 580–581.

[54] Интервью Леви Эшкола было опубликовано в журнале «*Newsweek*» 17 февраля 1969 г.

[55] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 137.

[56] См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 581.

[57] См.: Анита Шапира. *Игаль Алон*, с. 490–491.

[58] Данные приводятся по протоколу заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г.

[59] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 147; Дан Бавли. *Надежды и упущенные возможности, 1967–1973*, с. 138.

[60] См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography.* — London: Halban, 2005, p. 225 и далее. О встречах Я. Герцога и короля Хусейна см. также: Моше Зак. *Хусейн идет к миру.* — Рамат-Ган: изд-во Университета Бар-Илан, 1996, с. 57–102 и далее (книга посвящена памяти Я. Герцога) [на языке иврит]; Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace.* — London: Penguin Books, 2007, pp. 197–201, 207–209, 212–218 и далее.

[61] См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, p. 300.

[62] Цит. по дневниковым записям Я. Герцога от 2 июля 1967 г., находящимся в Гос. архиве Израиля. См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, pp. 303–304; Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace,* pp. 259–264.

[63] См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, p. 652.

[64] См.: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, p. 307.

[65] См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, pp. 652–653.

[66] Цит. по: Michael Bar-Zohar. *Yaacov Herzog. A Biography*, p. 299.

[67] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 147–148.

[68] См.: Asher Susser. *On Both Banks of the Jordan. A Political Biography of Wasfi al-Tall.* — Essex: Frank Cass, 1994, pp. 168–171.

[69] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 149–151.

[70] См., например, карту 3, озаглавленную «План Алона, 1970», помещенную в книге: «*Defensible Borders for a Lasting Peace*» (Jerusalem Center for Public Affairs, 2005), p. 13. Под тем же названием эта карта опубликована на иврите в книге Моше

Зака «*Хусейн идет к миру*», с. 316. В книге Ави Шлаима эта же карта называется «План Алона для Западного берега, 1967»; см.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, p. 291.

[71] См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны*, с. 553, сноска 54.

[72] См.: Моше Зак. *Хусейн идет к миру*, с. 313–315.

[73] См.: *Defensible Borders for a Lasting Peace*, p. 12.

[74] Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Том Сегев. *1967*, с. 552.

[75] См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны*, с. 488–489.

[76] См.: Avi Shlaim. *Lion of Jordan. The Life of King Hussein in War and Peace*, pp. 287–288.

[77] См. там же, с. 348.

[78] См.: там же, с. 337.

[79] Подробнее об этом см.: Моше Амирав. *Иерусалимский синдром.* — Иерусалим: Кармель, 2007 [на языке иврит].

[80] Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 11 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 582.

[81] Цит. по: Том Сегев. *1967*, с. 523.

[82] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 245.

[83] Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 27 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*, с. 735, сноска 892.

[84] Цит. по: Аба Эвен. *Главы жизни.* — Тель-Авив: Сифрият поалим, 1978, том 2, с. 432 [на языке иврит].

[85] См. официальный текст этого правового акта: Основной закон: Иерусалим — столица Израиля // *«Конституционное право»* / Под ред. Р. Длуми и М. Коэна. Гиватайм: Махшевот, 1998, с. 244 [на языке иврит].

[86] Цит. по: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 246.

[87] Бутрос Бутрос Гали. *Путь Египта в Иерусалим.* — М.: Институт Африки РАН, 1999, с. 263.

[88] См.: Uzi Benziman. Israeli Policy in East Jerusalem after Reunification // «*Jerusalem. Problems and Prospects*», ed. by Joel L. Kraemer. — New York: Praeger, 1980, pp. 103–104.

[89] Цит. по протоколу заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г., находящемуся в Государственном архиве Израиля; см. также: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)» // «*Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*» / Под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда. — Иерусалим: Кетер, 2002, том 1, с. 125 [на языке иврит].

[90] О первых годах ФАТХа и ООП см.: Артур Клява. Формирование организационных структур палестинского национального движения // «*Ближний Восток и современность*», 2006, № 18, с. 161–194; Александр Брасс. *Палестинские истоки.* — М.: ОЛМА-пресс, 2004), с. 19–63 и 132–202.

[91] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 145.

[92] Подробнее эта тема анализируется в книге: Shaul Mishal. *West Bank / East Bank. Palestinians in Jordan.* New Haven: Yale University Press, 1978.

[93] См. подробный анализ в книге: Ури Бар-Йосеф. *Задремавший часовой.* Лод: Змора-Бейтан, 2001 [на языке иврит].

[94] Игаль Аллон. *Щит Давида*, с. 292–293.

[95] См.: Моше Сассон. О мирных переговорах с соседями (личное видение), с. 126–127.

[96] Этот документ воспроизведен в книге Дана Бавли «*Надежды и упущенные возможности, 1967–1973*», с. 252–262.

[97] О роли А. Шхаде на Лозаннской конференции см.: Neil Caplan. *The Lausanne Conference. 1949.* — Tel Aviv University: Moshe Dayan Center for Middle East and African Studies, 1993, p. 41.

[98] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 192–194.

[99] См. там же, с. 195.

[100] См. там же, с. 196.

[101] См. там же.

[102] См. там же, с. 198.

[103] См. там же, с. 199.

[104] Цит. там же, с. 200.

[105] Цит. там же.

[106] Моше Сассон. Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе, с. 248–251.

[107] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 201–203.

[108] См.: Йоси Гольдштейн. *Рабин. Биография.* — Тель-Авив: Шокен, 2006, с. 192–193 [на языке иврит].

[109] Цит. по: Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*. Ramat Gan: Turtledove Publishing, 1978, p. 66.

[110] См.: Yehuda Blum. The Missing Reversioner: Reflections on the Status of Judea and Sumaria // «*Israel Law Review*», 1968, no. 3, p. 279; Meir Shamgar. The Observance of International Law in the Administered Territories // «*Israeli Yearbook of Human Rights*», 1971, no. 3, pp. 262–277.

[111] См.: Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, p. 65.

[112] Цит. там же.

[113] Цит. там же, с. 16 и 76.

[114] Цит. там же, p. 78.

[115] Предложения, представленные М. Даяном, излагаются в книге: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 150–152. На основе этой информации они анализируются и в настоящем издании.

[116] Подробные выкладки представлены в статье: Яков Файтельсон. Демографические тенденции в Стране Израиля (1882–2006) // «*Ближний Восток и современность*», 2007, № 32, с. 215–233.

[117] См.: Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, pp. 36–38.

[118] См. там же, с. 39.

[119] Цит. там же, с. 44.

[120] См. там же, с. 26.

[121] См. там же, с. 27–28.

[122] См. там же, с. 148–149.

[123] См.: William B. Quandt. *Camp David. Peacemaking and Politics.* — Washington: The Brookings Institution, 1986, p. 238.

[124] См.: Martin van Creveld. *Moshe Dayan.* — London: Weidenfeld and Nicolson, 2004, pp. 191–192.

[125] См.: William B. Quandt. *Camp David. Peacemaking and Politics*, p. 161.

[126] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 167–168.

[127] Цит. там же, с. 168.

[128] См. там же, с. 170–173.

[129] См. там же, с. 176.

[130] См.: Владимир Киселев. *Палестинская проблема в международных отношениях.* — М.: Наука, 1988, с. 125.

[131] См.: Александр Брасс. *Палестинские истоки.* М.: ОЛМА-пресс, 2004, с. 205–212.

[132] Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, p. 162.

[133] Цит. по: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 178.

[134] См. там же, с. 179–182.

[135] Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, p. 169.

[136] Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 184.

[137] См. там же, с. 186.

[138] См. там же, с. 206.

[139] См. там же, с. 204.

[140] Игорь Торик. *Энциклопедический путеводитель по Израилю.* — Иерусалим: ИсраДон, 2001, с. 393.

[141] История еврейской общины Хеврона в XVI — первой половине XX вв. излагается по книге: Ноам Арнон. *Еврейская община Хеврона* (Хеврон, 1996 [на иврите]).

[142] См.: Uri Bar-Joseph. *The Best of Enemies. Israel and Transjordan in the War of 1948.* — London: Frank Cass, 1987, pp. 62–64.

[143] См.: Рэндольф Черчилль и Уинстон Черчилль-мл. *Шестидневная война*, с. 210.

[144] Б.-Ц. Тавгер подробно рассказал об этом в книге «*Мой Хеврон*», опубликованной уже после его смерти (Иерусалим: общество «Шамир», 1998).

[145] Изложение истории развития поселенческого движения в 1967–1973 гг. базируется на информации, приведенной в статье «Между Шестидневной войной и войной Йом Кипура: от Кфар-Эциона до Хеврона» на сайте *http://rjews.net/maof/article.php3?id=4917&type=s&sid=19.*

[146] Протоколы заседаний кнесета, том 57, с. 1073 [на иврите].

[147] Изложение истории развития поселенческого движения во второй половине 1970-х гг. базируется на информации, приведенной в статье «Во время Голды и Бегина: от Элон Морэ до Ариэля» на сайте *http://rjews.net/maof/article.php3?id=4925&type=s&sid=19.*

[148] См.: Эхуд Шпринцак. "Гуш Эмуним" — модель политического радикализма // «*Государство, власть и международные отношения*», 1981, № 17, с. 23 [на иврите].

[149] См. там же, с. 28–31.

[150] Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, pp. 76–78.

[151] Yigal Allon. Israel: The Case for Defensible Borders // «*Foreign Affairs*», vol. 55 (October 1976), pp. 41–42.

[152] Цит. по: Dan Diker. A Return to Defensible Borders // «*Azure. Ideas for the Jewish Nation*», 2005, no. 21, p. 59.

[153] Цит. там же, с. 61.

[154] См.: Gershom Gorenberg. *The Accidental Empire: Israel and the Birth of the Settlements, 1967–1977* (Times Press, 2006).

[155] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories.* pp. 250–254.

[156] Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, p. 88.

[157] Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 255–258.

[158] Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, p. 167.

[159] См.: Michael Galchinsky. The Jewish Settlements in the West Bank: International Law and Israeli Jurisprudence // «*Israel Studies*», 2004, vol. 9, no. 3, p. 117.

[160] Mordechai Nisan. *Israel and the Territories: A Study in Control, 1967–1977*, p. 153.

[161] «*Краткая еврейская энциклопедия*». Иерусалим, 1985, т. 3, с. 690.

[162] Бутрос Бутрос Гали. *Путь Египта в Иерусалим*, с. 271–272.

[163] См. официальный текст этого правового акта: Закон о Голанских высотах // «*Конституционное право*» / Под ред. Р. Длуми и М. Коэна. — С. 588 [на языке иврит].

[164] Цит. по: «*A Civilian Occupation: The Politics of Israeli Architecture*», ed. by Rafi Segal and Eyal Weizman. — London: Verso, 2003.

[165] Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 268.

[166] Решение по иску 390/79 *Дуикат против правительства Государства Израиль* // Собрание постановлений Верховного суда Израиля, том 34 (1), с. 1 [на иврите]. См.: Ицхак Замир. Права человека и безопасность страны // «*Национальная безопасность и демократия в Израиле* / Под ред. Б. Нойбергера, И. Бен-Ами и А. Эпштейна. Т. 1. Раанана: Открытый университет Израиля, 2007, с. 302 [перевод статьи, впервые опубликованной на иврите в 1989 г.].

[167] См.: Хаим Герцог. *Арабо-израильские войны*. Лондон: Нина Карсов, 1986, том 1, с. 211 [перевод книги, впервые опубликованной на англ. языке в 1982 г.]; Говард Сакер. *История Израиля*. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1995, том 3, с. 202–207 [перевод книги, впервые опубликованной на англ. языке в 1976 г.].

[168] Цитируется в статье «Еврейские поселения в секторе Газы» на сайте *http://www.rjews.net/maof/article.php3?id=4986&type=y&sid=24051*.

[169] Цитируется (со ссылкой на историка Хагая Губермана) в статье Евгении Кравчик «Альтернатива офицерской элиты» // «*Новости недели*» (Израиль), 13 января 2005 г.

[170] Дело 606/78 Ойб и др. против министра обороны и др. // *Сборник решений Верховного суда Израиля*, том 33(2), с. 113 и далее.

[171] Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, p. 279.

[172] См.: Ziva Flamhaft. *Israel on the Road to Peace: Accepting the Unacceptable.* — Boulder: Westview Press, 1996, p. 146.

[173] Бутрос Бутрос Гали. *Путь Египта в Иерусалим*, с. 274.

[174] Там же, с. 275.

[175] Там же, с. 276–277.

[176] Там же, с. 268–269.

[177] Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 212–213.

[178] См. там же, с. 214.

[179] См. там же, с. 217–219.

[180] См. там же, с. 217–219.

[181] Цит. там же, с. 219–221.

[182] См. там же, с. 221–225.

[183] См. там же, с. 208–209.

[184] См. там же, с. 230.

[185] См.: Ашер Ариан. *Безопасность в тени угрозы. Общественное мнение в Израиле по вопросам войны и мира.* Тель-Авив: Центр стратегических исследований им. Яффе — изд-во «Папирус», 1999, с. 99 [на иврите].

[186] См.: Артур Клява. Палестинское национальное движение: от вооруженной борьбы к "дипломатии с оружием в руках" (1974–1991 гг.) // «*Ближний Восток и современность*», 2007, № 20, с. 60–61.

[187] Евгений Пастухов. Без права на перемирие? // «*Континент*» (Казахстан), 2005, № 4.

[188] Джо Стриж. Горит ли Париж? // «*Вести — общественно-политическое приложение*», 17 ноября 2005 г.

[189] О пренебрежительном отношении израильских властей к бедственному положению экономики на контролируемых территориях и многолетнем игнорировании нужд палестинского населения как о факторах, приведших к возникновению интифады, см.: Gail Pressberg. The Uprising: Causes and Consequences // «*Journal of Palestine Studies*», 1988, vol. 17; Эхуд Яари и Зеэв Шиф. *Интифада.* — Тель-Авив: Шокен, 1990, с. 71–93 [на иврите], а также Yezid Sayigh. Struggle Within, Struggle Without: The Transformation of the PLO Politics Since 1982 // «*International Affairs*», 1989, vol. 65, pp. 262–264.

[190] См.: Shlomo Gazit. *Trapped Fools: Thirty Years of Israeli Policy in the Territories*, pp. 293–294.

[191] См.: Йорам Пери. Влияние интифады на ЦАХАЛ // В книге «*Седьмая война*» / Под ред. Р. Галя. — Тель-Авив: Ха-киббуц ха-меухад, 1990, с. 122–128 [на иврите].

[192] См.: Александр Брасс. *Миссия выполнима. Удары израильского спецназа.* М.: Грифон, 2007, с. 241–258.

[193] См.: Артур Клява. Палестинское национальное движение: от вооруженной борьбы к "дипломатии с оружием в руках" (1974–1991 гг.), с. 61.

[194] См. текст этого документа: Harvey Sicherman, «*Palestinian Autonomy, Self-Government, and Peace*» (The Washington Institute for Near East Policy, 1993), pp. 161–162.

[195] «*Эль-Дустур*» [«Закон»] (Амман), 1 августа 1988 г. [на арабском языке].

[196] Текст этого документа в пер. на рус. язык см.: «*Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт*» (Нижний Новгород, 2008), том 2, с. 263–264. Интересно, что М. Аббас считает важнейшим фактором, повлиявшим на изменение иорданской позиции, именно срыв Амманского соглашения; см.: М. Аббас (Абу-Мазен). *Путь в Осло.* М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996), с. 152.

[197] См. их анализ в работе: Олег Колобов. Политика США по отношению к Израилю и арабским странам на рубеже 80–90-х годов XX века» // «*Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт*». — Нижний Новгород, 2008, том 1, часть 2, с. 243–330.

[198] См.: Ziva Flamhaft. *Israel on the Road to Peace: Accepting the Unacceptable*, pp. 53–55.

[199] См. там же, с. 56.

[200] См. там же, с. 84–86.

[201] Нужно отметить, что после трагедии 1948 года, когда большинство палестинских арабов оказались за пределами собственно Палестины, представители диаспоры играли ведущую роль в палестинском национальном движении; см.: Барух Киммерлинг и Йоэль Мигдаль. Палестинские арабы: диаспора как предтеча государственности // *«Диаспоры»*, 2006, № 3, с. 286–314 [перевод главы из книги, впервые опубликованной по-английски в 1993 г.].

[202] См.: Tamar Horowitz. The Influence of Soviet Political Culture on Immigrant Voters in Israel: The Elections of 1992, in E. Leshem and J. Shuval (eds.). *Immigration to Israel: Sociological Perspectives.* New Brunswick: Transaction Publishers, 1998, pp. 253–272.

[203] David Makovsky. *Making Peace with the PLO: The Rabin's Government Road to the Oslo Accord.* — Boulder, Colorado USA; Westview Press, 1996, p. 82.

[204] См. там же, с. 20.

[205] См. там же, с. 86.

[206] См.: М. Аббас (Абу-Мазен). *Путь в Осло*, с. 153 и 159–169; Яир Хиршфельд. *Осло: Формула мира. Переговорный процесс — стратегия и ее реализация.* — Тель-Авив: Ам овед и Центр им. И. Рабина, 2000, с. 93–97 и 111 [на иврите].

[207] Цит. по: М. Аббас (Абу-Мазен). *Путь в Осло*, с. 158–159.

[208] См.: Ophir Falk and Yaron Schwartz. The Oslo Process — Fate or Folly? — Position Paper (The International Policy Institute for Counter-Terrorism, Interdisciplinary Center, Herzliya, April 2002).

[209] См.: Bernard Lewis. *The Middle East and the West.* — New York: Harper and Row, 1964, p. 94.

[210] См.: Fouad Ajami. The End of Pan Arabism // *«Foreign Affairs»*, 1978, Vol. 2, p. 356.

[211] См. там же, с. 360.

[212] См.: Яир Хиршфельд. *Осло: формула мира*, с. 111–112.

[213] Цит. по: М. Аббас (Абу-Мазен). *Путь в Осло*, с. 173.

[214] См.: Яир Хиршфельд. *Осло: формула мира*, с. 112–113.

[215] Цит. по: М. Аббас (Абу-Мазен). *Путь в Осло*, с. 179–180.

[216] David Makovsky. *Making Peace with the PLO: The Rabin's Government Road to the Oslo Accord*, p. 35.

[217] Max Abrahms. A Window of Opportunity for Israel? // «*The Middle East Quarterly*», vol. 10, no. 3 (Summer 2003).

[218] Цит. по тексту выступления Ицхака Рабина в Колледже командного состава армии Израиля 12 августа 1993 г.

[219] Цит. по: Yitzhak Rabin. The Future of the U.S.–Israel Relationship / International Policy Conference, September 1, 1992. Опубликовано The Washington Institute for Near East Policy, p. 1.

[220] Цит. там же.

[221] Цит. по тексту выступления Ицхака Рабина в Колледже командного состава армии Израиля 12 августа 1993 г.

[222] Цит. по тексту выступления Ицхака Рабина в кнесете 13 июля 1992 г.

[223] Цит. там же.

[224] Yitzhak Rabin. The Future of the U.S.–Israel Relationship, p. 1.

[225] Цит. по: М. Аббас (Абу-Мазен). *Путь в Осло*, с. 196.

[226] См.: Яир Хиршфельд. *Осло: формула мира*, с. 137.

[227] См. там же, с. 139–141.

[228] David Makovsky. *Making Peace with the PLO: The Rabin's Government Road to the Oslo Accord*, pp. 70–73.

[229] Avi Shlaim. The Oslo Accord // «*Journal of Palestine Studies*», vol. 23, no. 3, p. 26.

[230] Эти документы опубликованы в переводе на русский язык в приложениях к книге М. Аббаса (Абу-Мазена) «*Путь в Осло*», с. 293–295.

[231] Itamar Rabinovich. *Waging Peace: Israel and the Arabs, 1948–2003*. — Princeton: Princeton University Press, 2004, p. 54.

[232] См.: Алек Д. Эпштейн. *Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке*. — Киев: Дух и литера, 2003, с. 136–148 («Развитие и крах процесса Осло»).

[233] David Makovsky. *Making Peace with the PLO: The Rabin's Government Road to the Oslo Accord*, p. 73.

[234] См. основные положения этого документа: «*The Middle East Peace Process. An Overview*» (State of Israel, Ministry of Foreign Affairs, 1999), p. 20.

[235] Об обсуждении иерусалимской проблемы в ходе палестино-израильских переговоров первой половины 1990-х годов см.: Григорий Меламедов, Алек Д. Эпштейн. *Дипломатическая битва за Иерусалим: закулисная история*, с. 252–261.

[236] См.: Itamar Rabinovich. *Waging Peace: Israel and the Arabs, 1948–2003*, p. 67.

[237] Подробный перечень обязательств по предотвращению антиизраильской террористической деятельности и сотрудничеству с Израилем в сфере безопасности, взятых на себя палестинскими руководителями, согласно подписанным в 1990-е годы соглашениям, см.: Christopher Barder. *Enough of Blood and Tears... A Statistically Based Survey of the Oslo Process, Its Agreements and Results.* — Ariel Center for Policy Research, 2002, pp. 26–30.

[238] «The First Intifada Statistics. Fatalities in the First Intifada». Данные израильской правозащитной организации «Бецелем». По данным, приводимым К. Бардером, в 1994 году жертвой палестинского террора стали 73 израильтянина, в 1995 году — 52. См.: Christopher Barder. *Enough of Blood and Tears..*, p. 64.

[239] Этот тезис развивается в книге: Efraim Karsh. *Arafat's War. The Man and His Battle for the Israeli Conquest.* — New York: Grove Press, 2003.

[240] Во время выработки этого соглашения оно оставалось известным только очень узкому кругу лиц. Этот документ был впервые опубликован на английском языке в журнале «*Newsweek*» 15 сентября 2000 г., а затем на иврите в газете «*Хаарец*» 21 сентября 2000 г.

[241] Об обсуждении иерусалимской проблемы в ходе переговоров Й. Бейлина и М. Аббаса (Абу-Мазена) см.: Григорий Меламедов, Алек Д. Эпштейн *Дипломатическая битва за Иерусалим: закулисная история*, с. 261–270.

[242] См.: Биньямин Нетаниягу. *Место под солнцем.* Иерусалим: Ассоциация «Алия за Эрец-Исраэль, 1996.

[243] Подробнее об этом см.: Григорий Меламедов, Алек Д. Эпштейн. *Дипломатическая битва за Иерусалим».* с. 327–365.

[244] См. основные положения этих документов: *The Middle East Peace Process. An Overview*, pp. 29–35.

[245] О саммите в Вашингтоне 30 сентября — 2 октября 1996 г. см.: Dennis Ross, *The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace.* — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004, pp. 266–268.

[246] См.: Itamar Rabinovich. *Waging Peace: Israel and the Arabs, 1948–2003*, p. 106.

[247] Подробное изложение американской позиции и рассказ о ходе переговоров, которые вели американские дипломаты по данному вопросу, см.: Dennis Ross. *The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*, pp. 349–397.

[248] См. основные положения этого документа: «*The Middle East Peace Process. An Overview*», pp. 33–35.

[249] См.: Itamar Rabinovich. *Waging Peace: Israel and the Arabs, 1948–2003*, p. 125.

[250] См. там же, с. 131–140.

[251] Об этих переговорах см.: Шломо Бен-Ами. *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса.* Тель-Авив: Едиот ахронот, 2004, с. 37–54 [на иврите].

[252] Itamar Rabinovich. *Waging Peace: Israel and the Arabs, 1948–2003*, p. 146.

[253] См.: Алек Д. Эпштейн. Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта» // В кн. «*Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии*» / Под редакцией Алека Д. Эпштейна. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004, с. 11–67.

[254] См.: Efraim Karsh. *Arafat's War . The Man and His Battle for the Israeli Conquest*, pp. 171–199.

[255] См.: Dennis Ross. *The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace.* pp. 751–753.

[256] См.: Itamar Rabinovich. *Waging Peace: Israel and the Arabs 1948–2003*, pp. 158–160.

[257] Изложение истории развития поселенческого движения в 1980-х — первой половине 1990-х годов базируется на ин-

формации, приведенной в статье «Во время Шамира и до соглашений в Осло: от Бейт Эля до побережья Газы» на сайте http://rjews.net/maof/article.php3?id=4932&type=s&sid=19.

[258] «The First Intifada Statistics. Fatalities in the First Intifada». Данные израильской правозащитной организации «Бецелем».

[259] Данные израильской правозащитной организации «Бецелем».

[260] См.: Таль Ямин-Вольвович. Покончил с собой поселенец, совершивший убийства с целью предотвратить размежевание // «*Маарив*», 22 декабря 2006 г. [на иврите].

[261] «*Краткая еврейская энциклопедия*», т. 3, с. 688–689.

[262] См.: Тани Гольдштейн. 2007: еще четырнадцать тысяч поселенцев в Иудее и Самарии» // «*Едиот ахронот*», 20 января 2008 г. [на иврите].

[263] «Консультативное заключение Международного суда относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории»: документ ООН A/ES-10/273, с. 48, пункт 120.

[264] Цитируется в статье Александра Левина «Сегодня — Газа, завтра — Иудея» // «*Спектр*» (США), №2 (68), февраль 2004 г.

[265] См.: Бенни Моррис. *Жертвы. История сионистско-арабского конфликта, 1881–2001.* Тель-Авив: Ам Овед, 2003, с. 460 [на иврите].

[266] Цитируется в статье Александра Левина «Сегодня — Газа, завтра — Иудея».

[267] См.: Яир Хиршфельд. *Осло: Формула мира*, с. 156.

[268] См.: А.Ф. Чистяков. Палестино-израильский конфликт: от переговоров к конфронтации // «*Ближний Восток и современность*», 2001, № 12, с. 260–290.

[269] См.: Гилад Шер. *На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца.* — Тель-Авив: Едиот ахронот, 2001, с. 399–400 [на иврите].

[270] См. там же, с. 405.

[271] Шломо Бен-Ами. *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса*, с. 434.

[272] См.: Гилад Шер. *На расстоянии вытянутой руки*, с. 405.

[273] Шломо Бен-Ами. *Фронт без тыла*, с. 442.

[274] Там же.

[275] Полный текст этого документа в переводе на русский язык см.: *Программы урегулирования палестино-израильского конфликта* / Под ред. А.Д. Эпштейна. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004, с. 115–148.

[276] См. там же, с. 121–122.

[277] См. полный список инициаторов Женевского соглашения там же, с. 147–148.

[278] См.: *По обе стороны стены. Беседы Хаима Мисгава с Шимоном Пересом.* — М.: Олма-пресс, 2005), с. 47 [перевод с издания на иврите, 2004 г.].

[279] Речь премьер-министра А. Шарона на конференции в Герцлии 18 декабря 2003 г., на сайте: http://www.pmo.gov.il/PMO/Archive/Speeches/2003/12/Speeches8996.htm [на языке иврит].

[280] См.: Алек Д. Эпштейн. Инициативы Израиля на "палестинском направлении" в период правления Ариэля Шарона // В кн. «*Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии*» / Под ред. А.Д. Эпштейна (М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), с. 219–240.

[281] См.: Алек Д. Эпштейн. А караван идет?.. Израильское общество и политическая система в зеркале "программы размежевания" // «*Вести*» — общественно-политическое приложение (Израиль), 29 сентября 2005 г., с. 8–9.

[282] См.: Алек Д. Эпштейн. *Почему провалилась "Дорожная карта"?* — Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2006, с. 25–32.

[283] См.: Алек Д. Эпштейн. *ХАМАС в региональной политике.* — Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2007, с. 96–109.

[284] Григорий Косач. Марксисты в контексте второй интифады: Демократический фронт освобождения Палестины // «*Ближний Восток и современность*», 2002, № 15, с. 102–138.

[285] Цит. по: Григорий Косач. Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС // «*Исламизм и экстре-*

мизм на Ближнем Востоке. — М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока — Академия геополитики и безопасности, 2001, с. 112.

[286] Цит. там же.

[287] Цит. там же.

[288] Там же, с. 113.

[289] См.: «*По обе стороны стены. Беседы Хаима Мисгава с Шимоном Пересом*», с. 112.

[290] Цит. по: Амнон Рубинштейн. *От Герцля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма.* — Минск: МЕТ, 2000, с. 173 [перевод с иврита].

[291] Офир Хаиври. Сделаем и постигнем // «*Еврейское государство в начале XXI века. Антология современной израильской общественно-политической мысли.* Москва; Иерусалим: ИСАА при МГУ им. Ломоносова, центр «Шалем», Иерусалим — «Мосты культуры», 2008, с. 273–274 [статья была впервые опубликована на иврите в 1996 г.].

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Институт Ближнего Востока, до 2005 года — Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, возник в начале 1990-х годов. Основатели института ставили перед собой задачу остановить процесс деградации российского востоковедения в области изучения Ближнего и Среднего Востока. Для этого необходимо было спасти архивно-библиотечные фонды, поддержать действующих специалистов, восстановить регулярное поступление информации, привлечь в корпорацию «ближневосточников» молодых специалистов. Немалую роль в становлении института сыграло знакомство его создателей с опытом работы американской, британской, французской и израильской школ изучения Ближнего Востока.

К тому времени, как в 1993 году Институт изучения Израиля был зарегистрирован, в нем были собраны уникальные библиотека и архив. Специалисты, стоявшие у истоков его создания, занимались не только Израилем. Среди них были арабисты, иранисты, тюркологи.

Итогом деятельности института в начале нового века являются сотни статей в отечественных и зарубежных СМИ и более полутора сотен книг. В их числе монографии, сборники, страноведческие справочники, серии «Ближний Восток и современность», «Арабские страны», молодежный «Востоковедный сборник». С институтом в качестве авторов и экспертов сотрудничают более четырехсот высококвалифицированных специалистов, в том числе несколько десятков — из-за рубежа. Традицией стало проведение в ИБВ конференций и круглых столов, посвященных наиболее острым проблемам Ближнего и Среднего Востока. Эксперты института значительное время

проводят в странах региона, находясь в центре процессов, идущих в изучаемом регионе.

Институт в своей работе тесно взаимодействует с российскими официальными учреждениями и ведомствами, занимающимися проблемами Ближнего Востока, высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими центрами и институтами РАН. Стратегию ИБВ определяет экспертный совет, возглавляемый президентом Е.Я. Сатановским. Текущей работой руководит директор Е.Л. Жигун.

Институт открыт для взаимодействия с любыми партнерами, какое бы учреждение или страну они ни представляли. Специалисты привлекаются к его работе на межведомственной основе, вне зависимости от отношений между ведомствами, в которых они работают, по контрактам или в рамках научного обмена. Институт не имеет политических пристрастий.

Институт — единственный в своем роде центр, специализирующийся на комплексном изучении современного Ближнего и Среднего Востока. Результаты его работы — лучший ответ на вопрос, насколько удачным может быть для российских ученых эксперимент по совмещению отечественных традиций и зарубежного опыта.

Автор настоящей книги д-р Алек Д. Эпштейн давно и плодотворно сотрудничает с Институтом Ближнего Востока. Институт опубликовал десятки статей и семь монографий А.Д. Эпштейна, в том числе «Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика» (2005), «Почему провалилась “Дорожная карта”?» (2006) и «ХАМАС в региональной политике» (2007). Книга «Закулисная история», написанная А.Д. Эпштейном совместно с Г.А. Меламедовым, была выпущена Институтом Ближнего Востока совместно с ассоциацией «Мосты культуры» в апреле 2008 года.

Издано Институтом Ближнего Востока в 2007 г.

(полный список изданий на сайте www.iimes.ru)

«Ближний Восток и современность». Сборник статей. Выпуск 30.

«Государство Израиль: политика, экономика, общество». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

К.В. Вертяев. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XXI века) (совместно с ИВ РАН).

«Ближний Восток и современность». Сборник статей. Выпуск 31.

«Ближний Восток и современность». Сборник статей. Выпуск 32.

М.Н. Гусев. Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил.

«Востоковедный сборник». Выпуск восьмой.

Г.Г. Косач. Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990—2006 г.).

Д.А. Марьясис. Израиль в системе международных экономических отношений (1985—2005 гг.) (совместно с ИВ РАН).

Л.Н. Руденко, З.А.Соловьева. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире (совместно с ИВ РАН).

Алек Д. Эпштейн. ХАМАС в региональной политике.

С.Н. Саруханян. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях.

В.П. Юрченко. Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX — начало XXI века). Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

Г.А. Меламедов, Д.А. Эпштейн. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история.

Оглавление

Предисловие президента Института Ближнего Востока 5
Предисловие автора 11

Глава I. Что делать с плодами победы? Политические дискуссии в израильском руководстве по окончании Шестидневной войны

Седьмой день Шестидневной войны 17
Предложения Разведывательного управления Армии обороны Израиля 20
Особое мнение Давида Бен-Гуриона 23
Предложения профессора Юваля Неэмана 27
Меморандум группы сотрудников «Моссада» и военной разведки 34
Предложения Моше Даяна 39
Решение правительства Израиля от 19 июня 1967 года 49
Предложение Элияху Сассона и «четырехсторонняя комиссия» 54
Планы Игаля Алона 58

Глава II. Первые практические шаги Израиля на контролируемых территориях

Аннексия Восточного Иерусалима 66

Постоянство временных решений: формирование и закрепление статус-кво 73
Переговоры о создании муниципальной автономии 83

Глава III. Политика кабинетов Голды Меир и Ицхака Рабина: «эволюционирующий статус-кво»

Политические, экономические и идеологические аспекты контроля над Западным берегом и сектором Газы 98
Израильское общественное мнение о статусе контролируемых территорий в 1967–1976 годах 102
Муниципальные выборы 1972 и 1976 годов 109
Еврейское заселение Западного берега реки Иордан до 1967 года 119
Поселенческая деятельность в 1967–1976 годах 124

Глава IV. Правительство Менахема Бегина: между переговорами об автономии и медленной аннексией

Политика Бегина на контролируемых территориях: идеология «Ликуда» и договоренности в Кемп-Дэвиде 138
Поселенческая политика: новые цели и новые методы 142
Переговоры о создании автономии на Западном берегу и в секторе Газы 151
Создание гражданской администрации 160
Контролируемые территории в свете общественного мнения (1977–1987) 164

Глава V. Первая интифада и процесс Осло (1987–1996): новая политическая и международная реальность

Начало интифады и отказ Иордании от Западного берега 167
Дипломатия США и политика правительства национального единства 173
Мадридская конференция 179
От тайных переговоров — к церемонии у Белого дома 183

Соглашения Осло и процесс их реализации в 1993–1996 годах 199

Глава VI. Стагнация и крах палестино-израильского переговорного процесса. Правительство Б. Нетанияху (1996–1999): правые лозунги и реальная политика

Правительство Э. Барака (1999–2001): саммит в Кемп-Дэвиде и провал мирного процесса. Начало второй интифады 210

Еврейские поселения на контролируемых территориях в конце XX — первом десятилетии XXI века 225

Правительство А. Шарона (2001–2006) и правительство Э. Ольмерта (2006–2008): от двусторонних соглашений к одностороннему размежеванию 239

Заключение. Сорок лет зигзагов в никуда 225

Примечания 261

Институт Ближнего Востока 283

А.Д. Эпштейн

Израиль и (не)контролируемые территории:

УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ

9 785932 732830

Издательство «Мосты культуры»
ЛР № 030851 от 08.09.98
Формат 84 x 108 / 32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 9,0.
Подписано в печать 26.09.2008. Заказ №
Тираж 1000 экз.

Электронный вывод и печать в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6